

Виктор Танин

ЗЁРНА ДОБРОТЫ

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Ярославль
2016

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6
Т18

Т18 **Танин, Виктор.**
Зёрна доброты. Житейские истории. – Ярославль : Филигрань, 2016. – 156 с.

Автор сборника откровенных воспоминаний появился на свет вскоре после окончания Великой Отечественной войны, благодаря тому отрадному факту, что его отец, фронтовой шофёр гвардии сержант Алексей Андрусов, часто находясь под вражеским огнём, проехал за рулём автомашины от Сталинграда до Берлина, был дважды ранен, но, к счастью, живым возвратился домой. Так, на радость отца и матери многодетной семьи, родился победный сын Виктор – будущий офицер-журналист. Написанные им житейские истории вызовут у вас интерес. Наполненные оптимизмом строки посеют в ваших сердцах зёрна доброты.

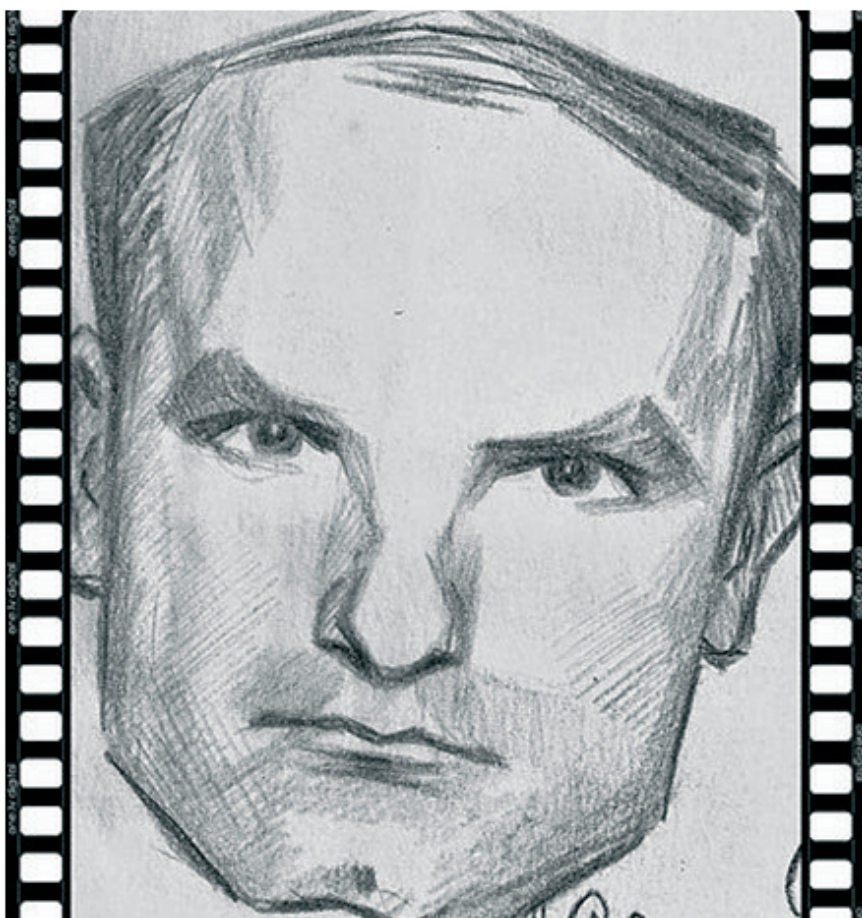
КНИГА ПОСВЯЩАЕТСЯ 70-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ АВТОРА.

Подписано в печать 24.05.2016. Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 19,5.
Заказ № 16131. Тираж 40 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Филигрань».
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, д. 91, pechataet@bk.ru

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© Танин В., 2016

*Зёрна доброты взойдут непременно –
девиз моей жизни.*

*Дарю книгу воспоминаний тем, кого уважаю,
ценю и люблю...*

Офицер-журналист Виктор Алексеевич Андрусов

Дорогие друзья!

Пусть вам не покажется странным такое обращение. Автор этого сборника, искренне надеется на то, что читатели обязательно станут его друзьями. Ведь рассказы – доверительный разговор, где нет ничего надуманного или приукрашенного.

Автор – военный журналист, подполковник Виктор Андрусов черпал эти рассказы из будней своей непростой и очень интересной биографии. В жизни этого скромного, целеустремленного, организованного и ответственного человека много удивительного. И это удивительное кроется в простоте. Виктор – из казачьего рода, из многодетной семьи. Детство его прошло в глинобитной хате, крытой камышом, в окружении дружной семьи. Светлая юность явилась для него огромным миром мечтаний и открытий.

Виктор Андрусов – прекрасный бытописатель. В его рассказах о детстве и казачьих корнях очень точно подмечены, казалось, незначительные детали, сформировавшие в мальчишке твердый характер, пытливый ум и наблюдательность, любовь к природе и людям, к жизни.

«Зипуны у нас серые, да умы бархатные ...», – есть такая казачья поговорка. И она об Андрусове. Ведь идея написать рассказы могла родиться только в недрах воистину бархатного ума – ясного и чистого, привыкшего обдумывать любые ситуации, стараться всегда понять людскую боль, смягчить остроту конфликтов...

Прелесть этой незамысловатой прозы в ее лаконичности и в то же время в завершенности. Такие рассказы случается услышать от интересного попутчика в поезде, когда общение в течение нескольких дней в тесном купе становится простым и откровенным, ни к чему не обязывает, не требует доказательств правдивости рассказанного – ведь каждый потом отправится по своим делам... Однако рассказы, которые собраны в этой книжке, еще долго будут волновать вас и вам обязательно захочется поделиться теми зернами доброты, которые в них есть.

Во всех рассказах, за малым исключением, автор – главное действующее лицо, участник либо кропотливый исследователь событий, но обязательно с правдивыми свидетельствами. Так, очень ценной является публикация о событиях на Даманском. Факты, изложенные в ней, идут от участников. Автору довелось и самому служить в этих краях.

Безусловно, военная судьба наложила свой отпечаток на творчество офицера. Здесь нет особых языковых изысков, сложных стилистических конструкций. Эта проза проста и сдержана, и тем она ценнее. Журналистские, репортерские навыки, конечно, присутствуют в рассказах Виктора Алексеевича. Но всё-таки они не сродни материалам в дивизионной газете, а скорее напоминают кадры кинохроники не многословием, логичностью и чёткостью, абсолютной завершенностью каждого сюжета.

Кажется нет такого в жизни, о чем бы он ни знал и что бы он ни испытал... И бархатность мышления этого автора еще и в том, что он абсолютно искренне может подтрунивать над собой, а это говорит о широте души. Даже, если случаются какие-то подколки, они очень мягкие, не злобные.

Читатель улыбнется, читая о конкурсе танцев в Потсдаме или о рыбалке в порванных штанах, удивившем педантичных аккуратистов-немцев на озере Хафель. Рассказы о рыбалке вообще заслуживают особого внимания. Возможно, автор потому так молод душой и полон оптимизма, что время, проведенное на рыбалках, Господь не засчитывает в жизненный стаж?

Говорят, ничто не рождается из-под поджарого пера... У Виктора Андрусова перо разное: временами острое – в фельетонах и юморесках, романтическое – в историях о любви, почти нежное от нежности, когда он пишет о своих казачьих корнях, о маме, об отце, о близких, о детстве.

На снимках: Виктор в юности и в годы солдатской службы

А еще Виктор Алексеевич Андрусов, по моему мнению, открыл самую верную и самую понятную формулу любви. «Любить – значит, восхищаться!» – так называется один из его рассказов. Коротко, ёмко, философски мудро!!! Ведь и, правда, любовь – это всегда восхищение: женщиной, природой, живописным полотном, вкусом ягоды или запахом цветка. Вспоминается Окуджава: «Давайте говорить друг другу комплименты, ведь это все ЛЮБВИ счастливые моменты!».

И хочется говорить комплименты мужественному, бывалому человеку, с юности одетому в военную форму за то, что он не растерял на трудных дорогах и в ратных буднях свою чистую душу, умение любить Родину, свою семью, свой дом. Как бы ни были тяжелы погоны на плечах военного журналиста, ведь в руках его и перо, и автомат, тяжесть эта подчеркивает ответственность, которую берет он на себя в публикациях.

За плечами В. Андрусова блестящая журналистская школа: Львовское высшее военно-политическое училище, которое он окончил в 1972 году и Военно-политическая академия, обучение в которой он завершил в 1980 году. Сборник рассказов – итог прожитых им лет, дань уважения удивительным преподавателям, которые воспитали в нем военного журналиста, офицера. Этот сборник – залог светлой памяти о каждом человеке, кто встречался на жизненном пути автора.

Татьяна МОТОРИНА,

поэт, профессиональный журналист и редактор,
эксперт Приморского отделения Русского географического общества.

*Солдат-ракетчик Виктор Андрусов.
1967 год. Новочеркасск*

*Виктор Андрусов – курсант факультета журналистики
Львовского ВВПУ. 1970 год*

От автора

Вы держите в руках иллюстрированный сборник статей, рассказов, миниатюр – плод моих откровенных воспоминаний о прожитых годах. Как военному человеку, мне довелось испытать немало трудностей, бывать в рискованных ситуациях. Однако считать себя счастливым не переставал никогда. И даже сегодня, в пожилом возрасте, я – оптимист.

В этой книге по существу вся моя биография, изложенная незамысловатым, простым и понятным языком. Совершенно не приемлю заумных, напыщенных, тем более грубых, нецензурных слов, как этим щеголяют некоторые непорядочные журналисты и писатели. В противоположность их приёмам ставлю абсолютную правдивость, безукоризненную точность, реалистичность.

Честь офицера и честность журналиста – для меня были и остаются святыми понятиями. В учёбе, воинской службе, во всех сферах жизни старался придерживаться таких почитаемых в народе качеств, как доброта, порядочность, бескорыстие. Убедиться в этом можно на публикациях в сборнике: «Любимый начальник», «Лесная отшельница», «Базарные страсти», «Горжусь своей рускостью».

Не боясь опорочить себя перед читателями, открыто пишу, каким подчас бываю наивным и чудаковатым (сказывается казачье происхождение). Это можно понять, прочитав рассказы: «Смеяться полезно», «Ушибленный форточкой», «Ланцепупы», «Дал маху...».

Хочу признаться, что книга издана не для продажи, а для дарения на память моим любимым родственникам, милым друзьям и коллегам. Она появилась на свет благодаря неравнодушным к моему скромному творчеству двум обаятельным, эрудированным женщинам. Это – моя жена Татьяна и Татьяна Моторина, супруга офицера-газетчика. Первая – корректировала произведения в процессе их написания. Вторая – Татьяна Павловна, опытный редактор, по собственной воле взялась за окончательную правку материалов. Подчеркиваю, что она сделала это на совесть, профессионально, без ущерба содержанию и авторскому стилю. Низко кланяюсь вам, дорогие женщины!

Это первая моя книга. Надеюсь, не последняя. Собираюсь рассказать о легендарной, сложной судьбе моих предков – казаков станицы Убеженской в повести «Рассветы над Кубанью», для которой накопил исторические факты и фотодокументы. На очереди также задуманная с молодости эпистолярная повесть «Сокровенные строки» (предварительное название) – это будут интересные размышления над удивительными письмами и дневниковыми записями прошлого века.

Сборник «Зёрна доброты» насыщен и грустными, и потешными произведениями. Они, как срез истории. Как кусочки мозаики, сложенные в общую, одухотворённую картину моей жизни и жизни окружающих меня людей. Отправляю читателям вагонетку, полную сокровенных и волнующих мыслей, чувств, эмоций.

Встречайте...

В.Танин

(литературный псевдоним

Виктора Андрусова,

члена Союза журналистов СССР)

Удостоверение члена Союза журналистов СССР, в который меня приняли 40 лет назад в должности редактора газеты 135 МСД

*Андрусов Николай Иванович –
учёный, геолог, палеонтолог (1861–1924)*

*Андрусов Алексей Афанасьевич –
ветеран Великой Отечественной (1905–1989)*

Андрусов Василий Михайлович – заслуженный инженер-металлург Советского Союза

Знай наших!

Изучив историю происхождения своей фамилии, мне стали известны следующие факты.

Фамилия Андрусов в 50 % случаев имеет русское происхождение, в 5 % – украинское, в 10 % – белорусское, в 30 % пришло из языков народов России (татарского, мордовского, башкирского, бурятского), в 5 % случаев происходит из болгарского и сербского языков.

Основой происхождения фамилии Андрусов послужило церковное имя Андрей, которое в переводе с древнегреческого означает «мужественный». Это имя носил один из апостолов Иисуса Христа – Андрей Первозванный. Согласно преданиям, апостол проповедовал «скифам», то есть балканским народам и племенам, проживавшим на берегах Черного моря. Был распят в Греции на кресте, имевшем форму буквы «Х», за что тот получил название «Андреевский крест». В этом же контексте звучит и принятый в российском флоте «Андреевский флаг» с известным всем символом.

В «Биографической энциклопедии» рассказывается о знаменитых людях с нашей фамилией. Это Андрусов Николай Иванович – 07(19).12.1861, Одесса, Россия – 27.04.1924, – Прага, Чехия – выдающийся учёный, геолог, палеонтолог. Известен также и поэт Андрусов Леонид Иванович 1875 года рождения. В 1908 году он издал поэтический сборник «Сказка любви». Занимался переводами стихов немецких поэтов. Эти Андрусовы оставили памятный след на земле – так же, как и многие мои старшие родственники.

Андрусов Алексей Афанасьевич, 1905 г. р.

Звание: гвардии сержант,

в РККА с 24.06.1941 года.

Место призыва: Урванский РВК,

Кабардино-Балкарская АССР,

№ записи: 25304375 –

награждён орденом Красной Звезды.

На снимке: мои родственники по линии мамы двоюродная сестра Нина Ефимовна Тарасова (крайняя слева) с мужем Сергеем Сергеевичем Корнеевым (крайний справа), дочь Вaley, а также двоюродный брат Александр Ефимович Тарасов с женой. 1952 год

Мой двоюродный брат фронтовой шофёр Иван Михайлович Андрусов (второй слева во 2-м ряду). Коломна. Ноябрь 1941 года

П Р И К А З

27-й Гвардейской стрелковой Новобугской Краснознаменной
ордена Богдана Хмельницкого дивизии

30. июля 1945 г.

№ 0254/н

Действующая Армия.

СЕКРЕТНО

Экз. № 3

и 010922

13.9

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество НАГРАЖДАЮ:

Орденом " КРАСНАЯ ЗВЕЗДА "

1. Гвардии
★ сержанта

АНДРУСОВА
Алексея Ананасьевича

Шофера эвакуаторного
взвода 498 отд.медико-
санитарного батальона.

2. Гвардии
старшину

СОКОЛЬНИКОВА
Александра Яковлевича

Помощника ком.взвода 1-го
б-на 74 гвардейского стрел-
кового полка.

Орденом " СЛАВЫ ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ "

1. Гвардии
рядового

ГОРБАЧЕВА
Николая Ивановича

Санера саперного взвода
74 гв.стрелкового полка.

2. Гвардии
рядового

КУДОШИНА
Петра Яковлевича

Стрелка 3-го стр.б-на
83 Гвардейского стрелкового
полка.

3. Гвардии
рядового

КОРЕХОВА
Андрея Васильевича

Автоматчика роты 74 Гвардей-
ского стрелкового полка.

4. Гвардии
рядового

КУРВАНОВА
С а н а р а

Стрелка 74 Гвардейского
стрелкового полка.

5. Гвардии
сержанта

ЛИСИНА
Николая Федоровича

Командира отделения 5 стр.
роты 2-го стр.б-на 83 Гвар-
дейского стрелкового полка.

6. Гвардии
рядового

НУРГАЛЬДИЕВА Мерет

Стрелка 7 стрелковой роты
83 Гвардейского стрелко-
вого полка.

Медалью " ЗА БООЕНЫЕ ЗАСЛУГИ "

1. Рядового

ЛОКОТИНОВА
Виктора Григорьевича

Санитара 498 отд.медико-
санитарного батальона.

Отпечатано 3 экз.
Экз. № 1-2-ОК в ГА.
Экз. № 3 - в дело.
К.В.

Гибор

Приказ о награждении личного состава 27-й гвардейской стрелковой дивизии

Все графы заполнять полностью

Наградной лист

1. Фамилия, имя и отчество Андрусов Алексей Афанасьевич
2. Звание гвардии сержант 3. Должность, часть цф. автобронетранс.
взвод. 496 аф. медико санитарного бна 27-й гвардейской стр. дивизии Краевого орд. Богдана
- Представляется к ордену "Красная Звезда" Именинного дивизии
4. Год рождения 1905 5. Национальность Русский 6. Партийность Канд. ВКП(б)
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и
отечественной войне (когда, Кавказ 1941-декабрь 1941-западный фронт январь 1941-март 1942
Калининский фронт Июнь 1942-март 1943 Сталинградский фронт май 1943
июнь 1944-Волгоградский фронт Июнь 1944 по части Краевого фронт
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне одно легкое ранение
9. С какого времени в Красной Армии с 24 июня 1941 10. Каким РВК
призван Урваевским Р.В.К. Кабардинско Балкарской А.С.С.Р.
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) Медаль "за оборону Сталинграда"
12. Постоянный домашний адрес представленного к награждению и адрес его семьи

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

тов. Андрусов работает в 496 Олесь с июня 1943 года за время
работы показал себя, как дисциплинированный и смелый боец
санитарной машины. Во время боевых действий тов. Андрусов
выполнил ранение с полковой санитарной роты, неоднократно подвергался
артиллерийскому обстрелу противника, но ни разу не покинул
машину и всегда доставлял во время ранений в Олесь нематери-
алы на каприз обстановки тов. Андрусов всегда бережно возил
раненых и не наносил никаких повреждений раненым во время
перевозки за период боевых операций от р. Одера до Берлина
тов. Андрусов перевез 360 человек раненых солдат и офицеров,
кроме этого также участвовал в перевозке раненых М.С.Б.
во время операции тов. Андрусов в числе достой-
но награжденных орденом "Красная Звезда"

21.6.45 года

Олесь

Подпись

Подпись

На снимке: семья участника Великой Отечественной войны, моего двоюродного брата Ивана Михайловича Андрусова, его супруга Прасковья, сын Валера и дочь Таня. Посёлок Докшукино (ныне город Нарткала) Кабардино-Балкарской республики. 1955 год

Мечтал и стал классным лётчиком племянник Борис, сын моего двоюродного брата Василия Михайловича Андрусова. Не каждому по плечу эта нелёгкая, связанная постоянно с риском для жизни, работа в небе. А он, Андрусов, кубанский казак в третьем поколении, осилил эту мужественную профессию. Знай наших!

Андрусов Алексей Афанасьевич

Год рождения: 16.03.1905.

Место рождения: Краснодарский край,
Успенский р-н, ст. Убеженская.

№ наградного документа: 87.

Дата наградного документа: 06.04.1985

№ записи: 1510424301 – вручены
орден Отечественной войны II степени,
медаль «За боевые заслуги».

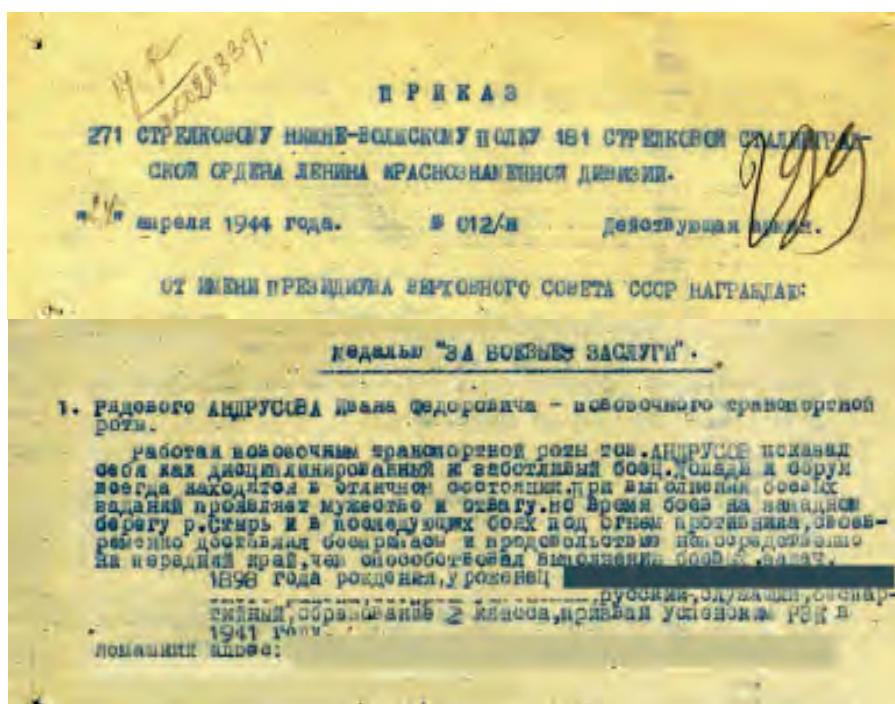
Андрусов
Алексей Афанасьевич (1905-1989)
1985 год

Андрусов Иван Федорович, 1898 г. р.

Звание: рядовой, в РККА с 1941 года.

Место призыва: ст. Убеженская, Успенский РВК, Краснодарский край.

№ записи: 30881423.

Документ из ОБД «Подвиг народа»

Андрусов Виктор Яковлевич из ст. Косякинской.

Информация из документов, уточняющих потери:

Фамилия – Андрусов

Имя – Виктор

Отчество – Яковлевич

Корни происхождения нашего кубанского казачьего рода Андрусовых (по отцу) и Дмитриевых (по матери) тянутся в станицу Убеженскую Успенского района Краснодарского края. Казаки стояли на защите южных рубежей России, храбро, не щадя своей жизни, сражались с её врагами. В мирное время проходили войсковое обучение на сборах, а также напряжённо трудились на земельных наделах, выращивали хлеб, овощи и фрукты. Разводили также птиц, домашний скот. Казачьи семьи, благодаря напряжённому труду, жили в достатке. С приходом советской власти у казаков отняли имущество и передали колхозам. Немало из них было подвергнуто репрессиям – отправкой в лагеря и переселением за Урал. Некоторые, спасая себя и свои семьи, в 30-е годы перебрались в южные края. Так поступил и мой отец – Андрусов Алексей Афанасьевич – с многочисленными родными уехал в Кабардино-Балкарию.

Расскажу кратко о судьбе родственников.

По линии отца – Андрусова Алексея Афанасьевича (1905–1989).

Мой дед, небогатый кубанский казак Афанасий Андрусов. Его дети, *три сына*: Алексей (1905 года рождения) – *мой отец* – после отъезда с семьёй из станицы Убеженской в 33-м году, спасаясь от голода, постоянно, до самой смерти (в 1989 году) жил в городе Докшукино (ныне – Нарткала) Кабардино-Балкарской Республики; Михаил (1891 года рождения) в 1930 году был репрессирован и сослан в Магадан, умер в ссылке в 1940 году; Пётр (1900 года рождения) в голодные годы с семьёй покинул Убеженскую, жил в посёлке около города Прохладный (Кабардино-Балкарская Республика), погиб в октябре 1941 года, защищая город от немецких захватчиков; *три дочери* деда Афанасия: Ольга, Мария и Анна (все три сестры моего отца жили вместе с ним в Докшукино, умерли в 60-е годы). Моя бабушка (жена Афанасия) Акулиня (отчество и девичью фамилию не знаю) жила и умерла в Докшукино в 1956 году.

Дополню некоторыми сведениями о детях названных Андрусовых.

У моего отца и матери семеро детей. Двое первенцев-сыновей Саша и Толя (рассказывала мама и при этом показывала фотоснимки худеньких мальчиков) – умерли в начале 30-х лет от болезней и голода. Кроме них мама родила в 1929 году дочь Нину (умерла в 2010 году). Потом (как предсказала гадалка – называть детей на одну букву, чтобы скоро не умирали) мама родила Валентина в 1938 году (умер в 2010 году), Вячеслава в 1940 году (умер в 2011 году), Виктора (меня) в 1946 году, Владимира в 1948 году. Последние двое пока живы.

От сестры Нины – нашей милой Няни, как ласково называли мы её, оставались до недавнего времени наследники, но, очень жаль, умерли – сын Владимир и дочь Татьяна. У старшего брата Валентина и его жены Марии родились дочь Лариса и сын Дмитрий. От брата Вячеслава и его супруги Зинаиды наследниками стали сын Александр и дочь Наталья. У младшего брата Владимира трое детей: сыновья Алексей и Андрей, дочь Алеся. У меня с женой Татьяной один прекрасный ребёнок – дочь Ирина, а от неё наметился целый «женский батальон» (шучу) – сначала внучка Анастасия, а недавно родилась правнучка Мирослава... Чемпионом среди нас, Андрусовых, по рождению детей на сегодняшний день является Александр – сын брата Вячеслава. У Саши появилось на свет *пятеро* сыновей и дочь – беспспорный рекорд! Малость отстаёт от него его сестра Наталья – моя племянница, родившая уж трёх дочек. Вот такое у нас многочисленное семейство! Казачьему роду нет переводу.

Теперь об остальных родных.

У моего дяди Миши (старшего брата отца), Михаила Афанасьевича Андрусова (1891 г. р.), и его супруги Агафьи Фаустовны Чикуновой (1891 г. р.) родилось пятеро детей: Фёдор (1914 г. р.), Иван (1916 г. р.), Михаил (1918 г. р.), Василий (1926 г. р.), Любовь (1928 г. р.). К счастью, ещё жив Василий, живёт в Рязани, заслуженный инженер-металлург России. С ним нередко вижусь и общаюсь. Он помог мне интересными, историческими фактами из жизни родных.

У погибшего в 1941 году под городом Прохладный Петра Афанасьевича Андрусова (моего дяди) имелось две дочери Александра, Татьяна и сын Николай Петрович. Все трое умерли. Остались их дети и внуки. Живут в посёлке Лесное, Прохладненского района, Кабардино-Балкарской республики, а также в селе Северное, Ставропольского края.

У сестры моего отца Ольги Афанасьевны Четвериковой (Андрусовой), умершей в 60-м году, была дочь с двойным именем Надежда и Зоя (жила с семьёй в Нарткале, остались дети и внуки).

У сестры отца Анны Афанасьевны Березутской (Андрусовой), уже покойной, сын Евгений – находится (или находился, связь с ним потерялась) в Ленинградской области.

У сестры отца Марии Афанасьевны Пономаренко (Андрусовой), покойной, было две дочери: Клавдия и Надежда, к сожалению, обе умерли. В Нарткале от них остались наследники.

По линии моей мамы – Андрусовой (Дмитриевой) Анны Александровны (1907–1973).

Её отец – Александр Михайлович Дмитриев – состоятельный казак. Её мать – Анна Савельевна Дмитриева (в девичестве – ?). Имя, отчество и фамилию бабушки мне сообщила Элина Ковалёва – племянница моей тёти Липы (Олимпиады). Это вызывает сомнения. И вот почему. Помню, мама рассказывала, что её отец-казак привёз в станицу после войны на Кавказе женщину нерусского происхождения (абхазку), женился на ней. Она родила шестерых дочек: Варвару, Серафиму (Симу), Олимпиаду (Липу), Ирину, Раису и Анну (мою маму). Не смотря на то, что сыновей не было (а, как известно, на каждого сына казаку был положен земляной надел), семья Александра Дмитриева жила довольно-таки хорошо (по рассказам мамы), имела немало лошадей, коров и прочего... Дом, который построил Александр Дмитриев, был добротным и просторным. В 1956 году, будучи вместе с мамой в станице Убеженской на похоронах двоюродного брата Александра Ефимовича Тарасова, я, десятилетний школьник, видел этот прочный дом – в нём размещался сельсовет.

В 30-е годы, спасаясь от преследований ГПУ и голода, большинство казачих семей подались на юг России. О судьбе моих родственников по линии отца я уже написал. Теперь – по линии матери.

Семьи сестёр моей мамы – Ирины и Раисы – переехали в Абхазию, в Ткварчели. В станице Убеженской остались жить две мамины сестры – Серафима и Варвара. Моя самая любимая тётя Липа (Олимпиада), по мужу Сивальнева, переехала под Армавир, в Старую станицу, куда я не раз ездил летом, во время школьных каникул. Муж тёти Липы, как и она сама, дядя Коля Сивальнев нравился мне радушием и гостеприимством. В их доме я видел портрет их сына Сергея Николаевича Сивальнева, воина-разведчика, геройски погибшего в годы Великой Отечественной. Меня, мальчика, это очень впечатлило.

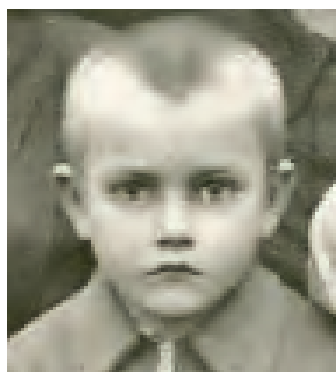
Некоторые из названных сведений мне сообщила Элина Арсентьевна Ковалёва (Сивальнева), племянница Николая Сивальнева, мужа тёти Липы. За это ей огромное спасибо.

На основе кропотливо собранных сведений о родственниках мне удалось с помощью компьютерной программы создать Генеалогическое древо, состоящее из 234 человек и 87 семей нашего старинного казачьего рода. Желаящие родственники могут посмотреть и даже напечатать на принтере для себя это семейное древо, но только по моему приглашению, как администратора сайта, и только при сообщении мне своего электронного адреса. Так предусмотрено программой My Heritage com в целях защиты от доступа посторонних лиц.

Пишите. Моя электронная почта: andrusov-yaroslavl@mail.ru.

*Моя мама Анна Александровна Андурсова
(Дмитриева в девичестве) накануне Великой
Отечественной войны*

Я в юном возрасте

*Отец, мама, я, брат Вова и племянники
Вова и Таня – дети родной сестры Нины.
Докшукино, 1956 год*

*На этом поблёкшем снимке 1945 года мама
Анна Александровна с чудом выжившими в войну
детьми – дочерью Ниной,
сыновьями Валентином и Вячеславом.
Фото из архива автора книги*

Мои первые уроки игры. 1957 год

Весна жизни

Погружаюсь мыслями в романтическое время детства и юности. Души моей струны рвутся в дивных грёзах о той поре, которая ушла и не вернётся уж никогда...

Помню себя 4–5-летним малышом, каким и запечатлён на фото внизу (второй слева). В памяти рисуется скромное семейное жилище – глинобитный домик или, попросту говоря, хата под камышовой крышей с тремя тесноватыми для нашей большой семьи комнатами. У домика не было даже коридора – над входом нависал козырёк, тоже под камышом. В нём любили обитать бойкие воробьи. От зари до зари слышалось их радующее душу чириканье. Соседями воробышков были почти безголосые элегантные ласточки, которые вылепливали под краями свисающей крыши пупырчатые, конусообразные гнёзда – поистине произведения искусства из глины и соломы. Мы никогда их не разрушали.

Отец и мать ютились в комнатке с окном в сад с восточной стороны домика. Самая старшая из детей Нина, которую мы, четверо братьев, ласково называли Няней (и заслуженно, ведь она помогала маме нянчить и воспитывать нас), жила на противоположной от родителей стороне хаты, в горнице с окнами в палисадник. Сыновьям: Валентину (1938 г. р.), Вячеславу (1940 г. р.), Виктору (1946 г. р.) и Владимиру (1948 г. р.) родители выделили самую просторную комнату в середине жилища. Вплотную к стене в ней стоял сделанный отцом дощатый топчан, на котором мы, братишки, спали вповалку, как говорится в тесноте, да не в обиде. В комнате находились также старинный шкаф для одежды, вешалка из бычьих рогов (она грезилась мне чудовищем), длинный стол и вдоль него две скамейки. Плохо оструганные и неокрашенные, деревянные скамейки, однако, блестели, как лакированные, от частого нашего ёрзания по ним.

*Вся моя семья – родители Алексей Афанасьевич и Анна Александровна,
дочь Нина, сыновья Вова, Витя, Вячеслав, Валентин.
1951 год. Посёлок Докшукино Кабардино-Балкарской АССР*

Заводской пруд, с которым связано очень много моих радужных воспоминаний о детстве и школьных годах

*На снимке: состав учителей родной Докшукинской школы № 3.
В центре – руководитель нашего класса Александр Максимович Панасенко*

Детская комната одновременно служила кухней и столовой. В углу, близко к входной двери, красовалась аккуратно побеленная кирпичная печь. По утрам мать растапливала её, когда мы досыпали, нежась и кутаясь под одеялами. Хорошо помню, как зимой в нос ударял угарный газ, разлетающийся по комнате, когда мама выгребала из печи шлак от сгоревшего угля. В это время она обычно открывала настежь входную дверь для проветривания комнат. Потом слышен был ласкающий уши треск горящих в топке поленьев. Вперемешку с дымком в комнате витал запах борща, разогреваемого в чугуне заботливой, вечно хлопотливой мамочкой. Невероятно сложно было ей, бедняге, накормить нашу многочисленную семейку.

Жить семье на одну шофёрскую зарплату отца было, конечно, не просто. Выручало приусадебное хозяйство, которое расширилось, когда мы в 1957 году переехали в дом на окраине посёлка. Во дворе слышалось мычание коровы, хрюканье свиней, кудахтанье кур, кряканье уток, попискивание кроликов. На утренней заре заливался петух: «Ку-ка-ре-ку!». Иногда подавали голоса и две молодые ишачки Галка и Майка, которых мы выращивали с целью использования как тягловую силу для перевозки грузов на телеге. Каждое утро мама надевала на ноги Галки и Майки путы из старых чулок и выпроваживала их на ближайшую лужайку. Вечером, как правило, обоих на месте не оказывалось. Приходилось мне и младшему брату Вовке рыскать по посёлку в поисках заблудших ишачек. Находили их где-нибудь в закоулке и гнали хворостинами домой. А на завтра повторялось то же самое. Снова искали этих любимых тварей по всему Докшукино. И радовались, когда находили. Жалко ведь было глупеньких...

Босоное детство – сколь много глубокого смысла в этих словах! Мы, дети послевоенного поколения, не были избалованы ни в еде, ни в одежде, ни в обуви. Но дело даже не в этом, не в бедности. А в том, что для нас было абсолютно привычным делом находиться летом на улице с босыми ногами. А одеты мы были лишь в трусы и майки. В таком виде бегали на заводской пруд. Дорога проходила через старый парк, казавшийся нам дремучим лесом. Пока идём по нему гурьбой, ведём оживлённый разговор о том – о сём, хохочем. Вдруг кто-нибудь из ребят как вскрикнет! Смотрим: ступня у дружка в крови – наступил бедняга нечаянно на осколок стекла.

– Суй лапу в пыль, – советует один.

Другой:

– Приложи к ступне подорожник и давай его примотаем...

– Да, отстаньте вы от меня, доктора-профессоры, – возмущается раненый хлопец, – и так пройдёт....

Не были мы изнеженными или боящимися чего-либо пареньками. Много полезного перенимали друг у друга, познавали науку жизни на собственном опыте. Крепко дружил я тогда, в детские и первые школьные годы, с Павликом Скороходовым, соседом по дому. Как мы с ним мечтали о будущем! Мечтали, радовались и вдохновлялись. Пишу эти строки, и к горлу ком подкатывается: Павлика нет уж среди живых... Не знаю, живы ли остальные ребята с нашего квартала: Вова Крюков, Витя Кретов, Ваня Кутняшенко, Петя Гащенко, Юра Ястремский? Вместе мы играли в казаков-разбойников, в жмурки, в латки, в городки, в футбол и другие игры. Вместе купались и плавали в заводском пруду летом. А зимой катались на санках и на коньках. Сколько получали счастливых эмоций! Время и расстояние разбросало нас, друзей детской и школьной поры, остающихся, Слава Богу, пока живыми, по разным местам жительства. Скажем, живёт нынче в городе-герое Орле одноклассник Александр Соловьёв. С ним часто общаюсь с помощью Интернета, в основном по Скайпу. Хороший, чуткий, добрый он человек.

*Я в пальто
цвета морской волны,
купленном на заработанные
во время стажировки деньги,
перед выпуском из техникума.
Февраль 1965 года*

*Закончилась моя юность – весна жизни. Таким меня призвали на срочную воинскую службу
осенью 1965 года. Тогда я ещё и не предполагал, что стану курсантом училища,
а потом и офицером. Рядом мой необычный портрет, вырезанный художником из бумаги
в аэропорту Минеральные воды*

Память у него исключительная. Много интересных воспоминаний рассказал о совместной учёбе в школе. Позволит здоровье – обязательно встретимся. Хороший контакт по интернету имею и с обаятельной одноклассницей Людой Пашковой. Как это здорово – найти друг друга более чем через полвека!

Однако, вернёмся в прошлое. Пруд, на котором мы пропадали целыми днями, позволял закаляться и морально, и физически. Там не только загорали под солнцем, но также учились плавать, нырять, прыгать с вышки. Первый способ плавания «по-собачьи» – дался мне легко. Куда сложнее овладел я «брасом» и «на спине». Часто мы устраивали состязания – «кто пронырнёт дальше». Натренированные, потом, шутки ради, выныривали вплотную к девочкам, пугая их своим внезапным появлением. Ликующие крики и смех на воде не прекращались до самого вечера. И когда многие покидали пруд, наставало «золотое» время для подростков-любителей рыбной ловли. Разговаривали они шёпотом, поддерживали тишину. Нас, зевак-малолеток, не любили, прогоняли с берега. А мы отойдём немного дальше и наблюдаем за парнями, радуемся их удачным уловам.

Когда подросли, мы тоже занялись рыбной ловлей. Только не на заводском пруду, где ребята ловили мелких рыбок на корм кошкам, а на горной реке Старый Черек. Ездили туда с ночёвкой, преодолевая длинное расстояние на велосипедах. Вдохновителем и организатором этих рыбалок был Валера Андрусов, мой близкий родственник. Это по его совету использовали самодельные снасти – «проглатушки». Брели кусок подсолнечного жмыха (макухи) размером 3 на 3 сантиметра, втыкали в него мелкие крючки с лесками. Привязывали снасть на колья, воткнутые в дно реки. Потом разводили на берегу костёр и, сидя вокруг него, «лясы точили», рассказывали всякие истории. Периодически, через час – полтора, с помощью фонариков проверяли снасти. Снимали с крючков рыбок, клали в садки. Домой без улова никогда не возвращались. Я брал Валеру на верёвочный буксир, потому что на моём велосипеде был установлен съёмный двигатель Д-8. Таким способом мы быстро добирались до своего посёлка. Как это было увлекательно!

Примеры эффективной рыбалки до своего ухода на службу в армию мне успел показать старший брат Вячеслав. Сажал меня на багажник велосипеда и вёз к Чёрной речке (находится в 6 километрах от Докшукино). По прибытию на место доставал из рюкзака связанную своими руками «накидку» – круглую сеть диаметром 2 метра со свинцовыми шариками по краям. Находил у берега тихую заводь. С большого размаха бросал «накидку» вверх (надо было ещё уметь!) – она раскрывалась, как парашют, падала вниз, свинцовыми грузилами накрывая и ограждая участок речного дна. Напуганная стая форелей забиралась в специально устроенный карман-ловушку по краям снасти. Богатый улов был обеспечен!

Вообще говоря, среди моих братьев, Слава отличался разносторонними способностями. Это от него передалась мне любовь к рисованию, к музыке, к ремонтному, столярному, слесарному и прочим мастерствам. Друзья не зря называли Вячеслава Кулибиным. Ну, разве мог кто-либо попытаться раскрыть секрет булатной стали? А мой брат задался этой целью, взялся проводить опыты по закалке металла. Однажды он показал мне фиолетово-малиновый меч (до этого он порядком с ним повозился, нагревал паяльной лампой, резко окунал в холодную воду).

– Смотри, каким прочным и острым сделал я это рыцарское оружие, – и Слава со всего маху разрубил толстый гвоздь, лежащий на пеньке.

– Ну, ты даешь! – восхитился я и пожал брату руку.

Умея толково играть на гитаре, Слава научил этому и меня. Я так увлёкся, что после уроков в школе на всех парах мчался домой, чтобы взять в руки гитару, насладиться

игрой, воспроизвести показанные мне братом аккорды. Уйдя на срочную службу, брат создал в части музыкальную группу. А возвратившись на «гражданку», подрабатывал изготовлением усилителей звука для электрогитар. Ну, чем не Кулибин? Между прочим, проходя службу в артиллерии, Вячеслав после армии нашёл себе применение и хорошее место работы в специальном артиллерийском отряде по уничтожению грозовых облаков. Мне посчастливилось как-то раз наблюдать за действиями спецотряда. Сердце переполнялось чувством гордости за брата. Везде и во всём он восхищал окружающих. Вячеслава, в последние годы его жизни, знали как необычайно талантливого жестянщика-художника. Искусно, с изящно вырезанными украшениями делал он жестяные крыши. Мастерски изготовлял из жести даже цветы. Такую уникальную жестяную крышу Слава сделал, например, на доме сестры Нины в городе Майском. Ею и сейчас любуются люди, проходящие мимо по улице.

Хорошую память о себе оставил и самый старший мой брат – Валентин, который привил мне навыки в паяльном деле. Большой радиолюбитель, он по учебникам изучал схемы, мастерил и ремонтировал радиоприборы. Изготовил своими руками даже магнитофон, купить который в те годы было нелегко. Да и стоил он дорого. Достичь самостоятельно, как Валентин, высокого уровня познаний в электронике никто из братьев не смог. Удивлял меня Валентин и как мастер по ремонту часов. У него имелась огромная коллекция разнообразных часов, детали которых использовал для ремонта. Денег за ремонт он никогда не брал. Это было его хобби, своеобразный досуг после рабочей смены на Новочеркасском электровозостроительном заводе. За что я более всего благодарен Валентину, так это за первые уроки игры на баяне. Потом, увлёкшись, я обучался у музыканта, живущего на соседней улице. В дальнейшем по нотам разучивал любимые мелодии песен и танцев. Сейчас, правда, редко беру в руки старенький свой баян «Ростов-Дон». Играю для души, вспоминая годы молодые...

Школьные годы чудесные... По поручению завуча Надежды Терентьевны я оформлял стенгазету «Колючка». Запомнился факт: она попросила меня придумать сатирический стих на Игоря Назарова, который сачковал, отлынивал от работы на субботнике. Я не побоялся, сочинил стих, нарисовал на Игоря карикатуру. Это был мой первый опыт будущего газетчика.

В школе увлекался художественным оформлением. Бывало, иногда я опаздывал на первый урок. Мне прощали потому, что заходил в класс, держа в руках рулоны красочно написанных учебных плакатов. Их сразу же развешивали на стенах. Делать учебные пособия мне поручала любимая учительница русского языка и литературы Людмила Ивановна. Обожал отвечать на её уроках. С удовольствием писал сочинения. Помню, как с нетерпением ждал объявления оценок. Людмила Ивановна частенько называла меня в числе лучших... Однако я жуть как не любил алгебру, геометрию, тригонометрию. Учительница математики Вера Васильевна Дерновая была чрезвычайно строга, как мне казалось, особенно по отношению ко мне. Выше тройки по этому предмету не поднимался. Зато, обучаясь в сельхозтехникуме, по высшей математике имел твёрдую четвёрку. Как в школе, любимыми предметами оставались русский язык и литература. На втором месте – автомобили и тракторы.

В Терский техникум сельского и лесного хозяйства я поступил в 1960 году хрупким, застенчивым 14-летним юношей. А окончил его в 1965 году 19-летним, развитым, окрепшим парнем, готовым к различным испытаниям. Техникум дал технические и другие знания, научил решать житейские проблемы. Ведь мы впервые оказались без мам и пап. Надо было самим питаться, одеваться, уметь выживать в далеко не роскошных условиях.

Первая трудность, с которой столкнулись, будучи абитуриентами – набивание соломой чехла матраса. Отправились к ближайшей скирде на окраине техникума. Забросав лихо охапка-

ми солому в чехлы – прообразы будущих матрасов, – мы потом долго мучились, расправляя их по кроватям. Однако Александр Асмолов, бывший солдат, наполнял свой чехол не спеша, плотно и аккуратно раскладывая пучки соломы. Потом, свернув готовый матрас в рулон, принёс в общежитие, разматал по сетке кровати. Приятно было посмотреть! Это стало для нас, юнцов, житейским уроком. Кроме Саши Асмолова, пример нам показывали Николай Шеметов, Василий Пчелинцев, Александр Бондаренко и другие старшие однокурсники.

Будучи студентами техникума, мы перенимали у старших товарищей опыт буквально во всём. Наряду с освоением профессии техника-механика, учились поддерживать порядок в общежитии, готовить пищу – в основном варили супы, жарили картошку на электроплитках. Закалялись физически – активно занимались спортом. Развивались умственно – много читали, состязались в шахматы и т. д. Ходили в кино и на танцы. Получив стипендии, посещали кафе – ловили кайф вечно голодные студенты. Иногда бывали и в ресторане (что греха таить), хотя после этого приходилось жить впроголодь (если сказать честно). Словом, чувствуя себя независимыми от родителей, позволяли себе взрослые «штучки-дрючки».

В заслугу техникума я хочу отнести то, что мы самостоятельно учились играть на музыкальных инструментах, танцевать (слава танцплощадке!), дружить, встречаться и вести себя культурно с девушками. Разумеется, увлекаться и влюбляться...

1965 – переломный год в моей жизни. Завершалась романтическая, тёплая пора молодости. Наступало жаркое, лишенное вольностей, время солдатской службы. Это уже другая история.

Мои самые дорогие, святые люди – папа и мама. 1965 год

На снимке: я – солдат первого года службы

ТРИ ГОДА В СОЛДАТАХ

Мой 1946-й год рождения в некотором смысле невезучий. По закону мне пришлось служить в армии целых *три* года, а не *два*, как это посчастливилось следующим поколениям призывников. Кстати, на флоте тогда парни служили даже *четыре* года. Ничего страшного как с ними, так и с нами не случилось. Выдерживали. Из хлипких юношей превращались в крепких мужчин, закалённых физически и морально.

В ворота учебной ракетной части 42710 в числе призывников со средним техническим образованием, специально отобранных в Новочеркасском городском военкомате, я вошёл в начале октября 1965 года. Командиры по-доброму встретили нас, помыли в бане, подстригли «под ноль», переодели в обмундирование «хаки» 1943 года выпуска (не вру, об этом свидетельствовал чёрный штамп на внутренней стороне гимнастёрок, списанных, видимо, с долговременного хранения на складе). Этот факт вызвал у всех истинную гордость, ведь в таком же обмундировании наши отцы героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Вот так, с первых минут нахождения в армии, нас, призывников, воспитывали в духе патриотизма.

Началась самая суровая и трудная пора армейской службы, мы проходили, так называемый, курс молодого бойца. Длился он до самой присяги. Вот тогда мы почувствовали себя, не буду этого скрывать, отчасти бесправными. Нас угнетал особенно строжайший распорядок дня: подъём в 6.00, интенсивная физзарядка с бегом с горы, к вокзалу, и обратно в гору, умывание и растирание только холодной водой, спешный завтрак (не уложился в отведённое время – прекращай еду, выходи строиться) и прочее, прочее... Всё делалось по командам борзого и рыкающего постоянно заместителя командира учебного взвода сержанта В. Буйнова. Он не допускал пререканий, не прощал оплошностей, осыпал нас нарядами вне очереди, короче говоря, измывался над нами, как хотел, повторяя часто: «Я выбью из вас дурь, салаги...». Любимой фишкой замкомвзвода была тренировка «Отбой!» – «Подъём!». При этом сержант добавлял: «Даю 30 секунд» и смотрел на циферблат наручных часов. Раз десять подавал эти издевательские команды, доводя нас до изнеможения, полного упадка сил. По этой причине однажды я получил от него взыскание. Дело было так.

После напряжённых, до седьмого пота, строевых занятий на продуваемом всеми ветрами плацу я простыл. К вечеру мне стало совсем плохо – болела голова, жар чувствовался во всём теле. И когда сержант Буйнов перед сном устроил с нами муштру «Отбой!» – «Подъём!», на третьем сеансе не выдержал, и чтоб не упасть, присел на табурет...

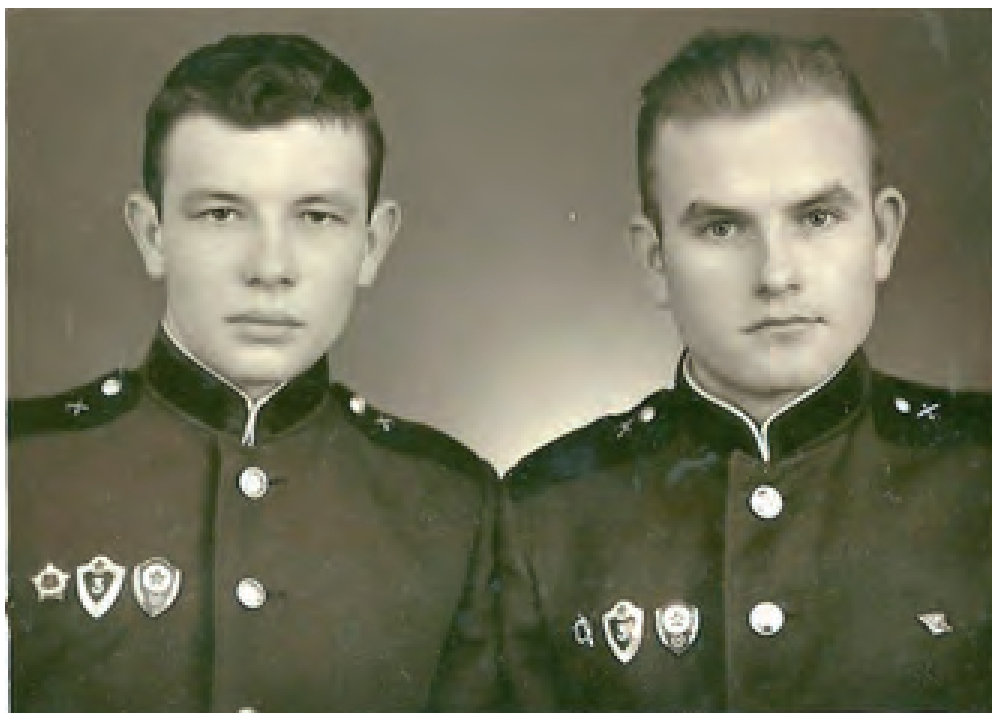
– Наглец рядовой Андрусов, я не понял... Моя команда вас не касается?! – возмутился сержант, выпучив глаза.

– Давайте выйдем за дверь, всё вам объясню, – ответил я, стремясь поговорить с сержантом наедине, чтобы не слышали сослуживцы, признаться ему в своей немощи и болезни. Однако тут же получил оплеуху:

– Что?! Вы меня вызываете на поединок?! Объявляю вам наряд вне очереди. Немедленно отправляйтесь на кухню чистить картошку...

Кроткий, безропотный по характеру человек, я ответил «есть» и отправился на кухню. Представьте себе, какая досада рвала душу...

Вспоминаю неприятный случай, произошедший тогда же, во время первого года службы. Будучи дневальным суточного наряда, я добросовестно произвёл уборку общественного туалета. Принимающий дежурство по батарее старший сержант (не помню его фа-

Я с другом Геней Катасоновым (ныне живёт в Волгограде)

*Наш взвод курсантов ракетной части. Заместитель командира сержант В. Буйнов – в центре.
Крайний справа – командир отделения А. Мамонтов.
Меня узнаете вторым слева, во 2-м ряду*

мили, азербайджанец по национальности) забраковал мою работу. Потребовал удалить зелёный налёт, образовавшийся в туалете от мочи. Безоговорочно взяв хлорную известь и металлический скребок, я приступил к делу. Испытывая жуткое унижение, не менее часа, стоя на коленях в мокроте, вдыхая ядовитые испарения хлорки, скоблил кафельные плитки и стенки писсуаров. А подкручивающий усы «большой начальник» с широкими, красными лычками на погонах стоял позади меня, ехидно посмеивался и покрикивал: «Не сачкуй, салага, драй до белизны...».

Сколько подобных фактов несправедливого отношения довелось испытать мне за три года! Сколько рубцов осталось на сердце! Хорошо поймут меня лишь те настоящие мужики, кто сам прошёл срочную армейскую службу. Хочется спросить читателей: *«Вам когда-нибудь в жизни или на службе приходилось терпеть подобные унижения?»*

Приняв присягу, дав клятву на верность Родине, в октябре месяце у нас началась плановая подготовка техников-механиков по ремонту ракетного вооружения (различных технологических комплексов). Занятия проходили с использованием секретной литературы и конспектов. Нам приходилось соблюдать правила обращения с ними. Было всё очень серьёзно и строго. Подготовка длилась девять месяцев. Потом – экзамены и распределение по воинским частям. Командиры предъявляли жёсткие требования к нам, курсантам – именно так принято было называть нас, будущих сержантов. Главным предметом в учёбе являлись Уставы Вооружённых Сил СССР. И, конечно, безукоризненное исполнение их статей. Взять, например, отдавание чести. Идёшь по городку части, а навстречу тебе такой же, как ты, курсант, на погонах которого тоненькие, почти незаметные лычки – значит это ефрейтор, командир учебного отделения. Ты обязан за 3–5 шагов до него перейти на строевой шаг, а, поравнявшись с ним, резко повернуть лицо в его сторону и поднести ладонь правой руки к виску (так прописано в Уставе). Не сделаешь этого – схлопочешь взыскание. Ну, а если на твоём пути возникнут фигуры сержантов или офицеров, то держись! Тебя сразу прошибёт пот от волнения и ты перед ними вытянешься в струнку, так козырнёшь, так выразишь своё почтение им, что они от удовольствия расплывутся в улыбке.

Каждый понедельник, в 9.00 на плацу выстраивался весь личный состав части. Командир части подполковник С. Шарманжинов (калмык по национальности) суровым, пронзительным взглядом окидывал строй, выслушивал доклады командиров батарей. Потом «толкал свою внушительную речь», подводя итоги прошедшей недели. И под конец построения, как правило, устраивал «показательную порку» нарушителям дисциплины. Нарисую вам одну из картинок.

Вот по команде начальника штаба части выходят и становятся лицом к строю трое старослужащих воинов хозввода, уличённых в употреблении спиртных напитков. Начальник штаба части, выставляет на асфальт бутылки с вином и водкой, изъятые у них накануне.

– Приказываю вам самим разбить эту гадость об асфальт, – требует подполковник С. Шарманжинов.

Солдаты повинуются (приказ есть приказ). Слышится звон стеклянной тары. Летят брызги. Вокруг распространяется специфический, ласкающий ноздри запах, от которого стоящие колонной воины оживляются, делая широкие вдохи, негромко выражая своё несогласие и сожаление: «Эх, зачем же так?...»

– Троим любителям спиртного по десять суток ареста с содержанием на гауптвахте! – произносит свой вердикт командир части.

Из строя выходят двое солдат с автоматами и уводят арестованных с плаца. Развод части завершается маршем личного состава под музыку духового оркестра.

Суровый с виду командир части подполковник С. Шарманжинов, однако, имел весёлый нрав, шутил и забавлял подчиненных. Врезалась в память, например, его фраза: «Кому невмоготу и хо-

чется сбегать в самоволку, девчат пощупать – марш подтягиваться на перекладине». Ещё говорил: «Тренируйтесь, ребята, пока в армии, качайте мускулы. Вернётесь после службы домой, обнимите друг друга так крепко, что косточки у них затрещат».

И мы, скажу без прикрас, с удовольствием качали мышцы тела. Среди нас были такие заядлые гимнасты, которые стремясь блеснуть своей удачей, выполняли на перекладине очень сложные упражнения. Верхом достижений являлось, так называемое «солнце». Для страховки руки парня привязывали к перекладине брючными ремнями. Он раскачивался долго, до тех пор, пока его тело не поднималось вертикально вверх, а потом сильным махом падало в низ и вращалось вокруг... Мы с замиранием сердца глядели на смельчака. Повторить подобный трюк мало кто решался. Я, признаться, не рискнул. Зато, потренировавшись, научился делать довольно эффектное упражнение – «склёпку». Раскачиваешься, резко изгибаешься в поясе, касаясь носками ног перекладины, бросаешь ноги вниз, и в этот момент подтягиваешься руками – тебя по инерции выбрасывает вверх. И вот ты уже корпусом выше перекладины, держишься за неё прямыми руками, а ноги вытянуты в струнку. Красота!

Мне по душе были не столько гимнастические и силовые упражнения, сколько занятия бегом, по которому на втором году службы получил первый разряд и даже входил в десятку лучших легкоатлетов воинской части. Начфиз из таких, как я, любителей бега создал специальную команду. В её составе мне довелось участвовать в состязаниях округа (КСКВО), которые состоялись в мае 1968 года в Майкопе. Кстати, в этом городе во время отдыха между этапами состязаний, будучи в увольнении, я познакомился с Татьяной Толстенёвой и влюбился... Спустя год, став курсантом училища, мы с ней поженились. Подробности об этом в другом рассказе «Крылья любви».

На снимке: музыканты духового оркестра В/Ч 42 710.

Автор – в центре последнего ряда, в пилотке...

Наряду с занятиями спортом хорошей отдушиной, отвлекающей от всяких неприятностей в службе, для меня явилось участие в духовом оркестре. В нашей части он был штатным, поэтому в его состав набирали способных в музыкальном отношении солдат. Нотную грамоту я знал хорошо – освоил её на уроках пения в школе и на частных курсах баянистов (родители платили по 20 рублей в месяц учителю музыки). Играл я довольно сносно не только на баяне, но и на гармошке, гитаре, балалайке. В духовой оркестр меня приняли сразу, конечно, проэкзаменовав. Дирижёр доверил мне далеко не главный инструмент – альт. Овладение им мне далось легко. Постепенно изучив на память все свои партитуры, я мог играть (дуть) на альте, совершенно не пользуясь нотеносцем. Альт сразу понравился мне ещё по той причине, что его трубчатое колено как раз заходило под солдатский ремень, имело, так сказать, опору. А это было очень удобно при игре на ходу.

В основном наш духовой оркестр использовался для нужд воинской части. Однако нередко музыкантов оркестра срочно собирали и отправляли на кое-какие мероприятия в подшефное предприятие железобетонных изделий (ЖБИ). Как же нам это нравилось! По существу мы, хоть и кратковременно, попадали в гражданскую жизнь. К нам радушно относились заводчане. После праздничных мероприятий, которые мы обеспечивали музыкой, нам нередко дарили подарки, угощали чаем.

Смешно вспоминать, как однажды, в праздничный день 9 мая 1967 года, всех музыкантов нашего духового оркестра переодели в белые костюмы и поставили в голове колонны завода ЖБИ, ну, как бы свой оркестр. Шли мы по улицам Новочеркасска вместе с демонстрантами, рабочими предприятия, и делили с ними радость и праздничное вдохновение. Старались во всю, с душой играли как во время движения колонны, так и на остановках. Особенно отличился саксофонист и кларнетист рядовой Вячеслав Казарянц. Девушки буквально забросали его цветами, так уж он им понравился как исполнитель модной тогда музыки.

Большинство моих сослуживцев в конце первого года службы были распределены и разъехались по различным гарнизонам и городам СССР. Например, мой друг Володя Шапошников, кстати, тоже, как и я, музыкант оркестра, попал в город Лугу. Писал мне потом в Новочеркасск письма. Меня, как отличника боевой и политической подготовки, активиста, спортсмена (я входил в десятку лучших легкоатлетов части), музыканта духового оркестра, художественного оформителя, словом, нужного для части кадра, оставили в подразделении обеспечения на должности мастера-водителя. В этом качестве был в родной части ещё два года срочной службы до отъезда перед поступлением во Львовское высшее военно-политическое училище.

Главная радость для солдата – письма от родных, друзей, а более всего – от подруг. Лично я вёл обширную переписку. Каждый день писал по несколько писем, чаще всего своей любимой Ниночке. Вот тогда увлёкся поэзией, сам начал сочинять стихи, вставляя их в письма. Конечно, они были далеко не идеальны, но чувства, мысли, выраженные ими, сокровенны, шли из самого сердца. Вот почему меня и сегодня волнует любовная лирика. Скажем, нравится мне песня Анатолия Полотно:

«Мы из дома писем ждём крылатых,
Вспоминаем девочек знакомых,
Это ничего, что мы – солдаты,
Далеко находимся от дома.
Наши синеглазые подруги
Над письмом сидят наверно тоже...
Это ничего, что мы в разлуке –
Встреча будет нам ещё дороже».

* * *

Долгожданной встречи с Ниной после длительной переписки, ах, как жаль, не произошло. Она не дождалась меня и вышла замуж. Меня это очень огорчило, и я впал в депрессию. И только благодаря поддержке друзей-сослуживцев, сумел собраться, настроиться на оптимизм.

Считаю, что написание писем помогло мне развить творческие навыки. Все годы службы часто публиковал материалы в газете «Красное знамя» Северо-Кавказского военного округа. Так увлёкся, что заслужил чести участвовать в окружном совещании военкоров. По окончании срочной службы (откровенно скажу: не ожидал такой чести!) ко мне пришли одновременно благодарственное письмо ответственного редактора полковника Налютинна Степана Алексеевича и его рекомендация для поступления на факультет журналистики ЛВВПУ. Вот так распорядилась судьба – я стал курсантом журфака, а потом и офицером-газетчиком.

Три года солдатской службы не прошли даром. В ракетной части я прошёл настоящую школу возмужания, многому научился, приобрёл толковых друзей, с которыми до сих пор поддерживаю контакты, переписываюсь, общаюсь по интернету. В первую очередь хочу назвать замполита нашей части 42710 полковника в отставке Леонида Рудяка – прекраснейшего, душевного человека, образцового офицера. Ныне он живёт в Майкопе, активно участвует в военно-патриотической работе, написал и издал более десятка книг. До него мне ещё надо подтягиваться. Поддерживаю контакты с бывшим моим командиром отделения Анатолием Мамонтовым, сослуживцами Виктором Шараповым, Геннадием Катасоновым и другими. Столько лет прошло, а мы всё ещё дружим, общаемся, вспоминаем годы былые, молодые. И не потеряемся до конца своих дней.

КРЫЛЬЯ ЛЮБВИ

Будучи парнем, потом возмужавшим и зрелым человеком, я часто пребывал в состоянии влюбленности. Душа моя пела и просилась в полёт. В этом невероятном состоянии мне легко было преодолевать жизненные преграды, добиваться успехов.

Самая первая, школьная любовь... С этого момента позволю себе раскрепоститься и, преодолевая своё смущение, поделюсь некоторыми сокровенными воспоминаниями.

Много лет согревала меня в грёзах обворожительная Нина Гайворонская. Красивей её, казалось, не было никого из девочек в классе, во всей школе... в целом мире! До сих пор представляю каждую чётточку её прелестного личика, длинные ресницы карих глаз, кудряшки волос, спадающие на лоб, косы, аккуратно перевитые яркими лентами, детали школьной одежды: белоснежные кружевной воротник и фартук, идеально выглаженное коричневое платье с оборками... Сам себе удивился, когда однажды, во время перемены экспромтом нарисовал Нину на тетрадном листе. Саша Соловёв, сидевший со мной за одной партой, глянув на рисунок, заметил: «Точь-в-точь Гайворонская!», – это очень порадовало меня. Потом долгие годы я хранил рисунок. Любовался Ниночкой. Мысленно обнимал и целовал её...

Получив начальное образование, в 1960 году поехал поступать на механическое отделение Терского сельскохозяйственного техникума. Для меня, 14-летнего паренька, это стало первым жизненным испытанием. Выдержал и поступил. Считаю, помогло влияние колдовских чар Нины Гайворонской (она снилась мне тогда каждую ночь и это вдохновляло). К сожалению, с той поры нас навсегда разлучила судьба, разделило расстояние. И всё-таки Нина никогда не исчезала из моей души. Помнил о ней даже тогда, когда стал встречаться с другими девушками.

На втором курсе познакомился с Ниной Канатчиковой, студенткой агрономического отделения. Свидания были чуть ли не каждый день. Обычно вечером многие парни собирались у женского общежития. Войти в него было невозможно – в фойе путь преграждала дежурная – сварливая старушка с красной повязкой на рукаве. Нам приходилось поджидать девушек у входа. Некоторые рискованные ребята проникали в здание по пожарной лестнице. Однажды под Новый год и я воспользовался этим путём. Праздник удался на славу! В комнате Нины Канатчиковой и её подруг тогда собралась компания из трёх пар. Всем было весело. Гуляли до утра.

Для свиданий в техникуме имелись хорошие возможности. Можно было посетить клуб, посмотреть кинофильм или концерт, пойти на танцевальную площадку, просто погулять в огромном парке. Помню, как прохаживаясь по аллеям, ласково держал Нину под руку, беседовал с ней о том и о сём. Постепенно мы знали друг о друге буквально всё. Не могли разлучаться ни на один день. Наши свидания прерывались лишь отъездами на стажировки. Хотел я этого или нет – из головы моей круглосуточно не выходила ОНА, НЕЖНО ЛЮБИМАЯ НИНОЧКА.

Вспоминаются в связи с этим факты на грани мистики.

Представьте себе огромную привокзальную площадь, уставленную по краям автомобилями, снующими по ней туда-сюда толпами людей. Только что я сошел с поезда и направляюсь к остановке автобуса. Неведомый повелитель внушает мне бросить свой взгляд далеко-далеко вперёд... Там на тротуаре, среди плотно стоящих друг к другу людей узнаю (О, ЧУДО!) свою Ниночку. Конечно, подошёл к ней. Были несказанно рады этой внезапной встрече.

*Перед свадьбой.
Помолвка в доме моих родителей*

*Наша свадьба в Майкопе.
23 августа 1969 года*

*Поездка на Чёрное море
в августе 1970 года*

Встреча супругов во Львове под Новый 1972 год

Вот ещё загадочный факт.

Расстояние в четыре километра между городом и техникумом мы, студенты, часто преодолевали пешком. Долго ждать и потом ехать в переполненном автобусе не очень-то хотелось. Меня и Нину однажды удивила наша встреча ровно на полпути. Я шёл из города, а Нина из техникума. Кто-то, видать, из космоса внушал нам сойтись в этой серединной точке. Сойтись, обняться, поцеловаться и зашагать теперь уж обоим в одну сторону...

Моя учёба в техникуме завершилось на год раньше, чем у Нины. И нам пришлось расстаться весной 1965 года. Три месяца я работал в совхозе, живя в родительском доме в городе Докшукино. В июле уехал поступать в Новочеркасский политехнический институт. Проездом через станцию Прохладная встретился с Ниной. Мы около двух часов общались, горячо обнимались на прощанье, клялись в верности. Нина обещала мне писать и ждать, если даже я не смогу поступить в институт и попаду на службу в армию. Так, к сожалению, и случилось. На стационарное обучение в НПИ я не прошёл по конкурсу, но был зачислен на вечерний факультет. А вскоре из военкомата пришла повестка о призыве меня на срочную службу (по закону «вечерники» не освобождались от армии).

Таким образом, с октября 1965 года начался новый, неведомый этап в моей жизни – солдатская служба в ракетных войсках. Освоение профессии на секретных занятиях, напряжённые тренировки и тому подобное. Только по вечерам, в личное время, нам разрешалось немного расслабиться и написать письма. Я отправлял Нине почти каждый день содержательные, душевные письма. Невероятно радовался её ответам. На третьем году службы начал сочинять ей даже стихи. Послал подряд три таких поэтических письма. Жду-жду, а ответа всё нет и нет. Пауза затянулась почти на два месяца. Наконец, от однокурсника по техникуму Володи Брагинца получаю ужасающую весть: «Витя, забудь Нину. Она вышла замуж...».

Сколько живу на свете, не помню подобного нервного стресса, который вмиг охватил меня. Появились сильнейшие головные боли. Не хотелось ни есть, ни пить. НИЧЕГО НЕ ХОТЕЛОСЬ! С трудом отгонял мысли о сведении счётов с жизнью... И ведь мог... Сколько таких случаев было в армии?

Любовь не лечат таблетками и препаратами. Однако врачи взялись вывести меня из депрессии. Делали какие-то уколы. Заставляли пить розоватую, с металлическим привкусом жидкость – бромную воду. Не хотел, но пил. Вроде помогало от головной боли. Помню, как сильно хотелось забыться и заснуть. Сон вызывали, как полагаю, жёлтые таблетки с неизвестным мне названием. Вообще говоря, мне было всё абсолютно безразлично.

Сейчас, вспоминая произошедшее, думаю, что выйти из подавленного состояния помогла мне не медицина, а поддержка друзей-сослуживцев – Гены Катасонова, Славы Шмырёва, Толи Коляка и других. Без них мне было бы совсем худо. Но в большей степени я обязан новой своей девушке – Вере Науменко – студентке Новочеркасского торгового техникума. Душа моя воспрянула, когда увидел её, выступающую вместе с концертной группой на сцене клуба части. После концерта подошёл к ней, познакомился, предложил дружить и встречаться. Видно, чем-то понравился ей, и она согласилась...

Вскоре почувствовал, что за моими плечами опять выросли крылья, и я продолжаю летать наяву и во сне. Одухотворённый возвращался из увольнения в город после очередного свидания с полюбившейся мне Верочкой. С ней, к тому же, удавалось видеться дополнительно,

Папина и мамина любовь и радость – доча Ира

*Ставим на крыло
доченьку Иру*

*Такими окрылёнными
прибыли мы
на Дальний Восток*

хотя и накоротке. У дежурного по контрольно-пропускному пункту части имелся список фамилий солдат-спортсменов (в нём значился и я, перворазрядник), которым разрешалось выходить вечером в город для тренировок в беге на длинные дистанции. Как романтично это происходило! Преодолев километров пять, оказывался в общежитии у моей Верочки. Дарил ей цветы, угощал конфетами, целовался, обнимался и нежно прощался. На крыльях любви улетал в родную воинскую часть.

В мае 1968 года меня в числе троих лучших легкоатлетов части направили на спортивные соревнования Краснознамённого Северо-Кавказского военного округа. Проходили они в Майкопе - городе тогда ещё мне незнакомом. Перерыв между этапами состязаний пришёлся на воскресенье. Многим сержантам и солдатам выдали увольнительные записки, в том числе и нам, троим сослуживцам. В городе в нашу компанию влилась очень симпатичная блондинка Татьяна Толстенёва – давняя подруга Генки Дудникова (он, как выяснилось, учился с ней в одной школе и уже много лет встречался и переписывался). Мы гуляли по живописному парку Майкопа, любовались рекой Белой. Признаться, меня привлекали не столько красоты окружающей действительности, сколько очаровательная Татьяна. Запал на неё капитально. Однако на тот момент не осмелился промолвить даже и слова, ведь рядом с ней постоянно находился её поклонник, мой боевой товарищ.

Время близилось к обеду. И Татьяна неожиданно для нас пригласила всю нашу компанию к себе домой поесть кубанского борща. Мы скромно отказывались, она же твёрдо стояла на своём. Да и Генка Дудников помог подружке уговорить нас. Так, впервые (скажу наперёд) я попал в дом моих будущих тестя и тёщи. О том, как это случилось, расскажу подробнее.

Родители Татьяны – отец Дмитрий Георгиевич и мать Елена Александровна – оказались на редкость щедрыми и гостеприимными людьми. Накормили нас, солдат, развлекали, развеселили. После душистого домашнего вина, выпитого хоть и по чуть-чуть, многим захотелось петь. Я взял в руки баян, оказавшийся, очень кстати, в доме, и подыграл поющей компании. Всем это понравилось. Словом, воскресный обед прошёл, как праздничное застолье. По ходу его я время от времени обменивался взглядами с Таней. Она в ответ улыбалась, даже слегка кивала головой, давая тем самым понять, что принимает знаки внимания. И когда мы, поблагодарив хозяев за обед, собрались уходить, Таня подала мне в руки художественную книгу «Овод» с короткой надписью: «Виктору на память». Спустя время, эта книга станет своеобразным ключом к её сердцу.

Возвратившись после спортивных состязаний в часть, я получил из редакции газеты КСКВО «Красное знамья» письмо с рекомендацией (как активному военному) и направлением поступать учиться на факультет журналистики ЛВВПУ. Сразу понял, что грех упускать такую возможность. Дал своё согласие и начал готовиться к вступительным экзаменам. Может, кто-нибудь в такой обстановке и забыл бы на время о своей девушке, но я не мог. По воскресеньям продолжал встречаться с Верой. С ней, любимой моей в сердце, поехал во Львов сдавать экзамены. Её письма вдохновляли меня на успехи. Но было это до определённого времени.

Нередко вспоминал Таню из Майкопа, но отгонял эти мысли, не напоминал ей о себе. Рассуждал так: не моя ведь она. Не моя, а Генкина. Не стоит мешать парню... И зря так считал. На тот период, как выяснилось позже, Татьяна прекратила всякие отношения с Дудниковым. Он оказался неверным ей, гулял налево и направо...

Настал тот знаменательный день, когда меня зачислили в училище. Переодели в новенькую, хрустящую, изумительно пахнущую курсантскую форму с малиновыми погонами. Сколько

Такие обе милашки...

Памятный портрет ГСВГ - 1985г.

*Потсдамские фотозтюдй в парке Сансуси.
1984 год*

Мама Таня с дочерью Ирой – какие очаровательные!

было радости! Хотелось поделиться ею со всеми. Сначала написал подробные письма отцу и матери, другим родным. Потом – короткие сообщения сделал друзьям, в том числе и хорошим людям Толстенёвым, живущим в Майкопе. Вдруг получаю ответное письмо от Татьяны, из которого узнаю о её ссоре с Геннадием. Ну, скажите, пожалуйста, кто бы не «порадовался» совершившемуся?! Отправляю признательное письмо Тане. Вслед за ним второе, третье. . .

Кстати, на тот момент мои контакты с Верой Науменко заметно ослабли и пошли на убыль. Во-первых, потому, что она явно не одобряла выбор мною профессии офицера. Написала как-то обидные слова: «Будешь всю жизнь козырять, жить и служить в глуши, там, где Макар телят не пас...». Во-вторых, она призналась, что не испытывает недостатка внимания от окружающих парней. Этими словами она всё сказала о себе. Нисколько не осуждаю её. Нам было хорошо обоим, когда встречались и гуляли по Новочеркаску.

Во время обучения на факультете журналистики Львовского политического училища я вёл очень активную переписку. Убеждён в том, что научился писать интересные газетные материалы, во многом, благодаря письмам, творческой работе с ними.

Десятки писем девушкам отправил я на первом курсе, когда был холостяком. От писем получал жизненное вдохновение и полётную энергию для души, заряжался оптимизмом. Среди адресов, по которым посылал самые сокровенные письма, на первом месте стоял, конечно, адрес моей драгоценной Танюши: «Майкоп...». Каждое письмо ей – это яркий рассказ об учебных буднях, глубокие размышления о жизни, о мечтах, о планах... И обязательно – волнующие строки о любви.

После первого курса, во время моих летних каникул в августе 69-го, мы с Таней поженились. Расписались в Майкопском ЗАГСе досрочно, без испытательного срока. Пришлось ради этого брать разрешение у Председателя Исполкома. Седой адыг, ну очень большой начальник, посмотрел сочувственно на меня, бедолагу, одетого в курсантскую форму, сжалился и «подмахнул» заявление.

В следующем году – 9 мая 1970 года, в день 25-летия Великой Победы (надо же было так подгадать моей Танюше!) – на свет появилась дочь Ирочка. Родилась на крыльях Любви и Победного мая.

Пионер – всем пример

Все послевоенные годы до самой пенсии отец-фронтовик работал водителем пожарной машины. Любил эту боевую профессию

Мамочка... Как мне жаль её, больную...

Мои братья: Валентин, Владимир, Вячеслав

Родился в рубашке

Прожив довольно-таки счастливо почти семь десятков лет и подводя некий итог пройденного пути, я сегодня тешу себя мыслью: как удивительно, прекрасно и восхитительно, что я до сих пор жив. А ведь мог давненько случайно иль невзначай уйти на тот свет, потерять голову, сыграть в ящик... Какая могучая сила охраняла меня? Порокой мне была, пожалуй, магия моих личных чисел?

Появился на свет я с Александром Пушкиным в один день и месяц. Только в разные годы. Родился в ШЕСТОЙ день, в ШЕСТОЙ месяц, в ШЕСТОЙ год – 1946. Являюсь ШЕСТЫМ ребёнком в семье, в которой нас всего семеро детей: ШЕСТЕРО братьев – Анатолий, Александр, Валентин, Вячеслав, Виктор, Владимир – и старшая сестра Нина. Она нас вынянчила и поэтому мы ласково называем её – Няня. Появился я на свет, что тоже удивительно, вскоре после Великой Отечественной войны. Возвратился с фронта живым отец Алексей Афанасьевич, дошедший до Берлина, – вот я на радостях и родился, причём ровно через ШЕСТЬ лет после брата Вячеслава (его дата рождения – 06.06.1940 г.) – довоенного сына мамы Анны Александровны. Согласитесь, что это приятные совпадения.

Цифра ШЕСТЬ всю жизнь преследует меня. Например, за 26 лет и ШЕСТЬ месяцев армейской службы мне довелось сменить ШЕСТЬ квартир, и в каждом номере очередной квартиры присутствовала шестёрка. В настоящее время живу в квартире № 6 с домашним телефоном 56-66-06 (такой номер мне назначили в Телекоме, не спрашивая мои пожелания). В Москве, в военной академии я учился на факультете № 6. До недавних пор имел ретро-автомобиль «Москвич-407» с номером «У 076 ХА 76». Когда мне доводилось ложиться на лечение в гарнизонный госпиталь, то обязательно попадал в палату № 6 (медперсонал называет её офицерской).

Уверовал, что ШЕСТОЕ ЧИСЛО КАЖДОГО МЕСЯЦА – МОЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ. Поэтому и намечаю важные дела именно на этот день с уверенностью, что мне повезёт. Так было, так есть, так, надеюсь, и будет. Я – УБЕЖДЁННЫЙ ОПТИМИСТ!

Известно, что сочетание трёх шестёрок – 666 – дьявольское число. Но это ведь при наличии трёх цифр. А у меня-то происходит по-другому, зачастую с переизбытком. Значит, мне не следует бояться шестёрок.

Невольно делаю вывод, что магия чисел (цифр) помогала мне удачно выходить из опасных ситуаций. Расскажу далее о коварных случаях, произошедших со мной, когда находился на грани жизни и смерти.

Могла угореть вся семья

Переселившись из очень тесной глинобитной хаты с камышовой крышей в просторный саманный дом, накрытый черепицей, наша многодетная семья начала жить вольготно. Зима с 1952 на 1953 год выдалась не по кавказским меркам очень морозная, и приходилось топить печь не дровами, а углём. Его не экономили, постоянно добавляли в топку печи, чтобы как следует нагреть к ночи печную «грубу», отдающую потом тепло в комнаты.

Как уж там получилось (возможно, кто-то из членов семьи слишком перекрыл дымоход заслонкой), мне до сих пор неизвестно... Факт остаётся фактом: в одну из ночей наш дом постепенно стал наполняться угарным газом (помню его отвратительный, едкий запах). Почему-то никто этого нарастающего кошмара не почувствовал так остро, как я, пятилетний мальчуган. Про-

снулся от головной боли и удушья и громко заорал: «Ма-ма, ма-ма, ма-ма!». Первым вскочил, засуетился отец, а когда догадался, что случилось, тут же растворил все окна и двери. Со двора повеяло холодом, зато стало легче дышать...

Мама в течение всей своей жизни любила рассказывать родственникам и друзьям: «Какая ужасная беда могла случиться, ведь угорели бы все до одного. Спасибо сыночку Вите...» Ласково поглаживая рукой по моему взъерошенному чубу, мама, не скупясь на похвалу, как правило, добавляла: «А ещё Витя спас нас от пожара...».

Виноватым оказался поросёнок

Его, дрожащего от холода, с полузакрытыми глазками, слегка придавленного свиноматкой, родители принесли зимой в дом, чтобы выходить в тепле. Мама, напоив поросёнка молоком и постелив на дно посылочного ящика старый свитер, уложила его в эту постельку. Накрыла ящик наполовину фанерной крышкой. «Хай хворый согревается, авось оклемается», – сказала она, поставив ящик рядом с включенной электроплиткой.

Среди ночи я проснулся, будто почувствовал беду. Увидел полыхающую огнём скатерть стола. Почуял прогорклый дымный смрад. Громкоголосый десятилетний паренёк, я завопил, что есть мочи. Прибежала из соседней комнаты мама и первым делом отключила электроплитку. Затем принесла ведро с водой и плеснула с размаху на огненные всполохи. Подоспевший вскоре брат Вячеслав помог окончательно потушить пожар. Участвовал и я.

Когда все уgomонились, поняли, что виновником возгорания явился поросёнок, сдвинувший своим пяточком фанерную крышку на раскаленную спираль электроплитки... Удивительно то, что сам он при этом ничуть не пострадал. Через несколько дней мама возвратила его, подлеченного, в поросёчью семью.

А до смерти... четыре сантиметра

Нас хорошо обучали почти 5 лет в Терском сельхозтехникуме на механическом отделении, готовили из нас техников-механиков широкого профиля. В конце 4-го – начале 5-го курсов мы проходили девятимесячную стажировку. Отправляя нас в дорогу, преподаватели очень переживали за нас, молодых ребят, предупреждали: будьте осторожны, соблюдайте технику безопасности. Мы и сами знали, что чрезвычайные происшествия в сельском хозяйстве происходят нередко.

Мне было почти восемнадцать лет, когда приехал на стажировку в зерносовхоз «Прималкинский» Ставропольского края и находился там с марта по ноябрь 1964 года. В октябре этого года, кстати, сняли с должности Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва. Это, к слову сказать, А поведать хочу о случае, когда мог попасть в мир иной. . .

«Тяни вперед!» – скомандовал трактористу механик Михаил Водопьянов. И трактор медленно потянул на буксирном тросе за собой комбайн «СК-3», убирая его из-под вышки. На её крюке висел двигатель, отсоединенный мной от корпуса комбайна. Ползая на коленях, я в этот момент собирал и укладывал в ящик инструменты, которыми производил разборку. Мне ВДРУГ показалось, что вблизи РАЗДАЛСЯ ВЗРЫВ!... От испуга, я инстинктивно припал всем телом к жестяной крыше комбайна. Затем, приподняв голову, осмотрелся... И обомлел: рядом, буквально в считанных сантиметрах от меня, лежал прилетевший сверху двигатель. «А до смерти четыре шага...», – вспомнились слова популярной тогда военной песни.

Услышав грохот, к комбайну со всего двора мастерской сбежались мужики-механизаторы. Они крепко пожимали мне руку, с волнением говорили тёплые слова. Сочувственно обняв меня,

механик Михаил Водопьянов тихим, срывающимся голосом сказал: «Прошу прощения, Виктор, моя вина, не доглядел... ты родился в рубашке».

Короткое пояснение. Двигатель упал на крышу комбайна не сам по себе, а вместе с трубой-перекладной вышки, которая наклонилась при буксировании комбайна. Копнитель устроен так, что его самая задняя часть расширена. Он зацепился за вертикальный столб... Нежданный «подарочек с неба» мог угодить прямо в меня – такого молодого, удалого, не женатого. Повезло и в этот раз!

С искренним сочувствием, а потом и с радостью восприняли случившееся мои однокурсники по техникуму Сергей Москалёв и Алексей Колодяжный, которые вместе со мной проходили стажировку в этом же совхозе. Вечером мы «обмыли» мой второй День рождения – 16 сентября.

На снимке: весёлая компания моих однокурсников, техникумов-механиков Терского сельскохозяйственного техникума. Я во втором ряду, крайний справа, в белой рубашке. Самый крайний слева – Лёша Колодяжный. Второй справа в последнем ряду – Серёжа Москалёв. 1964 год

Выжил в крушении поезда

3 марта 1992 года – роковая дата для меня лично и для всех пассажиров, едущих в скором поезде Рига – Москва. Наш поезд потерпел крушение, столкнувшись с товарным составом... Расскажу обо всём по порядку.

Так совпало, что мой уход на военную пенсию и отъезд к новому месту жительства – в город Ярославль – происходили в одно время. Заранее приобретя ж/д билет и точно зная день отъезда – 2 марта, я накрыл для родного коллектива стол. После душевных тостов весёлая компания сотрудников редакции газеты проводила меня вечером к поезду. На перроне коллеги вы-

пили со мной на посошок. После этого Саша Раневский и Толя Люцко с двух сторон подхватили моё «дембельское» тело и с почётом внесли в вагон... вперёд ногами (плохая примета потом чуть было не подтвердилась).

Под весёлые напутственные слова и дружные аплодисменты боевых товарищей поезд тронулся. Когда вошёл в купе и познакомился с попутчицей Людмилой, услышал от неё просьбу:

– Будьте добры, уступите мне место на нижней полке. Надо наблюдать за этим, не скрою, опасным грузом, – она приоткрыла одну из картонных коробок, и я увидел дюжину аэрозольных баллончиков.

Привыкший уступать женщинам, я не стал возражать. Этот жест доброй воли оказался для меня чреватым (поймёте почему – из дальнейшего рассказа).

Скорый поезд, не зря называемый так, быстро мчался, громяхая колёсами на стыках рельс. Под монотонный, убаюкивающий этот звук я крепко и долго спал. Около пяти часов проснулся и лежал, погрузившись в неприятные размышления, как будто предчувствуя что-то неладное (так думаю сейчас, анализируя ход события).

Поезд почему-то резко затормозил. Это торможение было очень странным – вагон метало то вперёд, то назад, будто его толкала туда-сюда какая-то неведомая пружина. Меня сбросило с полки. Когда летел вниз, ударился о край купейного столика (о его довольно острую алюминиевую оплётку). Сразу почувствовал острую боль в левом боку. В этот момент лежал уже на полу.

Послышалась команда женщины-проводницы: «Всем быстро одеться, взять свои вещи и покинуть вагон. Авария на железной дороге...». Все засуетились, ринулись к выходу. С рюкзаком за спиной, с чемоданом в одной руке, я другой тащил ещё, помогая Людмиле, её тяжёлую коробку. Вскоре мы оказались в голом поле с изредка торчащим из-под снега кустарником. Впереди – это там, где мы ожидали увидеть голову состава – огромное месиво из полыхающих в огне, нагромождённых друг на друга вагонов. Бросились в глаза поодаль валяющиеся, а некоторые и вертикально стоящие, как спичечные коробки, платформы с туго набитыми брёвнами. Теперь-то нам стало понятно: наш поезд столкнулся с «товарняком». В нос ударил прогорклый, едкий дым, напоминающий запах горелых волос и ногтей (мои ассоциации с тем запахом, который исходил от убитого кабана, когда его обжигал паяльной лампой отец). Видя эту ужасающую картину, я на некоторое время потерял дар речи. Разговаривать не давал застрявший ком в горле. Рядом стояли другие скорбящие, потрясённые большой бедой, люди и тоже молчали. Наконец, попутчица Людмила еле слышно сказала:

– Виктор, держи, – подала мне стакан, давай выпьем, снимем стресс, авось полегчает...

Глотнув грамм пятьдесят спирта, который показался мне в те горестные минуты водой, я и впрямь почувствовал облегчение, поблагодарил Людмилу. Достал из кармана пачку сигарет, и мы закурили. . .

Попавших в крушение пассажиров доставляли в Москву очередным поездом из Риги, который подобрал нас и дальше следовал окольным путём, минуя разрушенный участок железной дороги. Раненым была оказана медицинская помощь. Не дающий мне покоя, налившийся кровью отёк (шишка) на боку, намазали йодом. Измученные и удручённые, мы прибыли в столицу лишь под вечер следующего дня.

Как известно, в те годы не существовало мобильной связи. У пассажиров не было возможности сообщить родственникам, что они остались живы. А ведь о крушении поезда «гудели» все средства информации. Представляете, как сильно переживала моя жена Татьяна, которой предварительно я сообщил из Риги, что буду ехать именно этим злосчастным поездом? И лишь из Москвы удалось дать жене телеграмму.

Нельзя забыть нашей трепетной супружеской встречи на пороге квартиры в Ярославле. Долго стояли в прихожей, обнимались и плакали. . .

На следующий день я поехал в гарнизонную поликлинику, где мне сделали рентгеновский снимок левого бока. Врач удивил меня: «У вас сломано два нижних ребра». Почти месяц, лёжал на койке, глотая растолчённую в порошок яичную скорлупу, принимая назначенные таблетки – вот и всё лечение. Накладывать гипс, сказали медики, не требуется. Потом снова – рентген... Рёбра, к счастью, срослись.

О причине крушения мне стало известно из телепередачи «Шестьсот секунд» Александра Невзорова. Оказывается, наш поезд на данном участке пути превысил скорость, шёл с опережением времени, предусмотренного графиком движения, и на пересечении путей столкнулся с товарным составом.

В официальном документе говорится:

«3 марта 1992 года в 5 часов 15 минут по Московскому времени на разъезде Подсосенка (Тверская область) однопутного участка Великие Луки — Ржев Ржевского отделения Октябрьской железной дороги произошло крушение с тяжёлыми последствиями скорого поезда № 4 сообщением Рига — Москва («Юрмала»).

По мере движения по участку поезд № 4 шёл с опозданием. Локомотивная бригада приняла меры для того, чтобы войти в график. Со станции Западная Двина поезд отправился почти по расписанию, а к разъезду Подсосенка уже *шёл с опережением на 3 минуты*. В это время с противоположной стороны на разъезд принимался сборный грузовой поезд, введённый диспетчером в оперативном порядке.

Согласно графику, у пассажирского поезда не было ни остановки на этом разъезде, ни скрещения с другими поездами встречного направления, и локомотивная бригада вела поезд на полной скорости без каких-либо опасений. При этом, ни поездной диспетчер, ни дежурный по станции не уведомили должным образом поездные бригады обоих поездов об одновременном приёме под скрещение. В результате бригада пассажирского поезда применила экстренное торможение только после визуального контакта с грузовым поездом. Это привело к проезду выходного сигнала с запрещающим показанием и лобовому столкновению с вагонами грузового поезда, принимаемого на боковой путь.

Последствия. В результате столкновения поездов погибли обе локомотивные бригады, проводник второго вагона пассажирского поезда и 36 пассажиров, 22 человека травмированы, разбито 4 секции тепловозов, 8 вагонов грузового поезда и 4 вагона пассажирского поезда, разрушен один стрелочный перевод и 23 метра пути. Допущен перерыв движения поездов на участке – 15 часов 30 минут».

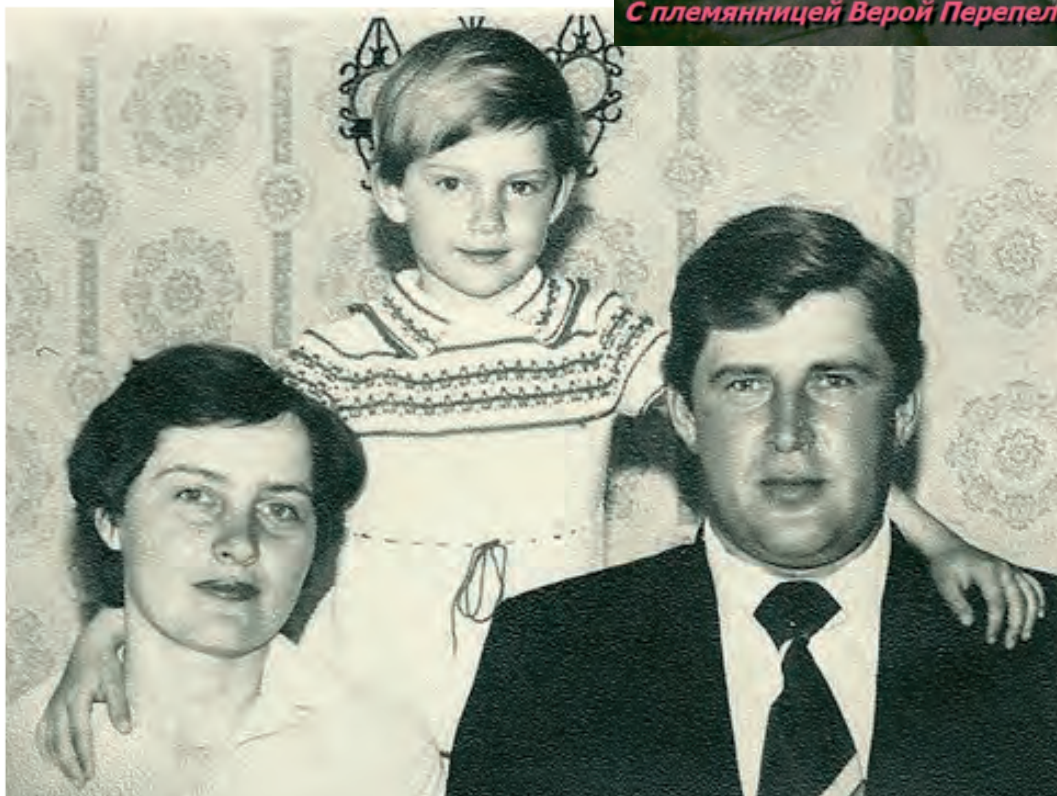
Остаётся добавить: мне колоссально повезло, что купил билет не в какой-либо из первых вагонов, а в № 10, который подальше от головы поезда. Родился я в рубашке. Кто в этом сомневается?

*Дети Татьяны Воликовой (Андрусовой) –
Валера и Вера. Ныне они имеют
свои семьи. Валера живёт в родном селе
Лесное, около города Прохладный.
Вера – в посёлке Северное
Ставропольского края*

С племянницей Верой Перепелицей (Воликовой)

*Хорошо сложилась семейная жизнь и у племянницы Веры Перепелицы.
У неё с мужем Алексеем двое детей: сын Михаил и дочь Юлечка. Молодцы!*

Дорогая сестрица Таня

У меня две самые любимые женщины: жена Таня Андурсова (Толстенёва в девичестве) и двоюродная сестра Таня Воликова (Андурсова в девичестве). Обе красивы, серьёзны, улыбки. Самое главное, умные, добрые, ласковые, умелые и старательные хозяйки в доме.

В том, что я рос воспитанным, вежливым, культурным парнем есть огромная заслуга двоюродной сестры. Ведь ещё со школьных лет мы часто встречались, ездили друг к другу в гости – из Докшукино в Прохладный, из Прохладного в Докшукино. И всегда в общении с Таней получал всякие полезные уроки жизни.

Будучи школьником, каждые каникулы бывал у тёти Наташи, сестёр Тани и Шуры. Помню барак, в котором они жили, глиняный пол, от которого исходила прохлада в жаркие летние дни. На полу хорошо хранились молоко, творог, сметана. Не могу забыть их необыкновенный, ароматный запах. А какое вкусное было свежее, парное молоко, которым угощали меня Таня и Шура после дойки коровы. А как вкусны были помидоры, другие овощи, ягоды и фрукты!

После седьмого класса, в сентябре 1960 года, я поступил учиться на механическое отделение Терского сельскохозяйственного техникума. Он находился на большом холме, вблизи поселка, в котором жили мои родственники – тётя Наташа с дочками Таней и Шурой. С этого момента они стали добрейшими моими опекунами. Давно было, а хорошо помню, как они встречали меня, голодного студента, в своём доме. Увидев меня на пороге, тут же ставили большую сковороду на огонь, жарили вкуснейшую яичницу на брусочках сала. Аромат этого блюда до сих пор щекочет мой нос! Родные вдоволь накормят, напоят меня молоком или компотом и проводят с полной сумкой продуктов. Шёл я по широкому лугу и пел сладострастно: «А я рано по утру встану, по широкому пройду полю...»

Вот так целых пять лет с удовольствием навещал моих тётю Наталью, сестёр, их деток. У Шуры росла дочь Люда. У сестры Татьяны и её мужа Васи родились при мне сначала сын Валерий (назвали в честь космонавта Валерия Быковского), а потом дочь Верочка. Валера охотно «шёл» ко мне на руки, и я играл с ним. А вот стеснительная Верочка, увидев меня в доме, тут же забиралась далеко под кровать и пряталась там, как зайчик. Мама Таня с трудом вытаскивала доченьку из укрытия, чтобы показать мне её.

Шли годы. Я окончил техникум в марте 1965 года. Вскоре меня призвали на службу в армию. Три года служил солдатом-ракетчиком в Новочеркасске. С родными в этот период не виделся. И лишь когда поступил на факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища, в каникулы стал навещать родные места. Разумеется, всегда ездил в Прохладный. Во время офицерских отпусков тоже бывал в гостях у Воликовых, когда служил на Дальнем Востоке, в Германии, в Прибалтике. После развала СССР, как у многих людей, родственные связи потерялись. Благодаря Интернету, сумел всё-таки отыскать многих дорогих моему сердцу людей. Тогда и написал:

«ОБРАЩАЮСЬ К ТЕБЕ, МОЯ ДОРОГАЯ СЕСТРИЦА ТАНЯ: пожалуйста, крепись и борись с болезнью. У всех нас всякие болячки и недуги, не будем им поддаваться. НЕ ДАДИМ БОЛЕЗНЯМ ПОБЕДИТЬ НАС, СИЛЬНЫХ ДУХОМ АНДРУСОВЫХ – ПОТОМКОВ СЛАВНЫХ, СМЕЛЫХ И ОТВАЖНЫХ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ! Низко кланяюсь. Крепко обнимаю и целую тебя, милая».

*Валера Воликов с женой Мариной
в ресторане, на свадьбе дочери Анастасии.
Ниже – фото молодожёнов.
Теперь Настя – Журавлёва*

*Вскоре, после свадьбы сестры Анастасии
вышла замуж и младшая дочь –
Татьяна Воликова стала Востриковой.
Семейного счастья вам, родные!*

Эти строки читала маме её дочь Вера Перепелицына (Воликова). Очень хотелось, чтобы проникновенные слова помогли больной сестрице. И она, волевая женщина, как могла, цеплялась за жизнь. Однако...

Письмо было отправлено мною с подарком – современным слуховым аппаратом, который помог сестре общаться с дочерью Верой, ухаживающей постоянно за ней. Хотелось порадовать Таню. Эту радость она успела получить всё же на последних днях жизни.

Не могу вспоминать о сестре без слёз...

*Памятные фотокарточки встреч с двоюродной сестрой Татьяной Воликовой (Андрусовой).
Фото из архива автора*

Кубанские казаки – участники Первой мировой войны

Государь Императоръ среди офицеровъ-пластунѣвъ.
(Изъ изданія Министерства Императорскаго Двора: «Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ въ хлѣбную армію. Выпускъ III. Январь—Іюль 1915 г.»).

Государь Император среди офицеров – командиров казачьих пластунских войск

Казачья доля окаянная

Завершилась Первая мировая война. С искалеченными душами и телами – кто без ног, кто без рук – возвращались на родину кубанские казаки, выжившие в жестоких боях. К домашнему очагу, в станицу Убеженскую, одни добирались на измученных лошадях, другие (безлошадные казаки-пластуны) на поездах и машинах, а некоторые и пешком. Многокилометровый путь преодолели доблестные кубанцы *Гнутовы, Белевцовы, Ченцовы, Бекетовы, Дмитриевы, Андрусовы, Тарасовы, Цукановы, Деговцовы, Вдовины, Полубояровы, Пономаренко, Чикуновы* и другие. Наконец-то, вот она, родная, долгожданная станица!

Во многих куренях тогда торжествовала невиданная семейная радость от встречи с милыми мужьями, сыновьями, братьями. В отдельных дворах слышались горемычные стоны и плач по изувеченным, погибшим, без вести пропавшим близким. Страдали, лили слёзы женщины, однако, гордые, сдержанные, они внушали себе: «Не боли душа-болячка – я – казачка».

Лихая наездница Аня

В семье казака Александра Михайловича Дмитриева, возвратившегося с фронта, слава Богу, живым, было шестеро детей и все дочери: Варвара, Серафима, Олимпиада, Ирина, Раиса, Анна. Жил он с женою Анной Савельевной в любви и гармонии, а вот не родила она ему для полного счастья сына. За него ведь казак мог получить положенный по закону надел (пай) земли. Приходилось ему довольствоваться своими личными и оставшимися по наследству десятинами. Прослыл Дмитриев казаком-середняком, коих на Кубани было большинство. Построил добротный и просторный дом (в нём, кстати, при советской власти располагался сельсовет). Занимался животноводством, пас и выгуливал скот на пастбищах общего пользования. Дочек воспитывал в строгости, приучал с малых лет трудиться на подворье. Они охотно кормили и доили коров, содержали других животных и птицу. Любили скакать на лошадях, восхищая всех удалью и смелостью.

– Анька, перестань гарцевать, слезай с коня! Иди сюда, что скажу, – казак Дмитряк (так звали станичники Александра Дмитриева) осадил коня, удерживая его за уздечку, помог любимице-дочке спуститься на землю. Обнял и поцеловал её.

– Что надобно, батюшка? – Аня, заморгала озорными глазками, поправляя собранные в корзиночку косички.

– Анюта, ты закончила два класса церковно-приходской школы. Научилась расписывать-ся? Ну, и хватит учиться. Иди пасти коров и лошадей. Помогай отцу и матери...

С той поры Аня больше не училась. Стала пастушкой. Да ещё какой! Никто из её сестёр и подруг не были такими лихими наездницами, как она. Никто не мог так залихватски присвистнуть, как она, когда, например, на быстром коне догоняла корову, отбившуюся от стада...

Симпатичную, бойкую дивчину Анюту Дмитриеву вскоре приметил молодой казак Алёша Андрусов. Между ними сложилась неразлучная дружба, созрела любовь. Поженились они гораздо позже. Когда малость повзрослели...

Молодые казаки станицы Убеженской после прохождения лагерных сборов и принятия присяги. Среди них и наши родственники (так утверждает Александр Иванович Бекетов. Фото из его архива). Снимок 1914 года

Родные сёстры мамы, слева направо – Ирина, Рая, Варвара, Олимпиада (Липа), Серафима (Сима). Самой мамы на этом снимке, к сожалению, нет. Фото 30-х годов XX столетия

Моя мама Анна Александровна накануне Великой Отечественной войны. После ухода мужа на фронт, оставаясь в тылу фашистских захватчиков, сумела уберечь себя и детей от смерти, голода и болезней...

Непродолжительная передышка после Первой мировой сменилась новой войной – гражданской. И начались опять призывы казаков на фронт. Особо презиравшие власть Советов шли на войну добровольно. И гибли массово. В то же время в городах и станицах чинились казни то тех, которые за красных, то тех, которые за белых. Свидетельство тому – братские могилы на кладбище в станице Убеженской, других населённых пунктах многострадаальной Кубани.

Противостоянию наступил конец в сентябре 1920 года, когда казаки-добровольцы, вступившие в Красную Армию, разгромили десант армии Врангеля и белополяков на Таманском полуострове. Устали от трёхлетней гражданской войны оставшиеся в живых казаки и их родичи. Казалось бы, трудись теперь мирно и спокойно, расти детей. Ан, нет. Новая власть, воспринятая особенно бедными казаками с одобрением, на самом деле оказалась коварной. Настало суровое время неоправданных репрессий и *расказачивания*.

Беженцы из Убеженской

После свадьбы с Анной Дмитриевой весной 1927 года Алексей Андрусов взял жену в свой курень. Как и положено по казачьему обычаю. К тому времени в родительском доме как раз освободились комнаты – вышли замуж сёстры Алексея Мария и Ольга – они стали жить отдельно. Для молодожёнов сначала всё складывалось удачно. Они вступили в колхоз, подтвердив тем самым свою лояльность к Советской власти. Аня трудилась в полеводческой бригаде. Алексей, закончив техшколу, работал трактористом. Однако атмосферу недоверия со стороны станичных активистов доводилось испытывать многим, им в том числе. Среди казаков ходили слухи, что вот-вот, как на Дону, неугодных станут арестовывать...

Действительно, к концу 20-х – началу 30-х годов станицу Убеженскую, как и весь Кубанский край, постепенно накрыла тяжёлая туча большевистской нетерпимости и презрения к казакам, как к классу собственников и кулаков. Накатилась волна реальных гонений и репрессий. Нервы у некоторых казаков не выдержали, и они стали убегать из станицы.

Поддавшись общему паническому настроению, Убеженскую покинули однажды ночью Алексей и Анна Андрусовы, сумев найти прореху в оцеплении станицы военными НКВД. По железной дороге они переехали из Армавира в Сухуми. Жили там около месяца. Ночевали и питались, чем придётся, в порту, где с пароходов моряки выбрасывали на пирс остатки пищи.

Затем Алексей и Анна перебрались в Кабардино-Балкарскую АССР, в посёлок Докшукино, где развернулось строительство крупного химзавода и где можно было найти работу. Там и поселились, как вышло, на долгие годы. Туда вскоре по приглашению моего отца Алексея переехали из родной станицы многочисленные родственники Андрусовы: мать отца Аксинья и три его сестры – Ольга, Мария, Анна, а также брат Пётр – все со своими семьями. Поселились в Докшукино и племянники Алексея Иван и Фёдор Андрусовы (сыновья незаслуженно репрессированного брата Михаила Афанасьевича) с жёнами и детьми. Династия Андрусовых быстро разрасталась в численности. Родичи жили дружно, душа в душу.

На снимках: репрессированный в 1930 году и отправленный в лагерь на Колыму кубанский казак Михаил Афанасьевич Андрусов с женой Агафьей Фаустовной Чикуновой (в девичестве) и сыном Фёдей. Засняты в станице Убеженской Успенского района Краснодарского края в 1915 году. Фото из архива Татьяны Гречишниковой (Андрусовой); Моя мама Анна Александровна Андрусова (Дмитриева) с подругой. Станица Убеженская, 20-е годы

Семья Андрусовых 1930, сын Морзох Кабарда
слева направо стоят: Миша (12 лет), Валя (14 лет)
сидят Федя (16 лет), Агафья Фаустовна (39 лет), брат
Егор (брат отца), Люба (2 года), Вася (4 года)

Данный снимок 1930 года подписан рукой моего двоюродного брата Василия Михайловича Андрусова (живёт ныне в Рязани).

Он предоставил мне очень много исторических сведений о судьбе наших близких и дальних родственников. И за это ему огромная, душевная благодарность. Уникальность снимка в том, что на нём заснята семья репрессированного Михаила Афанасьевича Андрусова сразу после переезда из станицы Убеженской в Кабардино-Балкарскую АССР. Вернуться Михаилу в родную семью не было суждено уж никогда...

Из числа родственников моей мамы Анны Александровны Дмитриевой со станицей Убеженской рассталась лишь одна её сестра Ирина. Выехала и жила с семьёй в Абхазии, в городе Ткварчели. Остальные мамины родные ни тогда, ни в будущем не покинули станицу, хотя им там было очень нелегко.

В конце 1930 года спряталась от преследования органов НКВД сначала в ауле Морзох, а потом в посёлке Докшукино (ныне городе Нарткала Кабардино-Балкарской Республики) многочисленная семья Михаила – старшего брата моего отца Алексея. Сам Михаил, репрессированный казак, на тот момент находился далеко за Уралом. О нём, бедняге, отдельный рассказ.

Дядя Миша, сосланный на Колыму

Ранним октябрьским утром в 1930 года станицу Убеженскую со всех сторон окружили и установили посты наблюдения солдаты НКВД, вооружённые винтовками. Предстояла облава тех мужчин-казakov, которые были недовольны советской властью, отказывались вступать в колхоз, не подчинялись партийным деятелям. Раздался выстрел, извещающий о начале облавы.

В курень Михаила Андрусова ворвались, сломав запор, двое разъяренных НКВДешников.

– Вставай, паскуда, выходи! – заорал тот, у которого лычки на погонах. – Пришла твоя очередь, казачура, ответить за свои грехи. . .

Михаил, не спеша, встал, равнодушно глядя в глаза наглецу. Одеваясь, попросил сержанта не кричать, не будить детей. Встала и жена Агафья. Тоже попыталась урезонить непрошенных «гостей». Оба завопили ещё громче матерными словами.

Агафья, собрав мужу в дорогу узелок с хлебом и салом, вышла на улицу провожать его вместе с проснувшимися сыновьями Федей, Ваней и Васей.

На площади у церкви собралось немало народа. Угрожая винтовками, НКВДешники согнали казаков в оцепленный со всех сторон круг, проверили их по списку. В числе арестованных оказалось несколько человек в нижнем, белом белье. Это те, кто проявил неподчинение, а то и сопротивление. Им не дали даже накинуть на себя хоть какую-то одежду. Жалко было смотреть на них, дрожащих от холода и нервного стресса.

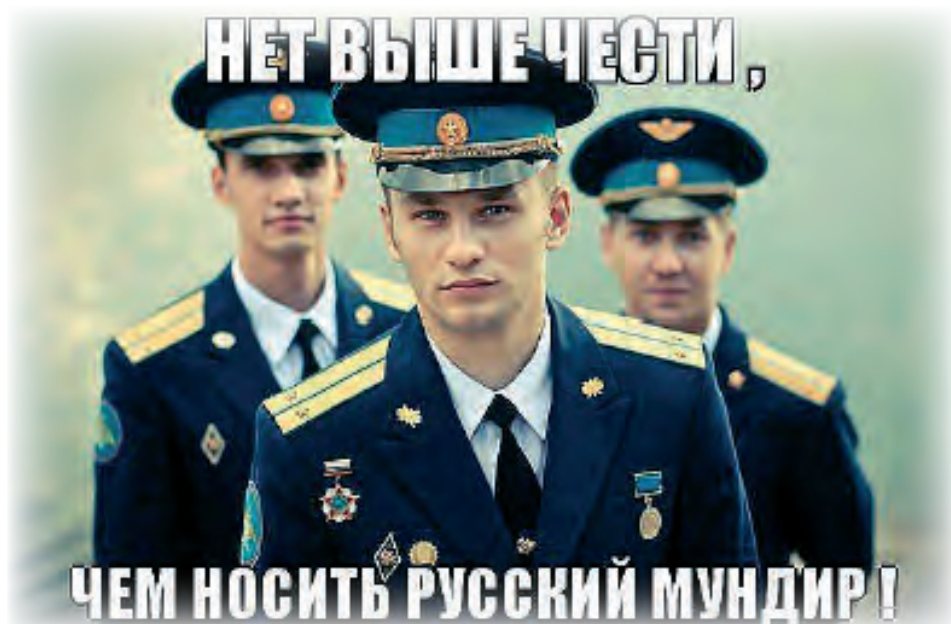
– Ганя, милая, береги деток! – только-то и успел из толпы крикнуть жене на прощанье Михаил и помахал рукой ей и сыночкам.

Колонну арестованных под конвоем повели к переправе через Кубань. Затем пешком казаков сопроводили до станции Армавир, откуда в вагонах для скота увезли на восток... в неизвестность...

Что произошло потом с арестованным дядей Мишей, родным братом моего отца? Долгих 10 лет от него и его лагерных начальников родственникам не приходило никаких вестей. И только в 1940 году с Колымы Агафье Фаустовне поступило краткое официальное сообщение: «Андрусов Михаил Афанасьевич рожд. 1891 г., проживал: ст. Убеженская, Успенский р-н, Краснодарский кр., арестован 17.10.1930 г. ОГПУ, обвин. как казак-кулак, приговор 12 лет ИТЛ, умер 17.09.1940 г. после болезни».

Моя служба в Группе советских войск в Германии – это период, когда я особенно гордился своим русским происхождением. Общение с коллегами – журналистами армии Германской Демократической республики приносило огромное удовлетворение и радость. Нас, советских офицеров, уважали за то, что наши отцы-фронтовики избавили немцев от фашизма

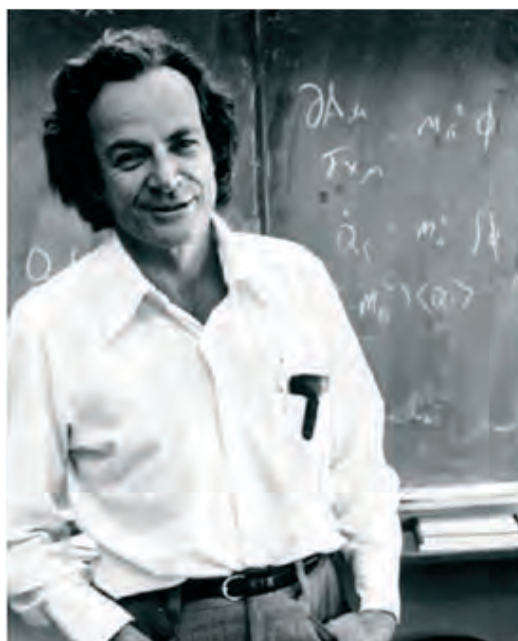

Известного американского физика Фейнмана спросили:

«Может ли выродиться русский народ?»

На что он ответил: «Разве может выродиться и исчезнуть народ, которому принадлежит половина всех фундаментальных открытий в науке? Разве может выродиться народ, которому нет равных в культуре, народ-философ, поэт и воин.

Нет, русские не просто народ – это целостная великая цивилизация»

Горжусь своей русскостью

Размышления о своём происхождении связываю с песней. Протяжной и грустной, лихой и весёлой, раздольной русской народной песней. Слушая её, мысленно уношусь в даль веков, к истокам и корням славянских народов...

Более зримо представляю самых ближайших сородичей – кубанских казаков, песенное творчество которых меня особенно сильно волнует, будоражит душу. С раннего детства с наслаждением слушал самобытные хоровые песни, которые пела мама Дмитриева (в девичестве) Анна Александровна вместе с четырьмя сестрами, моими тётями – Раей, Липой (Олимпиадой), Симой (Серафимой), Ирой, которые нередко приезжали с нашей малой родины, из станицы Убеженской, что под Армавиром, к нам в гости в посёлок Докшукино Кабардино-Балкарской АССР.

Таких домашних концертов, состоявшихся за обеденным столом, забыть невозможно! Заводилой и запевалой, как правило, выступала мама. Легко отличал её милый сердцу голос на общем фоне хоровой песни. В то же время она удивляла всех умением красиво, в ритме песни, присвистывать. Овладела этим искусством, когда в молодости пасла домашний скот, сидя верхом на лошади. Наезднице доводилось управлять стадом не только с помощью кнута, но и громкого, переливчатого свиста. Как же любили маму только за это многие родные, близкие и знакомые! И теперь, спустя десятилетия, хорошо понимаю, почему любили и уважали. Свист – это ведь не только признак лихости, а своего рода боевой, мобилизующий клич казаков, их черта братства и сплочённости.

Искренне горжусь, что принадлежу к потомкам легендарного Кубанского казачьего войска, которое отважно защищало южные рубежи России. О том, как жили, служили и воевали мои предки, по существу рассказывается в песнях. Поэтому давно начал собирать казачьи песни, записывая их тексты в блокноты, накапливая файлы в папках компьютера. Ну как можно оставаться равнодушным, слушая, например, песни в исполнении Государственного Кубанского казачьего хора: «Не для меня», «Когда мы были на войне», «Ты прости меня, родная», «Сотник смелый» и другие? В них глубокий смысл предназначения казака – защитника Отечества. Ему начертано судьбой не щадить себя, своей жизни, ради этой великой цели. Поэтому казак и поёт:

Не для меня цветут сады,
В долине роща расцветает...
Там соловей весну встречает,
Он будет петь не для меня.

Не для меня журчат ручьи,
Текут алмазными струями,
Там дева с чёрными бровями –
Она растёт не для меня...

А для меня кусок свинца –
Он в тело белое ворвётся,
И слёзы горькие польются –
Такая жизнь, брат, ждёт меня.

Под натиском лихих кубанских казаков не мог устоять никакой враг...

Подобный смысл и в другой песне:

Ты прости меня, родная,
Коль себя не сберегу,
Где умру я знать – не знаю,
Буйную голову сложу...

Эти трогательные песни воспитывали молодую казачью поросль. Не случайно во всём мире восхищались решимостью, бесстрашием, самопожертвованием казаков.

Очень нравится мне также репертуар «Казачьего круга», в котором имеются и патристические, и душещипательные песни, например, «Отчего так быстро вянут розы?», «Казачья рекрутская», «Прощай, ты Уманьская станица» и так далее. Закачав файлы песен в мобильный телефон, прослушиваю их и впадаю в транс – до того подобная «слуховая терапия» лечит и ублажает мою душу. Слушаю и фантазирую, представляю всякие исторические картины и сцены. Так увлекательно!

Если бы меня спросили, когда, в какой период жизни я особенно гордился своим русским происхождением, то я бы ответил: в годы воинской службы в Германской Демократической Республике, в Группе советских войск в Германии. Вот уж где по-настоящему довелось почувствовать к себе истинное уважение! На многочисленных встречах с немецкими друзьями, будь-то официальное мероприятие или личное общение, рефреном звучали слова: «Спасибо вам, русские, советские воины! Вы спасли нас от фашизма...»

Русские всегда были и остаются нацией, вокруг которой собирались и сплывались многие народы. К сожалению, на рубеже XX и XXI веков, после искусного развала СССР, наметились немыслимые ранее тенденции. Развились неприязненные, а подчас и враждебные отношения к русским людям. Вспомните, какой антирусский смерч прокатился по бывшим союзным республикам. Расскажу далее о случаях не дружественных отношений к так называемому русскоязычному населению.

В 1985 году меня направили служить в Прибалтийский военный округ. Признаюсь, противно мне сейчас вспоминать, как постепенно, день за днём, нарастала волна неприязни к нам, русским, живущим в Риге. Сначала это стало заметно на бытовом уровне, например, в магазинах. Продавцы сознательно не хотели разговаривать с нами на русском языке. Очень недружелюбно вело себя коренное население всех прибалтийских республик в общественных местах, в городском транспорте. Моя жена помнит случай, произошедший в переполненном пассажирами трамвае. Стоящий в проходе, высокорослый, упитанный латыш повёл себя дерзко, вплотную прижался к женщине и буквально «повис» на ней. Она долго терпела. И, наконец, вежливо попросила мужчину «слезть» с её плеча. Тот громко заявил: «Здесь Латвия!». Супруга, недолго думая, ответила: «В таком случае садитесь ко мне на колени». Пассажиры трамвая рассмеялись.

Однажды после обеденного перерыва симпатичная сотрудница редакции Наталья Н. рассказала нам следующее: «В автобусе ко мне пристали двое латышей. Нет, не с лестными комплиментами, а с ядовитыми высказываниями в адрес русских. Я всю дорогу молчала. Однако нервы не выдержали, и перед самым выходом из автобуса на остановке сказала им:

– Неблагодарные вы люди. Да, если бы не русские х... , ваши рожи веками оставались пострашнее пистолета....

Выступление кубанского ансамбля «Русская воля»

В конце 80-х лет во всех республиках Прибалтики начали активно вытеснять русскоязычных граждан. На это работала вся пресса Прибалтики. Газеты были насыщены враждебными публикациями. Организовывались съезды и собрания. Появились пикеты, проходили сходки, на улицах строились баррикады. Везде были размещены плакаты: «Рус Иван, бери шинель, пошёл домой!».

Особая ненависть в Латвии, Литве и Эстонии была к нам, военнослужащим. Не могу забыть, как меня чуть не избили хамоватые латышские парни. Произошло это в трамвае, на котором я ехал утром на работу. Сидел в полупустом вагоне. А позади меня – пятеро громко смеющихся молодых латышей. Они стали подтрунивать, осыпать меня всякими оскорбительными словами, насмехаться: «Майор-оккупант, убирайся на родину»... Я никак не реагировал, глядя в окно. Когда трамвай сделал остановку, один из агрессивных парней, проходя мимо меня, резким движением надвинул мне на нос фуражку. Край околыша расцарапал до крови мой нос, я почувствовал боль и отчаяние. Тут же вскочил с места, вцепился в руку обидчика. А он увлёк меня за собой к раскрытым дверям трамвая. Оторвался от меня, выпрыгнул на тротуар. Там уже стояли остальные четверо свирепых попутчиков. Один из них прокричал: «Выходи, майор, будем делать из тебя котлету!». Я шагнул к выходу – в этот момент двери трамвая захлопнулись и прищемили мою протянутую вперёд ногу. Трамвай тут же тронулся. Выдернув ногу из «капкана», я успел заметить перекошенные лица моих недоброжелателей, их поднятые вверх кулаки. С облегчением подумал: «Как хорошо, что не успел сойти с трамвая, а то не сносить бы мне головы».

Когда рассказал об инциденте сослуживцам, они согласились: мне крупно повезло, что не ввязался в драку. Вскоре приказом командующего Прибалтийским военным округом мы, офицеры, обязаны были являться на службу в гражданской одежде. Озлобленные прибалтийцы, однако, не уgomонились...

«Чужой среди своих?» – так называлась моя статья, опубликованная в газете «ЗА РОДИНУ» Прибалтийского военного округа. Тема её родилась невольно по пути из Риги в Каунас.

... Идя по проходу вагона, я столкнулся с разгорячённым, обнажённым по пояс парнем. Когда мы поравнялись, он что-то буркнул, похоже, на литовском языке. Во фразе я отчётливо уловил слово «оккупант». Не раздумывая, я тут же выругался громко по-балкарскому (родом я из южных краёв и немного знаю балкарский язык). Парень оторопел, не ожидая от меня подобных слов и не зная, что ответить (предполагал, наверняка, что я русский). Шокированными выглядели и его приятели, находящиеся в купе. А я, улыбнувшись, зашагал дальше по проходу вагона.

Когда я приехал в Каунас и прибыл в танковый полк по заданию редакции газеты, то встретился вскоре с подполковником И. Науёкасом. Рассказав ему об инциденте в поезде, спросил:

– Игнатас Владович, скажите, а с вами подобное не случалось?

– Представьте себе, случалось. Ведь на лбу не написано, что я литовец. Думая, что я не понимаю их, некоторые юнцы, бывает, скажут что-то обидное вдогонку. Когда же отвечу по-литовски, они краснеют от стыда. Но не все. Бывают и такие, которые и оккупантом обзовут...

– Это вас-то, литовца? Оккупант в своей стране? Нонсенс какой-то...

– Разумеется. Но они, эти юнцы, одурманены пропагандой, и на, получай ярлык. Раньше такого не бывало...

*На обоих снимках женская песенная группа «Берегиня»
из моей родной станицы «Убеженская».
Запевала – Лидия Андрусова. Руководитель группы – Галина Лоренц.
Поют так, что сердце замирает...*

Расскажу ещё об одном случае.

В Риге я купил небольшой, в шесть соток дачный участок, расположенный около железной дороги. Однажды, весной 1991 года, копошась в огороде, заметил, что к калитке подошли двое мужчин: один моложавый, местный житель, латыш (я немного знал его), а другой довольно-таки пожилой, совершенно мне не известный, шикарно одетый, в шляпе и с дипломатом в руке. Моложавый пояснил:

– Этот господин приехал из Америки. Он сын бывшего до войны хозяина нашего сельского поселения. По закону Латвии хочет возвратить свою землю. По-русски он не говорит. Но требует, чтобы вы убирались с его собственной территории.

Немного поразмыслив, я сказал:

– Объясните господину, что выделенные нам, русским, не лучшие участки земли находятся в полосе отчуждения вдоль железной дороги. По международному закону эта полоса в целях безопасности движения поездов принадлежит государству, а не каким-либо частным лицам.

Обескураженный и поникший латыш-американец, не нашёлся что ответить, лишь сделал кивок головой. Вместе с сопровождающим его «парламентёром» тут же исчез из моего поля зрения. А я взял тяпку в руки и продолжил прополку картофельных рядков...

Русских, в большинстве своём добрых, уступчивых людей, могут обидеть, унижить, однако ПОБЕДИТЬ, в широком смысле этого слова, – НИКОГДА!

Все мировые средства массовой информации нынче сообщают о террористической угрозе. Кто сможет спасти страны от этой, всё больше пускающей корни, чумы? По всему видно, мы, россияне, при поддержке патриотов других государств. Восхищаюсь нашими лётчиками, наносящими меткие воздушные удары по коммуникациям и гнёздам бандитских формирований исламского государства. Будем надеяться, что на территорию Сирии придёт покой. Непременно придёт! И на всём земном шаре будет покончено с терроризмом.

Горжусь любимой Россией!

*На снимке запечатлён инструктаж личного состава редакции и типографии дивизионной газеты на полевых учениях. Редактор газеты капитан Михаил Петрович Шипунов ставит мне, лейтенанту, вводную – организовать действия подчинённых по развёртыванию и подготовке походных типографий (на базе автомобилей ЗИЛ-157) для выпуска газеты. Для меня, ответственного секретаря редакции, это было серьёзное испытание...
Октябрь 1972 года*

В сентябре 1973 года меня назначили на должность редактора газеты 135-й мотострелковой дивизии. Нелёгко было малоопытному лейтенанту выполнять майорские обязанности. К тому же в напряжённое время – после боёв на Даманском

Даманский в моей судьбе

Короткая, локальная война на острове Даманский советских пограничников и бойцов с китайскими провокаторами и агрессорами... Именно, война, а не пограничный конфликт, как официально сообщалось в прессе, начиная с весны 1969 года и в последующее время. Власть не разглашала подробностей ужасной бойни, скрывала от народа гибель десятков молодых парней! Из этого делают тайну и сейчас, стремясь не испортить дружественных отношений с Китаем. А ведь это была, по существу говоря, первая после Великой Отечественной войны вооружённая схватка, которая стала испытанием боеготовности нашей армии.

Шила в мешке не утаишь. Люди не могут молчать и скрывать своей причастности к событиям на острове Даманский. Жива память, живы участники и свидетели той необъявленной войны. Они вспоминают давно минувшие дни боёв, чтят память павших товарищей, собираются у их могил... Энтузиасты создают о мужественных даманцах кинофильмы, фотоальбомы, пишут книги.

Недавно на сайте «Одноклассники» я заметил воспоминания пользователей интернета о Герое Советского Союза младшем сержанте Владимире Орехове, погибшем на Даманском. Когда не осталось офицеров-командиров, он возглавил группу смельчаков-мотострелков, повёл их в контратаку, смело шёл впереди всех и косил врагов огнём из ручного пулемёта. До того, как разъяренные китайцы сразили Володю Орехова (19-летнего парня!) перекрёстными очередями пуль, он нанёс им огромные потери... О подвиге сержанта я знаю все подробности (почему знаю, расскажу дальше) и поэтому подключился к полемике в Одноклассниках. Так познакомился и подружился на сайте с Андреем Готовым (из Владивостока), активным участником этой переписки в Интернете. Позже Андрей познакомил меня с Виктором Воропаевым (живёт в Краматорске), имеющем альманах-фотоальбом «Они отстояли свой остров Даманский». Меня так заинтересовал данный подробнейший сборник истории войны на Даманском, что я, изучая его, просидел у компьютера всю ночь... Продолжаю изучать до сих пор, потому что невозможно охватить всего объёма обширной информации, содержащейся в альманахе-фотоальбоме.

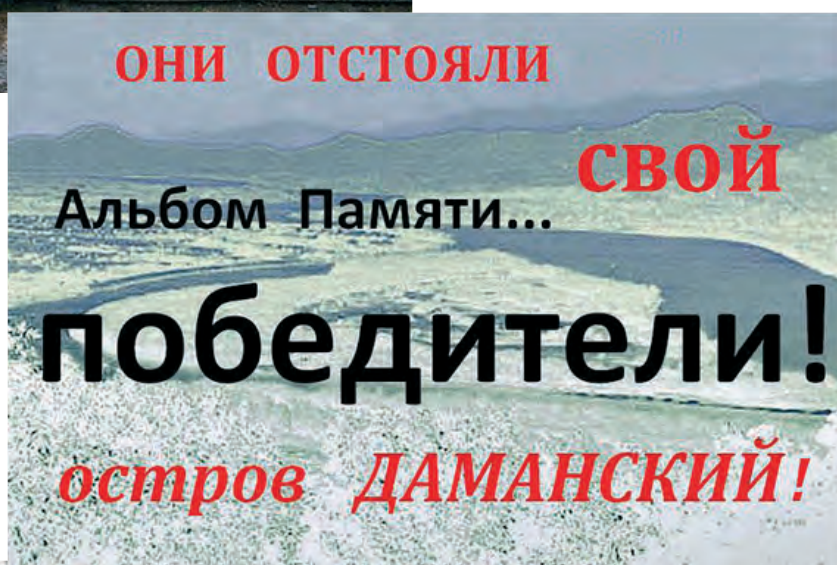
Почему я знаю о подвиге Владимира Орехова? А потому что служил офицером в редакции газеты «ПАТРИОТ РОДИНЫ» 135-й мотострелковой дивизии, которая участвовала в боях на Даманском. В запасниках редакции находились образцы листовок, в том числе посвящённых героям Даманского. Штаб дивизии располагался в городе Лесозаводске Приморского края. Прибыл я туда молодым лейтенантом в конце августа 1972 года после окончания факультета журналистики ЛВВПУ. Прошло лишь три года после боёв на Даманском. Естественно, я оказался среди очевидцев ужаснейшего события.

Так, например, я познакомился с капитаном Анатолием Ахметовым, участником той войны. Будучи командиром автороты, он обеспечивал доставку боеприпасов, продовольствия и прочих грузов в район боевых действий. Подчинённые ему водители, как и он сам, испытывали огромные морально-физические нагрузки. Более того, иногда попадали под обстрелы китайской артиллерии. Анатолий рассказывал, что ему повезло остаться в живых после одного из внезапных артобстрелов по берегу реки Уссури, когда подчинённая ему колонна автомашин прибыла в район сосредоточения наших артиллеристов. «Представляешь, как высоко взлетели бы мы на воздух, если бы китайцы попали в наши машины, полные боеприпасов? Страху я тогда натерпелся, неимоверного», – смущённо признавался капитан А. Ахметов.

Посёлок Грушевое
(ранее Филино)
Дальнереченского района
Приморского края.
Вечный огонь у могил
воинов-мотострелков,
павших в боях с китайскими
захватчиками на острове
Даманский

Обложка фотальманаха, в котором
подробно рассказывается
о тех событиях...

НЕСОВ
ВАДИМ
КОНСТАНТИНОВИЧ.

Генерал-майор.

Командир 135-ой
мото-стрелковой
дивизии.

Защитник острова
Даманский.

Именно он отдал приказ
15 марта 1969 года на
открытие огня батареям
378-го АП и ракетным
установкам БМ-21
"Град" по китайской
территории! После чего
исход боя был решён в
нашу пользу
окончательно.

На снимке: редактор газеты «Патриот Родины» 135-й мотострелковой дивизии старший лейтенант Виктор Андрусов, начальник издательства и типографии прапорщик Вячеслав Ольшевский и солдаты-полиграфисты на учении. Всмотритесь в лица этих парней. Они были готовы к всему. К войне – тоже... 1975 год. Фото старшего лейтенанта Валерия Баранова, ответственного секретаря редакции дивизионной газеты

**ВАЩЕНКО
МИХАИЛ
ТИХОНОВИЧ.**

В марте 1969 года –
майор.

Командир 13-го
отдельного
дивизиона
реактивных
установок залпового
огня (РУЗП) БМ-21
«Град».

Защитник острова
Даманский.

Фото 1969 года.

Из воспоминаний командира 13-го отдельного реактивного дивизиона БМ-21 «Град» 135-ой МСД подполковника в отставке ВАЩЕНКО МИХАИЛА ТИХОНОВИЧА.

"Отдельный реактивный дивизион «Град», которым я тогда командовал, располагался в городе Лесозаводске. 14 марта мы получили приказ совершить марш в район Даманского. 15 марта в 5.30 прибыли в район боевых действий. Расположили наблюдательные пункты на склонах горы Кафыла, непосредственно спускающейся к реке Уссури и к выходу на остров, установили боевые машины. Произвели необходимые расчеты по подготовке к стрельбе. И мы были готовы открыть огонь. Но еще перед маршем, получая боевой приказ, я был строго предупрежден: провести всю необходимую подготовку к огню, но не стрелять!..

...Но с наблюдательного пункта были видны горящие БТРы, слышны автоматные очереди; с противоположного берега Уссури вели огонь китайские орудия и гранатометы. Были заметны китайские подносчики снарядов, движущиеся к своим расчетам.

В считанные секунды можно было начать стрельбу на поражение, так как оперативно готовились для нее данные. Но не было приказа. И наши люди гибли ...

Это помнится до сих пор и вызывает чувство вины. Ведь сколько жертв можно было избежать, начав стрельбу раньше!

И только к 16.00 было принято решение о совместной атаке пограничников и второго батальона 199-го Верхне-Удинского мотострелкового полка под командованием Александра Смирнова. Нужно было выбить нарушителей с острова.

Перед атакой провели десятиминутный огневой налет реактивного дивизиона «Град» и артиллерийского полка.

В ходе обстрела все обнаруженные огневые точки китайцев были уничтожены.

Противнику нанесли серьезный урон в живой силе и технике. После этого он больше активных боевых действий не вел, ибо почувствовал, что советские воины настроены решительно".

А с каким искренним уважением я относился к редактору нашей дивизионной газеты майору В. Комиссарову! По приказу начальника политуправления КДВО он совершил марш с колонной полевой типографии (на двух автомобилях «ЗИЛ-157») в район боевых действий, развернул технику на берегу реки Уссури. Под обстрелом противника сумел организовать регулярный выпуск газеты, листовок, различной печатной продукции. За личное мужество и профессиональное мастерство редактор газеты удостоился награды – ордена «Красной Звезды».

Просматривая страницы уникального альбома памяти, я часто ловил себя на мысли, что многое мне знакомо. Узнавал на фотоснимках лица офицеров – участников боёв на Даманском, с которыми успел послужить рядом в 70-е годы. Как было не узнать, к примеру, майора Ващенко Михаила Тихоновича – легендарного командира дивизиона реактивных установок залпового огня БМ-21 «Град»? Это благодаря его умелому руководству подчинёнными был нанесён сокрушительный удар по боевым порядкам противника и окончательно поставлена точка в столкновении. Китайцы поняли, что Советская Армия настроена решительно – на победу.

Вообще говоря, с первых дней службы в 135-й МСД я ощущал атмосферу предчувствия войны. Китай объявил СССР врагом номер один. Во всех частях Краснознамённого Дальневосточного военного округа шла усиленная подготовка к отражению новых, возможных провокаций со стороны Китая. На это был нацелен весь процесс боевого обучения, весь уклад жизни. Не все знают о том, что в это время на Дальний восток шла переброска дополнительных войск, вдоль границы с Китаем строились мощные оборонительные сооружения, создавались особые укрепрайоны. Мне запомнился тот факт, что на восток тогда была передислоцирована легендарная Майкопская мотострелковая дивизия и находилась там много лет. Потом воины дивизии мужественно сражались на улицах Грозного...

Однажды за окнами нашей редакции раздался сильный гул и рокот моторов: по центральной бетонке один за другим шли танки странного вида. Оказалось, это танки «ИС» времён Великой Отечественной войны. «ИСами» были усилены подразделения, исходя из соображений, что на них имелись пушки крупного калибра. Эти танки обеспечивали надёжную оборону и могли отразить атаки противника. Кстати, на вооружение тогда поступил только что изобретённый гранатомёт «Пламя» – очень эффективное оружие уничтожения пехоты. Рассчитан он был как раз для отражения атак китайцев, наступающих массово, как саранча.

За все годы армейской службы я нигде не испытывал таких нагрузок, такой муштры, как за пять лет службы в КДВО. По команде «сбор» нас строили у штаба дивизии минимум один-два раза в неделю. Строго проверяли экипировку, документы, наличие всего необходимого в полевых сумках, тревожных чемоданах и вещмешках. И не дай бог, у кого-нибудь из офицеров отсутствовал, скажем, курвиметр. Сразу же следовало взыскание. Командир дивизии генерал-майор В. Струков и начальник штаба полковник Н. Копылов были суровы и непреклонны. Никого из нас не жалели. Такое было время. В воздухе, как говорится, пахло реальной войной...

В штабе дивизии, во всех подчинённых ей воинских частях имелся план эвакуации офицерских семей на случай нападения китайских войск на наши города и селения. С нашими жёнами проводились инструктажи и специальные занятия. Головы офицеров были до того «набиты» всякими нехорошими мыслями и предположениями, что порой нам снились кошмарные сны. Один из них мне очень запомнился (бывают же, согласитесь, такие сны, которые забыть невозможно). Мне погрезилось, что среди ночи я услышал душераздирающие крики

Мемориал на городском кладбище города Дельнереченска воинам 135-ой МСД, павшим весной 1969 года в бою за остров Даманский

ОЛЬХОВИК ЛЕОНИД СЕМЁНОВИЧ.

Лейтенант. Командир танкового взвода 152-го отдельного танкового батальона 135-ой МСД. Защитник острова Даманский.
(рисунки сделаны художником военной студии им. Грекова 24-го марта 1969 года)

ОРЕХОВ
ВЛАДИМИР
ВИКТОРОВИЧ.

Младший сержант.
Пулеметчик 5-й
мотострелковой роты
2-го МСБ 199-го МСП
в/ч 35236 135-ой МСД.

Погиб 15 марта в бою за
остров Даманский.

Захоронен в братской
могиле на территории
посёлка Филино
Приморского края.

Награждён орденом
Ленина и медалью
"Золотая Звезда"
(посмертно).

Герой Советского Союза.

Мемориальная доска в городе Комсомольск-на-Амуре.

"... На моих глазах
геройски погиб
сержант Орехов из 5-й
мотострелковой роты.
Две группы из состава
батальона в ходе атаки
на остров совершили
не совсем удачный
маневр, и китайцы
ударил в стык между
ними. Заметив угрозу
товарищам, Орехов, в
полный рост, уже
раненный в руку, из
пулемета ударил по
ним с тыла.

Его одновременно прошли две автоматные очереди: пули вошли в грудь крест-накрест. Бушлат на его спине в месте выхода пули мгновенно вспузырился. Зрелище — как в замедленной киносъемке. Орехов еще некоторое время строчил из пулемета, а затем медленно стал падать на землю..."

(из воспоминаний начальника политотдела 57-го (Иманского) пограничного отряда подполковника Александра Дмитриевича Константинова)

В апреле 1969 года Москва награждала героев.

За проявленный героизм пятеро военнослужащих получили звание Героя Советского Союза: полковник Д. Леонов (посмертно), старший лейтенант И. Стрельников (посмертно), младший сержант В. Орехов (посмертно), старший лейтенант В. Бубенин, младший сержант Ю. Бабанский. Многие пограничники и военнослужащие Советской Армии награждены государственными наградами: 3 — орденами Ленина, 10 — орденами Красного Знамени, 31 — орденами Красной Звезды, 10 — орденами Славы III степени, 63 — медалями «За отвагу», 31 — медалями «За боевые заслуги», 108 пограничников — медалями «За отличие в охране государственной границы СССР». 13 воинов — пограничников получили первую в стране высшую награду ЦК ВЛКСМ Знак «Воинская доблесть», вручение которого производилось от имени ЦК ВЛКСМ решением Главного политического управления СА и ВМФ, политуправлений видов Вооруженных Сил, погранвойск КГБ СССР и внутренних войск МВД СССР.

и стрельбу в пятиэтажном доме, в котором я жил с женой Татьяной и дочерью Ирой. На крышу дома, будто бы, на парашютах десантировались китайские солдаты и открыли стрельбу на этажах. Что могло случиться дальше с семьями офицеров – не трудно себе представить. Одним словом – УЖАС!

* * *

С безупречно скомплектованными полевой сумкой и «тревожным» чемоданом я уехал из Лесозаводска в Москву, поступив в академию. Новые начальники не находили никаких причин, чтобы сделать мне какое-либо замечание по экипировке. А однокурсники удивились, когда увидели в моём чемодане ещё и «Русско-китайский разговорник», отпечатанный нашей типографией. В нём были представлены самые необходимые фразы и команды. Зачёты по их знанию мы сдавали строгим проверяющим из Хабаровска. Так обстоятельно нас готовили к возможной войне.

Зимой, в суровые морозы (порою до 40 градусов), и летом, в нестерпимую жару, в частях дивизии проводились напряжённые учения. Для редакции газеты в полевых условиях ставилась задача – наладить выпуск газеты с использованием новейшего печатного комплекса «Ромайор» (на базе автомобиля «ЗиЛ-131»). А также требовалось отпечатать ряд листовок, рассказывающих о мужестве участников боёв на Даманском, сделать контр-пропагандистские листовки, разоблачающие маоизм. Задача не простая, требовала тренировок. И мы тренировались. Ставили машину вблизи здания редакции. И помимо обязательного выпуска штатной газеты, бывало до позднего вечера, трудились на полевой типографии, осваивали «секреты» использования нового печатного оборудования. Успехи были гарантированы. Во время учений проверяющие из политуправления КДВО, как правило, оставались довольны нашей работой. С чистой совестью могу заявить: сотрудники нашей редакции и типографии были хорошо подготовлены к действиям в реальных боевых условиях.

Жестокие бои на Даманском нередко с неоправданной гибелью офицеров, сержантов и солдат многому научили всех командиров нашей 135-й мотострелковой дивизии. Главным уроком стало: хочешь мира – готовься к войне.

*Курсант Сталинградского
военно-политического училища
Хусен Андрухаев,
которое он закончил накануне войны*

*Мемориальная доска на стене
педагогического училища в городе Майкопе*

*Редактор газеты 135-ой МСД лейтенант В. Андрусов проводит совещание с офицерами редакции В. Барановым и А. Малининым (на переднем плане). На стене – стенд «Поэт. Журналист. Герой», посвящённый первому журналисту Герою Советского Союза Хусену Андрухаеву.
1973 год*

Высота Андрухаева

О первом журналисте Герое Советского Союза

В годы учёбы (1968–1972) на факультете журналистики ЛВВПУ мне захотелось познать всё о легендарном земляке-адыгейце Хусене Борежевиче Андрухаеве (02.03.1920 – 08.11.1941). Я прямо-таки горел идеей досконально познать его биографию, его творческое наследие как поэта и журналиста. Он ведь уникален тем, что совершил подвиг и по воле судьбы стал первым среди газетчиков и литераторов Героем Советского Союза, к сожалению, посмертно. Моему увлекательно-му поиску способствовало то обстоятельство, что в курсантские каникулы я ездил на малую родину в Кабардино-Балкарию к отцу и матери, конечно же, в соседней республике Адыгее гостил у жены, дочери, тестя и тёщи (такой негуманный в те годы был заведён порядок в училище, что многим женатым курсантам приходилось жить не вместе с жёнами во Львове, а врозь и вдали друг от друга). Каникулы позволяли мне посещать в Майкопе краеведческий музей, собирать постепенно всё новые и новые исторические факты об Андрухаеве, копии фотоснимков, магнитофонные записи. А какие трепетные впечатления оставались в моей душе от экскурсий в родной аул героя – Хакуринохабль, от общения с родственниками и друзьями героя!

Помню, как сильно волновался я, идя на встречу с личным другом Андрухаева Киримизе Хаджимусовичем Жанэ, ветераном Великой Отечественной войны, известным адыгейским писателем, председателем областного комитета по радиовещанию и телевидению. И зря волновался. Принял он меня по-кавказски тепло и радушно. Общались мы целых полдня. От него, как

Памятник и музей героя на его родине в ауле Хакуринохабль

ни от кого другого, мне стали известны самые сокровенные сведения о том, каким необыкновенным человеком был Хусен Андрухаев. Человеком, который не пожалел себя, сознательно отдал свою жизнь ради победы над лютым врагом. Популярно о подвиге друга К. Жанэ рассказал в повести, в сценарии спектакля, в своих многочисленных публикациях и выступлениях по радио и телевидению. Тогда же Киримизе Хаджимусович познакомил меня со своей сотрудницей по радиокомитету Надеждой Резниковой, страстно увлечённой, как и я, творческим поиском об Андрухаеве. Долгие годы я переписывался и поддерживал контакты с этой талантливой журналисткой. Получал от неё любопытные сообщения о радиопередачах, свежих публикациях, посвящённых Хусену Андрухаеву.

Когда в результате поиска я уже обладал богатым материалом, преподаватель журналистики подполковник Б. Д. Сигунов, а вслед за ним и начальник кафедры полковник Т. И. Ужегов предложили мне написать курсовую работу о первом журналисте-герое. Я, разумеется, согласился. Отнёсся к написанию курсовой с полной ответственностью, понимая, как меня заверяли преподаватели, что моя работа может стать образцовым экземпляром на кафедре и экспонатом училищного музея. И это, к счастью, так и случилось.

Окончив училище в 1972 году, я попал служить на Дальний восток, в редакцию газеты 135-й мотострелкой дивизии, которая дислоцировалась в городе Лесозаводске Приморского края. Как известно, тогда, после локальной войны с китайскими провокаторами и агрессорами на острове Даманский, обстановка была накалена. Воспитание патриотизма на примерах героизма было актуальным делом. Вот и пригодилась мне история жизни и подвига Хусена Андрухаева. Рассказывал о ней при каждом подходящем случае, как в своих газетных материалах, так и в беседах с солдатами и сержантами. На стене рабочего кабинета я оформил стенд «Поэт. Журналист. Герой». Сотрудники и гости редакции с интересом рассматривали этот содержательный, в два метра длиною стенд. Подвиг, так сказать, работал...

Почему назвал я рассказ «Высота Андрухаева»? Вложил в него двоякий смысл. Во-первых, высота такая существует вблизи села Дьяково Луганской области Украины. На ней Андрухаев совершил свой героический подвиг. Во-вторых, подразумевал высоту его творческих способностей. Вот строки, написанные Хусеном до войны:

Я новую песню сегодня сложу
О нашей любимой стране –
В неё я вложу и шуршание трав,
И пенье дождей и реки.
И пусть молодеют её услышав,
В ауле моём старики.
Пусть будет она о любви и весне,
О вас, дорогие друзья.
Та главная песня моя.

Из многочисленных бесед с людьми, которым был знаком Хусен, мне стало известно, что он не считал себя зрелым поэтом. Друзья предлагали ему в конце 30-х годов издать сборник стихов. Он же не спешил и часто из скромности говорил им: «Ещё рано, подожду, ещё поработаю...». И только после войны, в 1946-м году, вышел первый сборник стихов поэта-героя под названием «Моя песнь». Потом стихи Андрухаева несколько раз переиздавались, публиковались в газетах и журналах.

*Бюст Героя Советского Союза
Х. Б. Андрухаева в центре
села Дьяково Луганской области
Украины*

Гранитная плита на высоте Андрухаева у села Дьяково

До войны Андрухаев, будучи студентом педучилища, сотрудничал, а потом после училища стал и штатным корреспондентом областной газеты Адыгеи. Я читал его интересные статьи, очерки, зарисовки. Успел он себя попробовать и в качестве переводчика на родной язык стихов великого А. С. Пушкина. Мне говорили, что эти творческие пробы оказались удачными. Не случайно, значит, Андрухаев был в 1936 году делегатом Первого съезда писателей Адыгеи.

Проникновенно писал, мужественно воевал поэт и журналист. Он поистине приравнял перо к штыку. Хорошо осведомлённый в обстановке и предчувствуя нападение на нашу страну фашистской Германии, Хусен Андрухаев вполне осознанно поступил в Сталинградской военно-политическое училище и успел закончить его за одиннадцать дней до начала войны. Так сложилась судьба молодого офицера, что он очень скоро попал на фронт, в 733-й стрелковый полк, который вёл тяжёлые оборонительные бои в донбасской степи. Рота, где он был политруком, стойко удерживала высоту у села Дьяково Луганской области. Здесь Андрухаев совершил свой бессмертный подвиг.

В наградном листе говорится, что 8 ноября 1941 года в районе села Дьяково на вторую стрелковую роту наступало более двухсот гитлеровцев. Три атаки отбил со своей ротой после гибели её командира, приняв командование на себя, младший политрук Андрухаев. Фашисты бросили в бой новые силы. Андрухаев был ранен, но не оставил поля боя, а продолжал сражаться. Противник окружил остатки роты. У бойцов кончились патроны. И тогда Андрухаев взял в руки противотанковые гранаты и, подпустив близко к себе фашистов, подорвал их вместе с собой...

С тех пор высота называется именем Хусена Андрухаева. Здесь установлена памятная гранитная плита, а в селе Дьяково и на родине героя, в ауле Хакуринохабль – памятники. К ним не зарастает народная тропа. Люди помнят и почитают героя, поэта и журналиста, прожившего всего лишь 21 год. Но по-настоящему достойно. Жизнь его была короткой, яркой вспышкой, оставившей след на освобождённой от врага земле.

*Такая парадная форма одежды была у нас в те
1968–1970 годы обучения в училище*

*Виктор Андрусов, курсант 3-го курса
факультета журналистики Львовского
высшего военно-политического ордена
Красной Звезды училища.
1970 год.*

*Никогда не расставался со своим любимым
фотоаппаратом «Зенит-Е»...*

Курьёзы одного дня

Закончились мои летние каникулы, я возвращался в родное военное училище – ЛВВПУ. Пассажирский самолёт ТУ-134 рейсом Минеральные Воды – Львов, в салоне которого я находился, начал постепенно набирать высоту. День выдался погожим, безоблачным. Через иллюминатор чётко просматривались великолепные пейзажи на земле. Вот потянулся горный массив, показалась узнаваемая гора Машук... Тут я не удержался перед соблазном запечатлеть эти красоты. Вытащил из портфеля новенький свой фотоаппарат и защёлкал затвором. Вдруг почувствовал, что кто-то хлопает по моему курсантскому погону. В тот же миг увидел раскрытое у самого моего носа удостоверение сотрудника КГБ.

– Товарищ курсант, нарушаете правила полётов, – сказал, как отрезал, симпатичный дядечка. – Дайте-ка мне ваш фотоаппарат. Получите его в комендатуре Львовского военного гарнизона...

Дальнейший полёт на самолёте проходил для меня в досадных раздумьях и предчувствиях... Мысль сверлила голову: «Что со мной сделают строгие училищные командиры, когда узнают об этом нелепом случае?..» К счастью, именно об этом случае не узнают. Узнают совершенно о другом...

Сидящий рядом авиапассажир обратил внимание на моё подавленное состояние, принялся успокаивать:

– Не отчаивайтесь... Прилетим в Одессу – вот и подкатите к КГБисту. Пустите, так сказать, слезу, уговорите вернуть фотоаппарат.

Что я и сделал. После искреннего обещания не допускать впредь нарушений, оперативный работник сжалился и отдал мне «Зенит-Е».

Через час стоянки в аэропорту Одессы, наш самолёт взял курс на Львов. Настроение моё, естественно, улучшилось. И я весело общался с милым попутчиком.

Во Львове самолет приземлился где-то в середине дня. Перед явкой в училище, как и планировал, поехал по известному мне адресу в Старый город, к двоюродной сестре Нине Ефимовне (она значительно старше меня), чтобы вручить ей и её семье подарки от моих родителей, угостить вином домашнего приготовления. Благое намерение явилось для меня, наперёд скажу, очередным казусом, узнав о котором вы, уважаемые читатели, можете посмеяться надо мной. Не обижусь.

Родственники встретили меня, курсанта-молодца, с великой радостью. После застолья под звон бокалов, наполненных изумительным виноградным вином, я приступил к активному фотографированию дорогих мне людей. При этом действовал по традиционному правилу: «Не жалея фотоплёнки, жалея зрителей». Двоюродная сестра Нина Ефимовна с мужем-подполковником Сергеем Сергеевичем Корнеевым, две их дочери Валентина и Елена как только не изощрялись перед объективом, переодевались в разные одежды и позировали мне.

Процесс съёмок продолжался довольно долго. До тех пор, пока у меня не возник вопрос: почему плёнка не кончается? А не кончалась она потому, что на тот момент её просто не существовало. Это с ужасом понял только тогда, когда в тёмном помещении туалета открыл крышку фотоаппарата – кассета было пуста. Кто изъял плёнку? Вы уж догадались...

Родные люди восприняли случившееся с пониманием и даже с юмором: с кем не бывает?... А я слёзно извинялся и обещал повторить съёмки. Правда, в последующее время ублажил

Виктор АНДРУСОВ. Родом из Кабардино-Балкарии. С кавказским темпераментом брался Виктор за выполнение редакционных заданий, с мудростью старца доводил свои материалы до «красной доски», с трудолюбием горца на радость замполиту и сокурсникам оформлял четыре года Ленинскую комнату факультета.
Поистине щедрый край Кабарда!

Фрагмент из журнала «Атака», ежегодно издаваемого по случаю очередного выпуска лейтенантов из Львовского ВВПУ

За выпуском стенной газеты

Экзамен по стрельбе из пистолета ПМ сдаёт курсант В. Андрусов. Учебный центр ЛВВПУ. 1972 год. Фото Ю.Мандракова

Наш учебный взвод на марше

Любимая газета курсанта В. Андрусова. 1971 год

родных не одним десятком толковых снимков. Однако тех изначальных, считаю, уникальных, постановочных кадров в день моего возвращения во Львов повторить не удалось.

Навестив сестру и её домочадцев, попрощавшись с ними, я сел вечером в трамвай и поехал в училище. В чемодане у меня, кроме всего прочего, находилась пара бутылок того же самого, привезённого из дома, вина – хотелось после каникул угостить однокашников.

Оказался в районе училища, на улице Гвардейской, когда уже стемнело. В голове родилась озорная идея. Чтобы избежать «шмона» (обыска) дежурным по училищу моих вещей, решил воспользоваться темнотой и перелезть через забор. И когда это сделал, как на грех, попался патрульному наряду – офицеру и двоим курсантам. Для них, а не для меня, тёмная ночь оказалась союзницей победы.

– Ну-ка, открывайте свой саквояж! Что там запретного собрались пронести? – Капитан не церемонился со мной. Осветив содержимое чемодана фонариком и обнаружив бутылки с вином, «прихватизировал» их. Сказал при этом с ехидцей:

– Всё с вами ясно. Спиртным балуетесь. Будете наказаны...

Мои попытки отшутиться в данной ситуации, как-либо замаять свои несерьёзные действия оказались напрасными. В итоге я схлопотал строгий выговор от начальника факультета журналистики полковника Орлова Григория Дмитриевича.

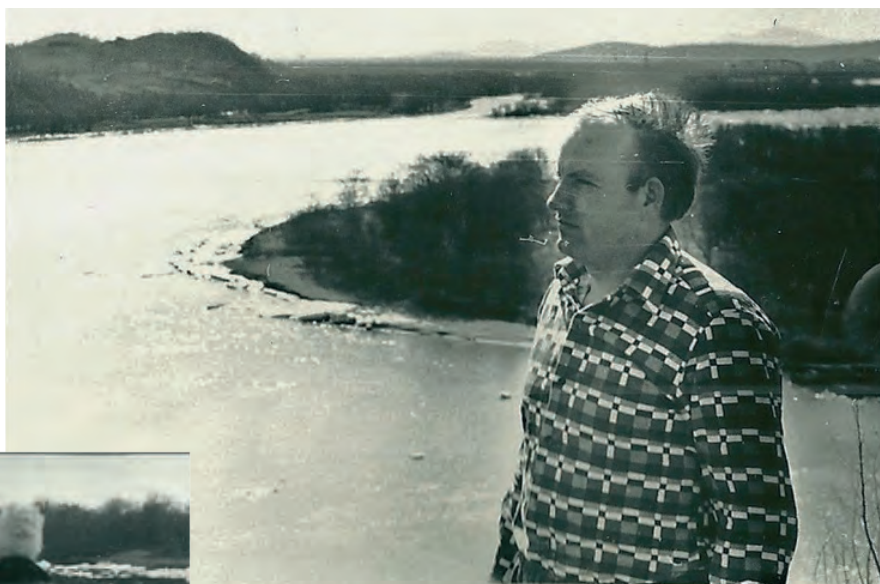
Наказание пережил спокойно, с усмешками. А ребят-однокурсников потом не единожды угощал вкусным, божественным виноградным напитком из погреба отца-фронтовика, мастера-винодела. Научился проносить вино на территорию училища после каждой каникул. И больше не попадался патрулям.

Полковник Т. И. Ужегов, Л. Ф. Борисова среди курсантов-выпускников 1972 года

На снимке (слева направо): сидим в летнем кинотеатре «Комарик» – я, Борис Ганеев, Пётр Игнатов с сыном Денисом, Лидия Баранова, моя жена Таня с Ирой, Татьяна и Алексей Малинины. Лесозаводский военный гарнизон. 1973 год

На высоком берегу стремительной реки Уссури в городе Лесозаводске, где проходила моя лейтенантская служба

Весеннее половодье на Уссури

Мосты на реке Уссури в Лесозаводске

Ланцепупы

То, о чём сейчас расскажу, кому-то покажется неправдоподобным. Всё так и было на самом деле...

Наше мотострелковое соединение располагалось в райцентре Приморского края, в городе Лесозаводске. Посмотрите на карту: здесь протекает могучая, быстротечная река Уссури. На её берегах мы отдыхали в выходные, а в будние дни делали физзарядку...

* * *

На службу в Лесозаводск я был направлен в августе 1972 года после окончания военного училища. В первый же день после прибытия в дивизию мне, «желторотому» лейтенанту было приказано: завтра, в 7.00 утра явиться на берег Уссури в спортивной форме одежды. Приказ, известно, не обсуждается, а выполняется.

Боясь не опоздать, я встал в 6.30 утра и побежал к реке. Там уже собралось около десятка офицеров. Многие буквально стояли на головах. Этому приёму оздоровления, перенятому у йогов, обучал сослуживцев заместитель начальника штаба подполковник Н. Кожухарь.

Пришлось и мне принять позу «ноги вверх». Какие муки я испытал при этом – известно только Богу. Лицо моё налилось кровью, глаза чуть было не выскочили из орбит. А Кожухарь только покривлялся:

– Не сачковать, ноги не опускать !

Вскоре к реке, где мы находились, пожаловал начальник штаба дивизии полковник Т.Копылов. Мы построились и под его руководством начали выполнять физупражнения. В конце зарядки он с ликованием воскликнул:

– Приступить к водным процедурам!

Не предвидя для себя ничего плохого, я стремглав ринулся в студёную воду, нырял и барахтался. В какой-то момент перевёл свой взгляд на берег и обомлел: полковник Копылов кидает в реку мою спортивную одежду...

Хорошо, что я ловко успел выхватить её из воды. Когда выбрался на берег, услышал бранные слова полковника:

– Как вы, лейтенант, смеете нарушать традиции ланцепупов?!... (далее ненормативная лексика).

Оказывается, в реку следовало заходить абсолютно обнажённым, а на мне после зарядки находились плавки.

Прошло около пяти лет, прежде чем я узнал весьма интимные подробности нашего повседневного купания в Уссури голяком. На проводах меня к новому месту службы, на банкете по этому случаю машинистка редакции дивизионной газеты поведала мне ТАКОЕ!..

Нередко со скалы, нависающей над Уссури, за нами, одетыми «в чём мама родила», наблюдали в бинокли любознательные работницы штаба.

От услышанного меня будто долбануло током, и дыбом поднялись редкие волосы на моей лысеющей голове...

*Анатолий Григорьевич Утыльев
только что принявший должность
начальника редакторского отдела
Военно-политической академии.
Сентябрь 1977 года*

Любимый начальник

С июня 1947 года в Военно-политической академии имени В. И. Ленина существовало шесть факультетов, в том числе редакторский, который через двадцать лет, к сожалению, был закрыт. Однако в 1975 году при военно-педагогическом факультете ВПА были организованы редакторское отделение и кафедра журналистики.

Фактически с назначением в 1977 году к нам начальником Анатолия Григорьевича Утыльева окончательно сформировалось и стало полноценным редакторское отделение ВПА, состоящее из трёх курсов по 15–16 офицеров-слушателей. Наш первый курс как раз и позволил образовать структуру редакторского отделения. Анатолий Григорьевич Утылев до этого времени служил и обучал космонавтов в легендарном Звёздном городке, а теперь охотно взялся за подготовку журналистов высшего звена Вооружённых Сил СССР, помогая им получать всестороннее академическое образование. «Утылев – наш папа» – так с любовью называли его все слушатели.

Анатолий Григорьевич понравился нам с первых минут общения. Мы познакомились с ним в подмосковной Кубинке, где в учебном центре академии сдавали вступительные экзамены.

На снимке: офицеры-слушатели редакторского отделения ВПА 1980 года выпуска с начальником – полковником А. Г. Утылевым (в самом центре); в первом ряду (слева направо) – А. Голда, О. Фаличев, А. Кричевцов, Ю. Караулов, А. Ермилов, М. Захарчук, Ю. Отёкин; во втором ряду – А. Дрогнев, А. Гара, М. Земсков, В. Павлов, В. Кашцев.

Фото В. Андрусова

Полковник Анатолий Утыльев выступает на подведении итогов стажировки слушателей выпускного курса в центральных военных изданиях. 1980 год

На снимке: выпускники редакторского отделения 1980 года во главе с полковником А. Г. Утыльевым. Слева направо, первый ряд – А. Дрознев, О. Фаличев, А. Гара, А. Г. Утыльев, А. Андрейцов, Ю. Караулов; второй ряд – В. Павлов, Н. Зубцов, М. Земсков, А. Кричевцов, В. Кащеев, А. Ермилов; третий ряд – В. Андрусов, Ю. Отёкин, М. Захарчук, В. Верховод, А. Голда. Москва. 1980 год

Высокий, симпатичный офицер с доброй улыбкой, мягким, совсем не командным голосом, он сумел найти подход к каждому из нас. Целых три года находились мы под его надёжной опекой. Был в меру взыскателен и строг, но проявлял заботу, если дело касалось, например, бытовых условий наших семей. Таким он нам всем запомнился. И мы глубоко скорбим о том, что в ноябре 2010 года не стало этого замечательного человека, нашего любимого отца-командира. Благодарны Анатолию Григорьевичу ещё и за то, что он организовал памятную фотосъёмку нашего выпускного курса в одном из престижных фотоателье на Арбате. Каждый из нас сохранил чудесный групповой снимок.

По содействию Анатолия Григорьевича Утыльева многие выпускники редакторского отделения, самые достойные из них, заняли высокие руководящие посты в военной прессе. Это можно показать на примере нашего курса. Майор А. Гара поступил в адъюнктуру академии. В центральные органы военной печати в 1980 году были распределены майоры А. Голда, А. Кричевцов, капитаны О. Фаличев, М. Захарчук. На должность старшего референта Управления информации Министерства обороны СССР был назначен капитан М. Земсков, в последующие годы дослужившийся до генерал-майора. Начальниками отделов окружных газет после академии стали капитан 3-го ранга В. Кашеев, капитаны В. Павлов, Ю. Караулов, капитан-лейтенанты Ю. Отёкин, В. Верховод и другие.

Год от года выпускники редакторского отделения успешно шагали по служебной лестнице. Многие завершили свою воинскую службу на высоких, ответственных должностях и продолжают заниматься писательским творчеством сегодня. В их успешном росте, безусловно, заслуга любимого Анатолия Григорьевича.

Каждый из нас по-своему признателен ему. Так, Анатолий Кричевцов – за помощь в получении квартиры: «Всем, кого судьба сводила с этим редким по характеру, манерам, жизненным установкам человеком, он сделал что-то приятное. Представьте себе, когда он узнал, что его бывшему слушателю майору Анатолию Кричевцову дают квартиру в дальнем от места службы углу Москвы, тут же поднял на ноги больших людей из штаба Московского округа ПВО. Протекции он вовсе не делал, а нашёл нужные слова и аргументы, которые убедили начальников, и те изменили своё решение. Чего даже не попытались сделать прямые и непосредственные начальники майора. И вот уже 33 года хозяин вожденной квартиры считает себя обязанным Анатолию Григорьевичу Утыльеву, хотя тот не счёл нужным даже рюмку поднять за счастливого новосёла. Считал, что так и должно быть у нормальных людей».

Флотский журналист Вячеслав Крысов признался в следующем: «Анатолию Григорьевичу – добрая память и Царствие Небесное! Когда учился под его началом, то очень смущался при разговорах с ним, поскольку испытывал чувство вины за своё слишком «гусарское» поведение. А он всё понимал, интеллигентно журил меня, но не мог при этом скрыть своей обворожительной улыбки, хотя «по сценарию» полагалось бы ему в этом месте нахмуриться. А он вот не хмурился. И мне до сих пор стыдно становится за некоторые мои выверты, когда вспоминаю эту его улыбку и по-отцовски прощающую доброту...».

Теплые строки написал Валерий Пинчук: «Об Утыльеве и вспоминать приятно, и говорить легко, ибо это Офицер и Человек с большой буквы. Нашим отделением Анатолий Григорьевич командовал два года, но запомнился навсегда. К каждому он подходил сугубо индивидуально. Если видел, что кто-то нуждается в помощи или поддержке, то делал это по-отцовски мудро. Не сюсюкал, но и не унижал. Давал дельные советы и даже порой устраивал личную жизнь своих подопечных. Не зря все мы звали его за глаза папой. За простоту, интеллигентность и человечность...».

*Анатолий Григорьевич был дружен
со многими знаменитыми людьми,
в том числе и с певицей
Аллой Пугачёвой*

*Анатолий Григорьевич Утлыев
пришёл почтить память космонав-
та Юрия Гагарина, с которым был
дружен многие годы жизни...*

Хорошее мнение о полковнике Утыльеве высказал Александр Ушар: «Что такое армейское везение? Служить под началом такого командира, как Папа. И мне повезло аж на три года академической жизни. Он и впрямь был для нас как отец родной, и я многим ему обязан. В том числе и пониманием того, каким должен быть настоящий офицер в общении с подчиненными».

Какой след в моей душе оставил Анатолий Григорьевич? Добрейший человек. Откровенно говоря, я сочувствовал ему в ситуациях, когда на его месте другой начальник не выдержал бы, начал возмущаться, кричать, махать руками... Нет, он был далеко не таким. Всегда выдержанный, спокойный и, как заметили многие, мог только улыбкой пристыдить тебя. Ну как можно не уважать такого добродушного руководителя?

Признаюсь, что я жалел Анатолия Григорьевича и всячески помогал ему. Видимо, интуиция подсказала ему назначить именно меня начальником штаба курса. Должность на первый взгляд вроде бы престижная, позволяющая возвыситься в коллективе, занять какие-то поблажки у начальства. Этого не случилось. Кроме лишних забот и хлопот, чего-то другого я не приобрёл. Если сказать конкретно, то на мне висела вся курсовая документация. А это, сами понимаете, и ответственно, и трудоёмко. Нередко приходилось оставаться в академии после занятий и корпеть в то время, когда однокурсники находились дома. Кроме этого, оформлял стенную газету и фотовитрину, для которых сам делал снимки. Всё работало на авторитет полковника А. Утыльева. И он ценил мою инициативу, нередко хвалил. Ни о какой корысти я и не помышлял...

Добросовестно помогала Анатолию Григорьевичу и моя жена Татьяна. Она работала машинисткой на заочном факультете академии, находящемся на верхнем этаже педфака. Туда, в машбюро, нередко обращался Утыльев, чтобы отпечатать то или другое... И Татьяна это делала безотказно, причём печатала документы грамотно и чётко, что очень нравилось Анатолию Григорьевичу. Подчёркиваю, ни я, ни жена, не имели от выполненной работы каких-либо выгод. Так были мы воспитаны. Нынешнему поколению это трудно понять.

...В 2010 году перестало биться сердце Анатолия Григорьевича Утыльева. Кто знал его, тот не сможет забыть до конца своих дней. Очень жаль, что нас покидают такие хорошие, обаятельные люди.

Портрет, выполненный по окончании встречи старшим лейтенантом Анатолием Сидоруком, очень удивил и обрадовал нашего знаменитого гостя...

Речь Симонова была тихой, спокойной, но иногда и возбуждённой...

Встреча с Константином Симоновым

К 100-летию (28 ноября 2015 года) выдающегося журналиста, писателя, поэта, драматурга, общественного деятеля XX-го века

Во время моей учёбы на редакторском отделении военно-политической академии (1977–1980 годы) был создан и регулярно действовал пресс-клуб «Военный журналист». У нас в гостях бывали Б. Полевой, Д. Ортенберг, Т. Тэсс, А. Аграновский, Т. Гайдар, Н. Денисов, другие известные писатели и публицисты. Встреча с Константином Михайловичем Симоновым запомнилась особо. Состоялась она 24 ноября 1978 года в самом просторном лекционном зале педагогического факультета, вместившем более 300 человек. Пришли на встречу с Симоновым не только преподаватели и слушатели академии, но и журналисты многих военных газет и журналов, издававшихся в Москве.

Так случилось, что лишь мне одному из присутствующих в зале удалось сделать магнитофонную запись этого уникального заседания пресс-клуба, разумеется, с разрешения Константина Михайловича Симонова. Я не оговорился, именно заседания, поскольку пресс-клуб и был так задуман, что в нём проводились профессиональные дискуссии по совершенно конкретным темам. Константину Михайловичу мы заранее сообщили, что разговор у нас пойдёт на тему «Журналист на фронте», передали ему также ряд вопросов, интересующих офицеров-слушателей редактор-

На снимке: посещение Константином Михайловичем Симоновым редакторского отделения военно-политической академии 24 ноября 1978 года. На переднем плане – преподаватели-полковники Т. Ужегов, В. Ковалёв, офицеры-слушатели Б. Анушкевич, А. Голда, А. Кричевцов, О. Фаличев, П. Гвоздев и другие. Фото Р. Звягельского.

ского отделения ВПА. На этих вопросах в основном Симонов и построил своё полуторачасовое выступление, которое с полным основанием можно назвать творческим завещанием, напутствием нам, рядовым пера.

Встреча с писателем проводилась по следующей программе. Сначала выступил кандидат исторических наук полковник Т. И. Ужегов – старший преподаватель кафедры военной журналистики редакторского отделения академии. Затем слово взяли генерал-майор в отставке И. Я. Фомиченко – редактор газеты «Красная звезда» в годы войны, слушатели редакторского отделения капитан С. Левицкий, старший лейтенант М. Захарчук, капитан А. Якубовский. Наконец, под дружные аплодисменты присутствующих к микрофону подошёл Константин Михайлович.

Мне, сидящему в самом первом ряду, хоть и сосредоточенному на внимании к вращающимся катушкам своего включенного магнитофона «Маяк-202», однако было комфортно наблюдать за жестами и эмоциями оратора. Говорил он не спеша, тихим, уравновешенным голосом. Мы буквально поглощали каждое слово корифея фронтовой журналистики. Иногда, правда, Симонов словно взрывался, сверкал глазами, размахивал руками, например, когда говорил о своем стихотворении «Убей его» – о лютой ненависти к фашистам. В его речи, наряду с очень серьезными мыслями, нашлось место забавным воспоминаниям и шуткам, над которыми люди от души смеялись. Так, размышляя о терминологии и образности выражений, Симонов привёл меткие слова артиллериста: «Какое наше орудие? Известно: ствол длинный – жизнь короткая». Зал, естественно, разразился хохотом.

В ходе выступления Симонов в какой-то момент пристально посмотрел на меня. Этот взгляд словно током пронзил всё моё тело. Откровенно говоря, я сначала оторопел, потом успокоился – Константин Михайлович заговорил о преимуществах тех, кто пользуется магнитофонами и диктофонами. Вот, в частности, что он сказал: «Я знаю эту технику и за серьёзное её использование. Она упрощает работу. Можно за несколько минут, как бы ты не устал, скажем, перед сном продиктовать, так сказать, две-три страницы самого необходимого. Это потребует меньше времени и усилий, чем писать пёрышком».

Имея авторские права на сделанные в пресс-клубе магнитофонные записи, откровенно говоря, я никогда и ни от кого их не утаивал. Так, дубликаты многих звукозаписей наших встреч со знаменитыми людьми я оставил в учебных целях на кафедре журналистики академии. В том числе и магнитофонную ленту в 500 метров с записью встречи с К. М. Симоновым. А когда он умер в 1979 году, отнёс копию звукозаписи и её расшифровку в комиссию по увековечива-

нию памяти писателя. В то же время произвёл перезапись выступления К. Симонова в редакции литературных передач Центрального радио. К моей радости, оно прозвучало по «Маяку» в 1980 году. А вскоре – и по радиостанции «Волга» (располагалась в Группе Советских войск в Германии, где я служил в то время) в специальном выпуске, подготовленном мной к 65-летию со дня рождения писателя. Собирался опубликовать расшифровку звукозаписи и в центральной прессе, однако меня странным образом опередили. Более того...

В одном из номеров газеты «Известия» появилась статья генерал-лейтенанта Ф. С. Степанова «Константин Симонов: война была огромная, всенародная», в которой цитировалось почти полное то самое выступление писателя в академии. Однако, когда я сопоставил публикацию с оригиналом, с расшифровкой звукозаписи речи Симонова, меня охватил ужас: столько обнаружилось искажений, неточностей...

Вскоре ко мне пришло письмо из Москвы от подполковника Михаила Захарчука, корреспондента ТАСС. В нём он, как и я, кипел от возмущения: «...Мне хочется, как следует, «угреть» генерала Степанова». А далее просил меня, чтобы я прислал ему полностью звукозапись речи Симонова, чтобы, так сказать, иметь убедительные доказательства. Просьбу Михаила я выполнил незамедлительно. В результате, разлетевшись по редакциям лентами ТАСС, в печати появилась тогда разоблачительная статья М. Захарчука. Кстати, он недавно снова напомнил о данном инциденте в очерке «Всем смертям назло». Цитирую: «Генерал Степанов, пусть и не до конца внятным путём, пусть и частично обнародовал выступление Симонова в центральной печати. Уж славой мы как-нибудь с ним бы сочлись. Куда хуже, что Степанов со своим соавтором инкогнито допустили много натяжек, отсебятины и просто выдумок».

Поистине, нет пощады и срока давности вины всякого рода врунам и проходимцам от печатного слова.

В контексте этих размышлений о журналистской точности хочется сослаться на сказанное самим Константином Симоновым: «Уж если взялся за изучение прошлого, так восстанови картину с такой точностью, чтобы комар носа не подточил, чтобы тебя не могли упрекнуть в том, что ты же там сам не был, подмётки не топтал. Да, не топтал, а написал так, что те, кто был на войне, скажут: всё правильно. Это очень дорого. Я очень ценю это в наших молодых писателях и журналистах».

Буквально всё выступление К. М. Симонова, имеющееся у меня на 26 страницах бумаги формата А-4, здесь я помещать не буду. Сделаю его отдельным документом в компьютере. Сегодня же напечатаю только наиболее интересные и полезные, особенно для журналистов, выдержки. Вот они:

«Я не очень много встречаюсь с писателями, не занимаюсь литературными делами в той мере, в какой это иногда нужно. Больше всего встреч за прошедшие десятилетия у меня было с людьми, которые прошли войну. И думаю, что войну сейчас я знаю лучше, чем в тот день, когда она закончилась. Может у меня где-то исчезла острота памяти, но ей помогают прошлые, собственные записи».

«Никогда не прячу, между прочим, магнитофона. Считаю безнравственным записывать без разрешения. Вопрос мастерства журналиста, во-первых, в том, чтобы и он, и ты забыли о том, что вот эта машинка стоит где-то сбоку».

«Конечно, стремление на войне взять материал из первых рук – стремление закономерное, честное и необходимое, но это не всегда возможно... Тот, кто читал мои дневники, убедился, что отнюдь не всегда я брал материалы из первых рук. Не удавалось иногда. Бой прошёл, а о нём надо

рассказать. Кто его для тебя будет второй раз разыгрывать?... Значит, расспросить надо. Но не делай вид, пожалуйста, что ты сам видел это своими глазами. Уж как ты расспросил человека, значит, так и Расскажи с его слов... Это очень деликатный вопрос. Вопрос о чести журналиста».

«Ведение дневников или записей... Я сторонник этого. Если мне кажется и сегодня, что я с чем-то столкнулся очень существенным, хотя не имеющим, казалось бы, отношения к тому, чем я сейчас занимаюсь как литератор, я через силу, но записываю именно в этот же день или в крайнем случае на следующий...».

«Насчёт терминологии... Мне кажется, терминология должна быть близка к той, которая существовала в описываемом тобой времени. Если она непонятна, нужно объяснить, так сказать, с другой исторической вышки».

«Теперь о знании корреспондентом военного дела. Я не замечал никогда, чтобы это мешало кому-то (смех в зале – В. Андрусов). Но не могу так же сказать, что самым хорошим военным корреспондентом был наиболее военно-образованный. Не всегда это совпадало. Тут, видимо, нужно пересечение того и другого...».

«Вот есть такой вопрос: считаете ли Вы журналистику самостоятельной наукой? Наукой? Нет я, я. . . Я как-то теряюсь даже (смех в зале – В. Андрусов). Не знаю, как уж ответить. Скажем, история журналистики. Наверное, это отрасль науки, как и история литературы. А считаю ли я журналистику наукой – всё равно, что спросить: считаю ли я литературу наукой? Но литература – это не наука. Это, в общем-то, искусство, но в котором образование очень полезно! (Снова смех в зале – В. Андрусов) Вот с этой точки зрения я, как журналист, за науку».

«Иногда, с какой-то работой (выполнением задания – В. Андрусов) нельзя задерживаться. Помни, думай о людях. Не только о собственных планах, но и о людях».

«Думаю ли я написать о современной армии? Как журналист, вполне возможно. Всё зависит, так сказать, от обстоятельств. Если будет необходимость, желание, чтобы именно я написал о чём-то существенном, посчитаю это для себя за честь. А писать романы, скажем, о современной армии – не могу. Нужно тогда «влезть в армейскую шкуру», пожить в армии, так сказать, изучить то, что нужно изучать не один день и не один месяц. А мне надо ещё успеть управиться с неоконченными планами, связанными с Великой Отечественной войной».

Когда Константин Михайлович закончил свою впечатляющую речь, зал разразился громом аплодисментов, который, наверное, был слышен в посольстве Турции, расположенном на противоположной стороне Садового кольца. Когда ему всё-таки удалось утихомирить овации, он поблагодарил за приглашение в пресс-клуб «Военный журналист», за возможность выступить и услышать мнение о своём творчестве от слушателей и преподавателей редакторского отделения. Обещал встретиться с нами ещё раз. С его лица не успела ещё сойти искрящаяся улыбка, как к нему подошёл начальник кафедры журналистики и вручил в подарок цветы и огромный портрет его самого – Симонова, нарисованный старшим лейтенантом Анатолием Сидоруком. Он известен коллегам не только как толковый журналист, но и как великолепный художник. Сегодня Анатолий работает в крупном московском издательстве.

После заседания пресс-клуба Симонов не выглядел уставшим. Продолжал весело беседовать с офицерами, раздавать им автографы и фотографироваться с ними. Затем посетил наш музей истории военной печати, посмотрел учебные кабинеты. На кафедре ему устроили ужин,

где он выпил рюмку коньяку. На здоровье он не жаловался, держался бодро и молодцевато.

С большими надеждами и творческими замыслами, в хорошем расположении духа Константин Михайлович покинул здание педагогического факультета. Мы тогда не могли предположить, что жить ему оставалось считанные месяцы.

От нас ушёл *талантливейший писатель, поэт, журналист.*

Когда он умер и где похоронен? В дополнение к автобиографии К. М. Симонова журналист-историк Н. В. Уфаркин написал:

«Константин Михайлович Симонов скончался 28 августа 1979 года в городе-герое Москве. Его останки были кремированы и, согласно завещанию, прах был развеян в Белоруссии – на Буйническом поле под городом Могилёвом – на шестом километре дороги из Могилёва в Бобруйск, где в суровые дни 1941 года беспримерную стойкость проявили бойцы 388-го стрелкового полка (172-я стрелковая дивизия, 61-й стрелковый корпус, 13-я армия, Западный фронт) и ополченцы Могилёва, уничтожив только за один день боёв 12 июля 1941 года тридцать девять фашистских танков. 13 июля 1941 года в расположении 388-го стрелкового полка под командованием полковника Кутепова С.Ф. на Буйническом поле оказался военный корреспондент Константин Симонов, который своими глазами увидел, как стояли насмерть советские воины. Это поле и подвиг людей навсегда запечатлелись в памяти писателя.

Там, среди елей и клёнов, лежит валун, на котором факсимиле знакомой, размашистой подписи Константина Симонова. С тыльной стороны камня вмонтирована литая доска с надписью: «Всю жизнь он помнил это поле боя 1941 года и завещал развеять здесь свой прах».

Борис Полевой рассказывал...

Незабываемое

Обладая авторским правом на сделанные мной звукозаписи выступлений, я уже рассказывал о встрече с Константином Симоновым с фрагментами его речи, сообщил, что в Москве, на редакторском отделении военно-политической академии, действовал пресс-клуб «Военный журналист». В гостях у нас в числе знаменитых писателей, фронтовых журналистов, ветеранов Великой Отечественной побывал и содержательно выступил 28 ноября 1977 года Борис Николаевич Полевой.

...Дверь просторного лекционного зала открылась – и на пороге появился он, автор всемирно известной книги «Повесть о настоящем человеке», других талантливых произведений. Мгновенно вскочив с мест, офицеры горячо приветствовали аплодисментами писателя, собрата по перу – военного корреспондента газеты «Правда» в годы Великой Отечественной войны, полковника в отставке. А он, мило улыбался, с характерными для него морщинками у рта, глядел на нас слегка прищуренными глазами и жестом просил всех садиться. Заседание пресс-клуба сразу началось с его выступления. Разумеется, предварительно было получено его разрешение на звукозапись сказанного им.

Находясь в первом ряду зала, я заранее установил на трибуне микрофон, подсоединил к электросети свой четырёхдорожечный магнитофон «Маяк», зарядил его 500-метровой магнитной лентой, чтобы хватило на запись всего выступления. К счастью, хватило...

Вот какими интересными воспоминаниями поделился с нами тогда Борис Полевой (представляю здесь расшифровку звукозаписи речи с самыми незначительными сокращениями, которые обозначил многоточием):

«Товарищи, когда собирался сюда, к вам, я перебрал в памяти свои военные впечатления, согласно объявленной вами довольно обширной и серьёзной теме «Человек на войне глазами советского журналиста». Позвольте мне начать выступление с одного из таких журналистских эпизодов, который послужил для меня хорошей школой и который запомнился на всю жизнь.

Дело было в дни нашего бурного наступления, которое началось после разгрома гитлеровского тайфуна под Москвой <...>. Вот тогда я был на Калининском фронте в качестве корреспондента «Правды». Однажды мы получили политическое донесение из дивизии, действующей в районе Великих Лук. В нём были строки о том, что один из крестьян великолукских Матвей Кузьмин повторил подвиг Ивана Сусанина <...>. Меня это страшно заинтересовало. И хотя были сильные морозы – около минуса сорока градусов (в январе сорок второго года). Такие, что деревья трещали, тем не менее, я попытался попасть туда. Ну, в такой холод связная авиация старается не вылетать. Я поехал на попутной машине, потом с неё пересел на верховую лошадь (всадник я, правда, скверный). Проехал километров пятнадцать, набил волчки, замёрз и решил дальше идти пешком. Вот. Потом меня там подвезли на санях. Короче говоря, к моменту похорон этого старика-патриота Кузьмина, я всё-таки подоспел. Хоронила его воинская часть торжественно. Оказалось, старик, как Сусанин, ценой своей жизни привёл немецкий батальон к нашей засаде. В результате – почти весь он был уничтожен. Остались в живых и взяты в плен, только те фашисты, которые подняли руки вверх <...>. Ну, я написал об этом корреспонденцию. И была целая эпопея с её доставкой из штаба армии на узел связи Генерального штаба, а оттуда – в центральную печать. На следующий день (что считалось среди журналистов особенно шикарным), как раз тогда, когда по сводке Совинформбюро сообщали о героизме старика, «Правда» опубликовала мою корреспонденцию «Подвиг Матвея Кузьмина».

Я очень гордился тем, что мне удалось совершить эту, так сказать, операцию, преодолев довольно большие трудности. И вот, когда потом прилетел в Москву (нас периодически вызывали в редакцию), я думал, ну вот меня тут будут здорово за это дело хвалить. Совсем не так. Ночью, когда в редакции, как говорят, загорелась полоса (отправлена в набор последняя страница газеты), меня пригласил редактор Пётр Николаевич Поспелов <...>.

Вместо похвал я получил от него очень большой упрёк. Он сказал: «Да, вы оперативно сработали. Да, этот интереснейший материал мы от вас вовремя получили. Но, – говорит, – вы же всё-таки писатель. Разве так надо было написать, как вы написали эту корреспонденцию?».

Я ему ответил: «Пётр Николаевич, писал-то я её на узле связи после этой мучительной, двойной дороги». «Ну, это всё остаётся за скобками, – говорит он, – читатель получил то, что получил. А вот тут я вам должен сказать: всё-таки вы сработали не на полную мощь, могли написать это гораздо лучше <...>. Поймите, *вашими глазами народ видит то, что происходит на фронте. И как важно, чтобы эти глаза хорошо видели. Помимо прочего вы ещё, учтите, набрасываете как бы черновик будущей истории Великой Отечественной войны. И как важно, чтобы всё интересное, что может затеряться в этой нечеловечески трудной войне, вы записывали. И вам говорю, и вашим коллегам всегда твержу об этом деле. Это будет неоценимый материал и для вас, как личностей, как литераторов, и для истории – потому что такой войны ещё не было <...>».*

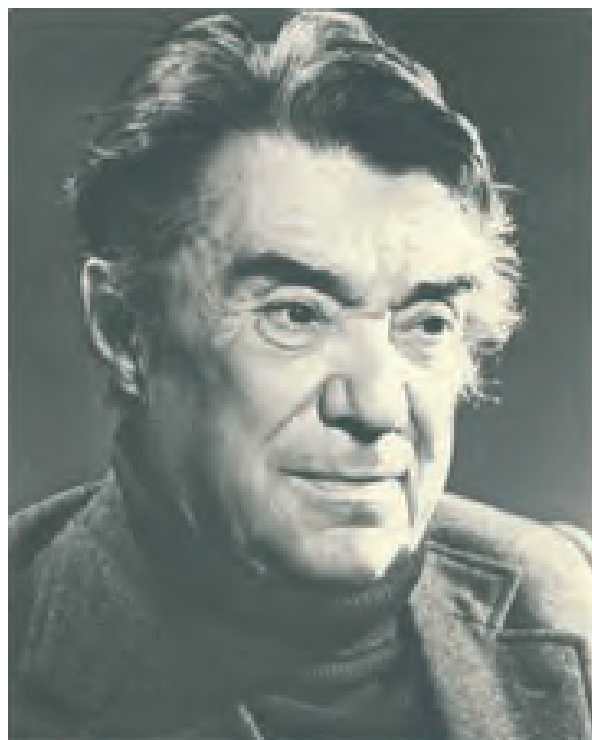
Я воспринял эту критику. И очень благодарен сейчас Петру Николаевичу Поспелову за то, что вот именно так поговорил он со мной по поводу этой корреспонденции. С тех пор я завёл толстую тетрадку и таскал её по всем фронтам, куда бы ни попадал. И записывал, как он и советовал мне, всё самое интересное, что видел на войне <...>.

И вот потом, когда война кончилась, я понял, насколько важным был этот совет Петра Николаевича. Ведь, очень много героев моих будущих книг «вышли» из этой тетради и блокнотов военного корреспондента. Ну, скажем, «Повесть о настоящем человеке» родилась из моих записей во время битвы на Курской дуге. Факты для романа «Золото» мной были записаны на Калининском фронте. Роман «Доктор Вера» я написал на основе фактов, собранных в освобождённом от фашистов городе Калинин. Ну и так далее. В итоге из фронтовых записей у меня вышло четыре книги <...> дневников, которые объединены в двухтомник «Эти четыре года».

После войны мне довелось быть членом редколлегии «Истории Великой Отечественной войны», состоящей из шести томов. Это была, как мы говорили, «маршальская» редколлегия, потому что состояла в основном из полководцев, маршалов, командующих фронтами. Вот, в общении с ними расширялся мой горизонт видения войны, мой кругозор. Однако, это мало сказалось на содержании моего двухтомника дневников, так как я старался сохранить их первозданность, восприятие того далёкого времени, когда гремели пушки. На следующий год двухтомник переиздадут. Здесь действует тот самый «поспеловский» совет: записывать и записывать. Записывать впрок. Записывать для истории. Я видел, как редактировались вот эти шесть томов «Истории Великой Отечественной войны». В них широко использовались отдельные факты, случаи, ситуации, извлечённые из материалов того или другого фронтового корреспондента, напечатанных в газетах «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Комсомольская правда» и так далее.

<...> Хочу сказать, что *вся литература наша вот уже много лет питается, так сказать, тем, что люди видели на войне. Отгремевшие события удаляются, меняется взгляд на войну, люди зорче её рассматривают. Тема войны не угасает. И не угаснет, вероятно, ещё долго, очень долго, именно в силу того, что Великая Отечественная война была великой пробой нашего народа.*

Я был на Нюрнбергском процессе, слышал показания тех, кто эту войну затевал. Из этих показаний выяснилось, что они всё учли. У них была хорошая разведка, очень хорошая разведка.

Они знали и количество наших войск, и наши мобилизационные возможности. И то, что имелось у нас на вооружении <...>. Но они не знали одного: не знали (и в этом признался сам Геринг) характера русского человека. И вот его там, на Нюрнбергском процессе, Роман Руденко, наш главный обвинитель, прищучил, сказав, что вы ведь несёте ответственность перед миром и прежде всего перед народом Германии за то, что, развязав войну против Советского Союза, поставили свою страну на грань катастрофы и предрекли тем самым исход войны <...>.

Войну, первую Отечественную войну с Наполеоном, описал Лев Толстой примерно через 45 лет после её окончания. Вы можете не знать, не увлекаться историей и не изучать всех перипетий войны, но если вы прочтёте роман «Война и мир», то вы будете об этой войне знать всё самое интересное, самое важное <...>. И надо вам прямо сказать: нет ещё среди нас, писателей, Льва Толстого, который бы написал новую «Войну и мир» – вот такое широченное, гигантское полотно. Больше того, я думаю, если всех нас, прозаиков, так сказать, связать в один пучок, то из нас всё равно одного Льва Толстого не получится <...>.

А потом подождём, посмотрим, что будет дальше. Может быть, родится Лев Толстой. Может быть, он где-то в колыбели качается или ходит в детский садик. Но пока чего нет – того нет. А вот коллективно портрет войны во многих книгах описан. И вместе эти книги создают вот такой замечательный образ нашего героического народа в Великой Отечественной войне».

* * *

Далее Борис Полевой прокомментировал подготовленные для нашего Музея военной печати различные исторические материалы, преимущественно отражающие работу в боевых условиях корреспондентов газеты «Правда», где он был спецкором. Передал нам в дар несколько своих книг, газетных публикаций, дюжину фронтовых фотоснимков. Потом ответил на вопросы офицеров-слушателей редакторского отделения академии.

До последней минуты этой встречи с упоением слушали мы Полевого. Многие взяли у него автографы на память. Одет он был просто: в тёмный костюм и такой же свитер, плотно обтягивающий шею. И вёл себя очень скромно, корректно, главное – разговаривал с нами на равных. Таким вот чутким, улыбчивым, доступным в общении и запомнился мне и моим однокурсникам писатель-фронтовик.

Обаятельная Быстрицкая

Наша встреча с выдающейся киноактрисой Элиной Быстрицкой (на снимке В. Андрусова), широко известной по роли Аксиньи в кинофильме «Тихий Дон», состоялась в 1978 году в актовом зале клуба Военно-политической академии. Взойти на высокую сцену, к трибуне она скромно отказалась. Встала близко к сидящим в первом ряду офицерам и начала без мании величия и самовосхваления, увлекательно рассказывать о себе, о сыгранных ролях, творческих планах. Мы с интересом слушали её, горячо рукоплескали.

Мне больше всего запомнились её откровенные воспоминания о том, как она прошла отбор на роль Аксиньи, как напряжённо и долго готовилась к съёмкам фильма. Для того, чтобы по-настоящему вжиться в роль, она около месяца жила в донской станице, перенимала казачьи традиции, привычки, особенности говора, мимики и жестов. Например, училась, как носить воду с помощью коромысла, полоскать бельё в реке и тому подобное.

Более чем часовое общение с Элиной Абрамовной Быстрицкой стало для нас праздником души. В конце встречи её одарили букетами цветов. Принимая их, она искренне благодарила, смущённо улыбалась. Нам не хотелось расставаться с этой энергичной, ещё очень молодой в то время женщиной-актрисой. Офицеры-слушатели академии провожали её из клуба дружными аплодисментами.

Природа одарила Элину Быстрицкую обаянием, красотой и осанкой, которые оказались очень кстати для роли казачки. А какой у неё звонкий голос, какая удаля! Всё это помогло ей сыграть в фильме «Тихий Дон» неподражаемую станичницу, любимую Григорием Мелеховым. Из четырёх постановок кинофильма, первая режиссерская версия с участием Быстрицкой, как считают кинокритики и зрители, наилучшая.

Всем наверняка известно, что Элина Быстрицкая в годы Великой Отечественной войны служила медицинской сестрой. Имеет немало наград. И, не смотря на возраст, продолжает вести активный образ жизни, показывая пример высокой работоспособности. Поражая своей красотой в прежние времена, выглядит она и нынче превосходно. Дай Бог, ей прожить ещё долго-долго, радуя нас, поклонников её таланта.

Фото В. Андрусова

Похождения в Большом театре

Купить билет в какой-либо престижный театр Москвы в семидесятые годы, когда я обучался в военной академии, было сложно, но иногда возможно. Зачастую удавалось приобрести билеты или с наценкой, или с нагрузкой, то есть с навязанными билетами в непопулярные театры.

Однажды по этой причине я с супругой попал в театр мимики и жестов. Думали, что нам покажут весёлые пантомимы. И ужаснулись, когда увидели на сцене артистов, изъясняющихся между собой жестами глухонемых. В зале стояла почти мёртвая тишина, слышались лишь вздохи да кашель. Пришлось дожидаться антракта, чтобы культурно покинуть театр.

Достать билеты в Большой театр было практически невозможно. Я долго ломал голову над вопросом: как попасть туда? И придумал. Узнав о том, что в Большом театре издается своя газета «Советский артист», я отправился в её редакцию. Мой план действий состоял в том, чтобы «выбить» билеты с помощью коллег-журналистов. К счастью, они оказались сговорчивыми. Пожалели меня, капитана, приехавшего в Москву издалека, из мотострелковой дивизии Дальневосточного военного округа. Пожалели и помогли...

На следующий день в назначенное время и в условленном месте (события развивались как в детективе) меня встречает заместитель редактора газеты – приятной внешности, деликатный мужчина (имя не помню). И мы спускаемся (вот мистика!) *под землю (!)*, в просторный подвал здания Большого театра. Здесь нас останавливает *милиционер*. Строго проверяет документы, потом кому-то звонит по телефону. Однако пропускает нас дальше.

Преодолев длинный, полутёмный переход, мы сталкиваемся на выходе с очередным милицейским кордоном. Снова проверка документов, телефонные звонки, согласования...

И вот, наконец-то, мы у цели. Поднявшись вверх по лестнице, оказываемся в богато обставленном мебелью фойе. Вдоль стены в креслах сидят шикарно одетые, холёные посетители

с папками в руках. В помещении витает приторный запах духов. Бросается в глаза позолоченная вывеска на двери: *«Главный кассир Большого театра»*.

...Дождавшись своей очереди, я несмело, с дрожью в коленках вхожу в кабинет. Предо мной рисуется такая картина. На полу, усталом огромном ковре, множество ваз с экзотическими живыми цветами. На стенах уникальные картины в багетных рамах, подсвеченные мягким неоновым светом. В роскошной обстановке замечаю восседающую в «заоблачной выси» величавую, пышногрудую бабицу, увешанную драгоценными украшениями.

– Что вам надо?! – громко спрашивает, выпучив глаза, дама.

Растерявшись, тихонько отвечаю:

– Пожалуйста, вот, – подаю список, состоящий из 15-ти фамилий офицеров, а также их боевых подруг, страстно возжелавших попасть в Большой. Вчера мы долго «рожали и утрясали» сие «слёзное прошение». Однако, оно, вот досада, не сработало.

– Даю вам два билета и отвяжитесь, – категорично заявляет супер-пупер-главкассирша и жестом руки отмахивается от меня, как от назойливого слепня.

После минутного замешательства я расплачиваюсь за билеты, подавленным голосом проговариваю скомканные слова благодарности и поспешно удаляюсь, утирая платком градом катившийся пот со лба.

Прошло уж много лет, а те впечатления, полученные от «выбивания» билетов и непосредственного посещения Большого театра, не стираются в памяти. Мне с женой всё-таки посчастливилось прорваться в Большой, самый Большой театр Советского Союза на оперу, поставленную по классической комедии Н. В. Гоголя «Мёртвые души». С наслаждением смотрели мы представление, восхищались живыми звуками оркестра, исполнительским мастерством и голосами артистов.

Запомнилось и такое. В зале Большого театра, в первых рядах находилось немало зрителей-иностранцев. Их нескончаемые овации, слишком громкие выкрики «Браво!», «Бис!», оглушали и раздражали. И тогда стало ясно, почему нам, отечественным зрителям (советским гражданам в то время) нелегко было попасть в Большой театр. Думаю, что и нынче ситуация не улучшилась.

Ушибленный... форточкой

Место действия: Москва, ул. Большая Пироговская, семейное общежитие офицеров-слушателей Военно-политической академии...

На первом курсе обучения в академии моей семье из трёх человек (я, жена и дочь) была выделена жилплощадь в 9 квадратных метров. И этой коммуналкой – благу по столичным меркам – мы были тогда довольны. Купили складные кресло и диванчик, чтобы хоть как-то увеличить бытовое пространство. Помню, когда однажды приехал к нам гость, мне пришлось спать в антресоли, свесив ноги. В таких, понимаете, не комфортных условиях и случилось это...

В одну из зимних ночей мне, что называется, приспичило... Встав, я тихонечко вышел в общий коридор. Туалет оказался запертым (ужас!), на дверях записка: «Засор!». Поднявшись по лестнице на второй этаж и справив нужду, я с горечью обнаружил закрытую изнутри дверь, ведущую в коридор первого этажа – её запирает ночью дежурный по этажу. Вот это влип! Постучал в дверь – бесполезно... Тогда я вышел на улицу (в лютый мороз, а был я лишь в спортивном

трико, в комнатных тапочках на босу ногу), обогнул по глубокому снегу корпус здания, приблизился к окну своей комнаты.

Упершись ногами в край цоколя и вцепившись руками в навесы оконной рамы, я подтянулся вверх. В приоткрытую (к моему счастью!) форточку сумел дотянуться рукой до шторы, стал теревать её и просить:

– Танечка, милая, открой двери, умоляю...

Замечаю через тюль силуэт жены. Она резко захлопывает форточку. Бьёт, разумеется, по моим рукам. Крича от боли и осыпая бранью непонятливую супругу, я лечу в снежный сугроб...

Немного «отдохнув» и придя в себя, я растёр снегом ушибленные ладони и постучал по оконному стеклу соседней квартиры. Нарисовалось заспанное, удивлённое лицо Коли Горячева.

– Прошу тебя, открой коридорную дверь, пожалуйста, – проскулил я, дрожа от холода.

Горячев кивнул головой и ухмыльнулся, видимо, о чем-то догадался...

Спустя минут пять, жена Таня ласково встретила и обняла меня на пороге. Извинилась и даже пустила слезу. Намазала йодом ссадины на моих ладонях, потом объяснила:

– Я, понимаешь, спросонья подумала, что в окно лезет какой-то пьяный мужик. А когда захлопнула форточку, пощупала в темноте то место постели, где ты должен лежать, и только тогда всё поняла...

Известный многим коллегам-журналистам Николай Горячев – в меру серьёзный, в то же время весёлый старшина редакторского отделения – этим же утром на построении рассказал офицерам о забавном случае. Вот смеху-то было...

*Слушатели редакторского отделения
военно-политической академии
Владимир Павлов и Виктор Андрусов –
участники демонстрации на Красной
площади в Москве. 1978 год*

Базарные страсти

Зимним утром, когда ещё было темно, у ворот центрального рынка Майкопа собралось немало горожан. Они ежились от холода, топали ногами и размахивали руками, чтобы как-то согреться. Основная масса народа пришла сюда спозаранку, чтобы в числе первых попасть в мясной павильон и уйти из него домой не с пустыми сумками.

Когда наконец-то ворота открылись, вежливые и спокойные до этого момента люди как-будто превратились в диких зверей. С шумом выдыхаемого воздуха и с воплями они помчались к мясному павильону, навстречу заветной цели, не оставляя впереди и позади себя хоть какого-нибудь малого промежутка – тело к телу. В этом неудержимом потоке, практически вслепую, носом кому-то в спину, несколько минут бежал и я до тех пор, пока не услышал справа душераздирающий крик. Сердце моё ёкнуло. «Надо помочь», – пронзила голову мысль, – и я, прыжком в сторону, вырвался из людского потока. Подошёл к лежащей на ледяной обочине молодой женщине. Она, прижав колени ног к животу и обхватив голову руками, плакала и стонала...

Разгорячённая толпа скрылась за поворотом. Вокруг никого не осталось. Проговаривая ласковые, успокоительные слова, я попытался было поднять женщину на ноги, однако на каждое моё прикосновение она резко вскрикивала от боли. Тогда подстелив под неё свою куртку, я быстро побежал за помощью к проходной рынка. Выслушав меня, вахтёр сразу же вызвал по телефону «скорую помощь». Приехавшие вскоре медики погрузили придавленную толпой девушку-незнакомку в санитарную машину. Успели расспросить меня обо всём случившемся и записать необходимые данные. Поблагодарили на прощанье.

Я понимал, что идти в павильон за мясом было уже бесполезно.

– Его там уж наверняка не осталось, народ расхватал, – сказал мне сочувствующим тоном пожилой вахтёр, – приходите завтра. Вы – молодец, Бог вас обязательно вознаградит.

Со смешанными чувствами, скорее грустными, нежели приятными, я зашагал домой. Всю дорогу меня сопровождали люди, довольные лица которых мне были знакомы – с ними вместе ведь пришлось долго стоять в одной очереди у ворот рынка. Они несли сумки, наполненные свежим, нелегко добытым мясом. Им сегодня повезло! А кому-то очень сильно не повезло. Особенно той девушке, пострадавшей от массового психоза и людской бестолковости. Нередко вспоминаю и жалею её...

Февраль 1970 года

Понять их, немцев

Воспоминания о пребывании в другой стране забавляют самого рассказчика и тех собеседников, с кем он делится впечатлениями. Опишу некоторые случаи, которые произошли непосредственно на моих глазах во время службы в Группе советских войск в Германии, в Германской Демократической Республике.

После окончания редакторского отделения Военно-политической академии в 1980 году меня вместе с Александром Ермиловым и Николаем Зубцовым направили служить в редакцию газеты Группы советских войск в Германии «Советская армия». К месту назначения – в город Потсдам – мы прибыли в сентябре. До приезда семей нас, трёх капитанов, поселили временно в одну из пустующих квартир. Бытовые условия были просто шикарные. Однако доставали кое-какие проблемы. Скажем, пришлось заботиться о питании, стирке белья и прочем. Естественно, после напряжённого трудового дня, усталые и голодные, мы ходили по магазинам в поисках пищи. Питаться в кафе себе не позволяли, ведь около месяца (до получения подъемных денег) в наших карманах шелестело считанное количество марок. Вот и приходилось «экономить на желудке». В этом нет ничего забав-

ного, – скажет читатель. А юмор в том, что мы, не привыкшие к условиям жизни в незнакомой стране, не умели к тому же общаться по-немецки на бытовом уровне. Кстати, в академии на занятиях по немецкому языку нас учили в основном вести допрос пленного. Поэтому в Германии попадали нередко в смехотворные ситуации.

Конечно, фразу «гэбен зи мир, битте, аин брод», что в переводе значит «дайте мне, пожалуйста, один хлеб», мы усвоили сразу. И с покупкой хлеба трудностей не испытывали. Плохо давался разговор с продавцами других продуктов. Например, захотелось нам купить растительное масло. Пришли в огромный, крытый рынок «Маркхалиа» и стали расхаживать по многочисленным павильонам. Долго мучились, обращаясь к немцам с несуразной фразой «тринкен масло» (по аналогии с «тринкен шнапс»). Они таращили на нас глаза, не понимая, что мы хотим, но при этом вежливо улыбались.

Кто хоть раз бывал в подобных ситуациях, поймёт, как это непросто преодолеть языковой барьер. Выход всё-таки нашёлся. Смахнув капли пота со лба, я взял листок бумаги и нарисовал подсолнух. Увидев рисунок, одна из добродушных немок привела нас в торговый павильон, полки которого были сплошь уставлены бутылками с маслом и с этикетками именно подсолнухов. Обрадованный Коля Зубцов пожал мне руку и сказал:

– Молодец Витя, выручил ты нас своими способностями.

А Саша Ермилов добавил:

– Теперь по магазинам ходим только с тобой...

С первых дней нам более всего бросалась в глаза нарочитая вежливость немецких торговых работников. Приветливо встречая нас с порога, они навязчиво повторяли «Битте, битте, битте...» до тех пор, пока ты не попросишь тот или иной товар и не купишь чего-либо. Помню, как успевший прослужить в Германии значительно больше нас старший лейтенант Миша Болтунов решил повеселить нас в магазине. На «Битте» немки-продавца он шутливо сказал ей вперемешку по-немецки и по-русски такое, что нам поначалу стало смешно, потом, однако, и очень совестно за товарища. Подобное мы себе никогда не позволяли. Обращались к немецким гражданам культурно.

Офицеры-журналисты редакции газеты «Советская армия»: группы советских войск в Германии – Леонид Головнёв, Валерий Стрельцов, Олег Зинченко, Виктор Андрусов, Казимир Барановский, Александр Ермилов, Михаил Никонов, Николай Зубцов, Вячеслав Сарновский, Николай Пицак с командиром и его заместителями дружественного пехотного полка армии ГДР. Потсдам, 1985 год

Еду однажды в трамвае. На остановке входит пожилая фрау. Вскиваю, уступаю ей своё место. Она глядит на меня укоряющим взглядом, машет руками, возмущается. Так оба и простояли всю дорогу. Уже потом сотрудники редакции пояснили мне, мол, немецкие женщины очень болезненно воспринимают всякие намёки на возраст. Поэтому и одеваются очень элегантно, по-молодёжному. Не случайно, значит, о немках у нас говорили: «Сзади – пионерка, а спереди – пенсионерка».

В чём реально довелось убедиться, так это в немецком педантизме. Безукоризненная точность виделась во всём, например, в работе. Однажды в здании редакции затеяла ремонт бригада немецких специалистов. О высоком качестве их труда говорить не приходится. Удивляло больше то, как они чётко соблюдали временной режим. В назначенный час, ни секундой позже, начинали и заканчивали работать. Обеденный перерыв ими соблюдался тоже от минуты до минуты. Причём, как все мы заметили, с ящиком пива... Казалось поистине, что немецкие друзья ходили на работу, как на праздник.

Педантичность немцев на транспорте – особенность их образа жизни. Речь не о безусловном соблюдении расписания движения, а о строгом контроле над пассажирами. Буквально на всех видах транспорта нельзя было проехать, избежав встречи с вездесущими контролёрами. Это были, как правило, люди в возрасте с широкой, красно-синей лентой наискосок через левое плечо – не заметить невозможно. Готовь билеты, тебя сейчас обязательно очень предвзято проверят.

Находился я как-то в редакционной командировке. В дороге разговорился с хорошо владевшим русским языком немецким пассажиром. Разговорился и заговорился до такой степени, что проехал мимо своей станции. Понял это лишь тогда, когда перед моим взором возник седенький старичок с лентой контролёра. Осмотрев билет, он заахал и заохал. Открыл свой портфель и вручил мне квитанцию на штраф. Как же мне, советскому майору, было стыдно! Пришлось раскошелиться, честно говоря, отдал до последнего пфеннига имеющиеся у меня деньги и сошёл с поезда на следующей станции. Помогли добраться до места советские офицеры, разгружавшие из вагона военное оборудование... Эта поездка стала для меня уроком на все годы пребывания в Германии.

О следующем, хорошо запомнившемся случае жена и дочь вспоминают довольно часто. Он коснулся не только одного меня.

Вечером в моей квартире раздался звонок. Я открыл дверь. Увидел прилично одетого мужчину средних лет. Он подал мне толстое, кожаное портмоне и связку ключей, сказал что-то по-немецки. Когда, наконец, я понял визитёра, пригласил его пройти в прихожую. Оказывается, он нашёл на тротуаре документы и ключи советского военнослужащего-прапорщика. Дело, как мне подумалось, серьёзное – надо разыскать хозяина потери. Позвонил по телефону в гарнизонную комендатуру. Объяснил, что и как. Назвал фамилию прапорщика. Вскоре поступил ответ, мол, прапорщик служит в артиллерийской части близ Потсдама, спрашивает, когда можно забрать вещи. Я назначил встречу с ним на следующий день.

Решив эти процедурные вопросы, пригласил немецкого товарища на кухню и предложил ему в знак благодарности за гуманный поступок поужинать вместе со мной. Радужный гость согласился. Так, мы подружились с ним, а после и с его семьёй. Оказалось – надолго. Ходили по воскресным дням друг к другу в гости. Вообще говоря, вступать в близкие отношения с местным населением нам, офицерам, разрешалось лишь на официальном уровне, в ходе коллективных мероприятий. Однако моя семья не злоупотребляла личной дружбой с прекрасными немецкими друзьями.

На следующий день состоялась встреча с прапорщиком. Как же он ликовал и рассыпался в благодарностях, когда брал из моих рук портмоне с дюжиной документов, ключи от вещевого

склада, которым заведовал. Эта потеря дорого бы стоила ему, возможно даже прекращением заграничной командировки, не окажись в Потсдаме порядочного немца.

Между военнослужащими СССР и ГДР были налажены настоящие добрые, дружеские контакты. Коллектив нашей групповой газеты имел тесные шефские связи с личным составом пехотного полка, находящегося вблизи Потсдама, с коллегами печатных изданий армии ГДР. Нередко проводились встречи, экскурсии, творческие форумы, отмечались совместно праздники Дня Победы, Дня печати и другие. Ежегодно на территории парка «Sanssouci» проходил грандиозный праздник немецких журналистов «Pressefest» с конкурсами, аттракционами, концертами и фейерверками. Мы всегда ждали этот праздник и с огромным удовольствием участвовали в нём. Такое забыть невозможно!

В памяти остаются искренность и обаятельность немецких друзей. На многочисленных встречах с ними, будь-то официальное мероприятие или личное общение, рефреном звучали их откровенные слова: «Спасибо вам, советские воины! Вы спасли нас от фашизма...»

Несмотря на различия традиций, уклада жизни, манер поведения, между советскими и немецкими людьми существовали очень тёплые отношения. В те годы были наполнены глубоким смыслом слова: «ГДР и Советский Союз – братья навеки!», «ДРУЖБА – ФРОИНДШАФТ» (заголовок популярной тогда песни). На принципах взаимной помощи мы вместе с демократическими немцами строили справедливое, счастливое социалистическое общество. И это получалось вполне. Вспомнить хотя бы тот факт, что Германская Демократическая Республика входила в десятку самых развитых стран мира. Спокойную жизнь трудящихся ГДР, других стран народной демократии обеспечивали могучие вооружённые силы государств Варшавского Договора и, прежде всего, Советского Союза.

Что было, то было, больём поросло. С огромным сожалением думаю сейчас о том, как после поспешного объединения ГДР и ФРГ, последующего вывода советских войск из Германии, многие места расположения наших армейских гарнизонов – здания, сооружения и коммуникации – пришли в негодность, потеряли прежний шик и красоту. Например, посмотрел в интернете неприглядные картины с заброшенными аэродромами и жилыми домами – и сердце моё заныло.

Не понимаю нынешних немцев. Не похоже это на них, рачительных, с коммерческой смекалкой хозяев. Хочу их понять и не могу.

Хорошо, когда о тебе помнят

Под таким заголовком военный обозреватель газеты «Комсомольская правда» полковник Виктор Баранец опубликовал мои забавные миниатюры в своём «Дневнике Liveinternet@.ru» в среду, 5 октября 2011 года. В преамбуле он написал:

«Виктор Андрусов, его литературный псевдоним Виктор Танин, это офицер, с которым я вместе служил в редакции газеты Группы советских войск в Германии «Советская Армия». Корреспондент майор В. Андрусов отличался умением писать острые фельетоны, которые, как правило, отмечались на «Красной доске» редакции. Подготовленные им юморески, где я назван в эпизодической или главной роли, из того времени, когда я был еще майором (конец 70-х – начало 80-х лет). Место действий – Потсдам и его окрестности.

Согласитесь, всегда интересно, каким запомнили тебя люди, как выглядел, ты, так сказать, со стороны. Да и приятно вновь ощутить время своей офицерской молодости, о котором напомнил мне Виктор Андрусов».

Первоапрельская шутка

Однажды ранним утром, в воскресенье 1-го апреля, дежурный по редакции газеты ГСВГ майор В. Баранец объявил ложную *тревогу*... Кому бы вы думали? Цензору подполковнику Н. Колесникову! Исполнительный офицер, получив команду по телефону, вмиг оделся, как необходимо в таких случаях, в полевую форму (бушлат, ватные брюки, яловые сапоги, портупея, кобура пистолета и прочая амуниция), взял свой тяжеленный «тревожный» чемодан и помчался в редакцию.

Майор В. Баранец похвалил Колесникова за оперативную явку по сигналу «сбор». Затем, улыбаясь, вдруг воскликнул: «С днём смеха, с первым апреля, вас, товарищ подполковник!». Колесникову в тот момент было явно не до смеха. Долго он потом обижался на Баранца. Однако со временем простил ему эту «шутку юмора».

Провожали Великанова, плакали от смеха

В коллективе редакции газеты ГСВГ «Советская Армия» многие уважали и любили майора Виктора Баранца за его искрометное умение сочинять стихи-буриме (кстати, Виктор блистал своим поэтическим дарованием ещё во время моей с ним совместной учёбы на факультете журналистики ЛВВПУ). Вот конкретный пример. Состоялся банкет, посвящённый проводам редактора газеты ГСВГ полковника Н. Т. Великанова к новому месту службы. У каждого сидящего за столом Виктор спросил всего-то два рифмованных слова, а сумел экспромтом сотворить смешное стихотворение (смешное, понятное дело, только для нас, очевидцев).

Пояснение Виктора Баранца:

– Буриме я сочинял обычно на хорошем «разогреве» и с ходу: каждый участник офицерской пирушки давал мне два рифмованных слова, я их записывал, а как только получал две последних рифмы, сразу, без промедления, читал застольную, так сказать, «поэзию». Иногда это удавалось лучше, иногда хуже. Но для того, чтобы развеселить нетрезвую офицерскую компанию, много остроумия и безупречной техники и не надо было – сами понимаете. Судя по качеству этих строк, в моем желудке уже болталось не менее 200–250 граммов водки «Корн». Так что не взыщите...

Буриме по случаю отплытия полковника Великанова с тихого Хафеля на тихий Дон

Мне в этот час признаться вам НЕЛЬЗЯ,
Что Великанов уж под муху, ДРУЗЬЯ,
Что перед ним пуста уже БУТЫЛКА
И то в компот, то в водку тычет ВИЛКА.
Его давно зовёт РОСТОВ-наш-ДОН,
Где в каждом доме РЮМОК ЗВОН.
К казакам уезжает ВЕЛИКАНОВ –
Гроза сачков, зверей и УРКАГАНОВ.
Ему поклон шлёт Северный КАВКАЗ.
Он выпьет литр, но прям, как ВАТЕРПАС !
И на него не действует ПОГОДА,
Как на жену изменчивая МОДА.
Её удел – о внуке милом ГРЁЗЫ,
Его мечта – «СА» на ПАРОВОЗЕ,

Его мечта – плывёт по Дону ЛОДКА,
 А в Доне не вода, а – ВОДКА.
 И с берега кричат: «Микола, БАТЬКО,
 Пускай тебе и Лиде будет СЛАДКО!»
 Коль холодна для этого вам РЕЧКА,
 То в курене залезьте вы на ПЕЧКУ...
 Фантазии долой – мы за столом СИДИМ,
 Мы много пьём и мало мы МОЛЧИМ.
 И каждому на пьяные ГЛАЗА
 Вдруг накатилась трезвая СЛЕЗА.
 И вспомнилась нам праздничная ЕЛКА,
 Которая в Ростове, как в стогу ИГОЛКА.
 Зато у каждого там сабля, финка, НОЖ
 И в «Красном Знамени» редактор там, как ЁЖ !
 Но там отсутствует Кадесников – КУДЕСНИК,
 Который реет здесь, как будто БУРЕВЕСТИК.
 И там, в Майкопе истомилась Андрусова ТАНЯ,
 Которая давно не мылась с Витей в БАНЕ.
 Здесь Великанов отхватил МЕДАЛЬ –
 Укатит с нею он в Донскую ДАЛЬ.
 Ну а другим на крайний случай РИГА,
 Ну, а кому-то может быть и ФИГА.
 Не каждому бальзам на сердце – ВОДКА
 Не каждому нужна жена-МОЛОДКА,
 Нам нынче нравится наваристый КОМПОТ
 И Великанов говорит нам: «ВОТ !»
 Всегда людей ценили мы за ТРУД.
 Его в народе издревле все ЧТУТ.
 Но вы с работой сочетайте СПОРТ
 И знайте лучшей водки СОРТ,
 Но лучше всех, конечно же, «ПШЕНИЧНАЯ»,
 На крайний случай может быть «СТОЛИЧНАЯ».
 И вот тогда удачная ЗАМЕНА
 Вам улыбнётся в жизни НЕИЗМЕННО!

«ВЕРНО»

Майор /подпись – имеется/ В. Баранец
 22 января 1983 года. Potsdam.

Резюме Виктора Андрусова:

«Говорят: если человек талантлив, то талантлив во всём. Это о Вите Баранце. Неслучайно после настоящей боевой закалки в ГСВГ он резво зашагал по карьерной журналистской лестнице вверх, стал пресс-секретарём в аппарате Министра обороны и т. д. Значит, надо уметь смеяться и знать когда, где и с кем...».

Групповой портрет коллектива редакции газеты ГСВГ «Советская Армия» в 1981 году. К нам в редакцию приехал старший инструктор отдела печати ГлавПУра полковник Николай Иванович Румянцев (третий слева в первом ряду). Лет через пять он станет генералом, начальником отдела печати. Второй слева – ответственный редактор газеты полковник Николай Тимофеевич Великанов. Справа от Н. Румянцева – полковник А. Чачух – зам. отв. редактора. Во втором ряду, между Великановым и Румянцевым – улыбчивый майор Виктор Баранец. Автор данного материала Виктор Андрусов – на самом верху снимка. На снимке запечатлены также офицеры-журналисты Н. Гошко, М. Болтунов, Ф. Бойко, Н. Пицак, Н. Зубцов, М. Никонов, С. Трефилов, В. Новиков, В. Недодатко и другие (фото из архива автора)

Ржала вся редакция...

Охота в лесу на диких животных, по существу их убийство, сами понимаете, – дело далеко не смешное. Однако майор Виктор Баранец (сам он никогда не стрелял, был рядовым загонщиком) и здесь проявлял свои юмористические способности. С его появлением в группе загонщиков наш однообразный клич для запугивания четвероногих «Хоп-хоп!» украсился стуками по сковородкам, другим железкам такого ритмического содержания: «Та, та, та-та-та, та-та-та-та, та-та...» Именно Баранец внес такое новшество. А это, разумеется, подзадорило нас, загонщиков. Результаты охоты заметно улучшились. Ведь живность, как ошалелая, бежала от нас, громогласных, к опушке леса, где её с ружьями поджидали охотники.

Как правило, на другой день в просторном фойе редакции вывешивалась фотогазета «Охота – это когда всем охота...» «Под снимками, кстати, сделанными автором этих строк, на первый взгляд обыденными (как грузили на машину туши коз и кабанов, как их разделявали и прочее), имелись меткие, прикольные подписи. Их придумывал незабвенный шутник Витя Баранец. От каждой подобной фотогазеты хохотали все до икоты...

Дополнение Виктора Баранца:

«За пять лет службы в ГСВГ я действительно ни разу не выстрелил на охоте. Но ездить с друзьями на охоту обожал. Нетрудно догадаться почему... Особенно летом. А еще больше лю-

бил быть загонщиком. Потому что в это время можно было собирать грибы. И все же однажды на охоте я взял в руки чужое ружье и стал на номер. Загонщики стали выгонять из леса живность. Одна из ошалевших коз летела из леса между мною и капитаном Сергеем Трефиловым. Чудной красоты лань чуть не вытерла морду о мою мушку. Она была так близко, что я разглядел цвет ее изумительных голубых очей. И на спусковой крючок нажать не посмел. Из-за чего был с ног до головы облит лютым матом нашего отряда охотников».

Детектор лжи

Его изобрёл самый балагурный и заводной журналист редакции газеты ГСВГ «Советская Армия», начальник самого серьёзного отдела партийной жизни майор Виктор Баранец. В его кабинете стоял довольно вместительный деревянный шкаф. Витя заходил в него и закрывал за собой дверь. В это время подчинённый В. Баранца капитан Саша Пинчук под завлекательным предлогом приглашал в кабинет отдела кого-нибудь из сотрудников редакции и задавал каверзные вопросы, стараясь настроить собеседника на откровенные признания о том, что он думает о Баранце.

Многие попадались на эту уловку и подчас говорили о Викторе всякие гадости. В какой-то момент Витя Баранец открывал дверь и выходил из шкафа... Реакция у всех была потрясающей!

Примечание Виктора Баранца:

«Информация неполная. В шкаф я загонял многих офицеров, возжелавших узнать, что на самом деле думают о них сослуживцы. Со временем в моем кабинете никто плохо друг о друге не говорил. Да и не только в кабинете...».

Рыбацкие Забавы

Чтобы отвлечься от повседневных газетных хлопот, отдохнуть вдоволь на природе и позабавиться в выходной (а был он у нас всего лишь один – воскресенье), мы в любое время года ходили удить рыбку на озере Хафель. Оно располагалось вблизи дома и редакции газеты Группы советских войск в Германии, почти в самом центре Потсдама. Добираться до места недалеко и недолго, однако мы вставали рано, чтобы успеть ко времени наиболее активного клёва.

На рыбалке, как говорится, важен не столько результат, сколько сам увеселительный процесс.

На рыбалку... с топором

В это зимнее, предрассветное утро мы отправились на рыбалку вдвоём: я и Дима Повх. Помимо необходимой рыбацкой утвари, а также пузырька водки и закуски (как без них-то на рыбалке?), прихватили с собой здоровенный, увесистый топор. Для чего? А чтобы вырубить во льду озера полынью и ловить в ней рыбу не зимними, а обычными удочками. Идею придумал я. Сам и раздобыл сей огромный топор, сшил для него чехол из брезента. Натолкнуло меня на эту затею то обстоятельство, что, попросту говоря, не умел, как следует пользоваться зимними удочками, хотя они и были в моём рыбацком арсенале.

Дима Повх скептически отнёсся к моей смехотворной задумке. Всю дорогу, пока мы продвигались по узкой тропе к озеру, он посмеивался надо мной:

– Ну и ну, Витёк, скоро поглядим на твоё чудо-изобретение. Немцы животы порвут от хохота, глядя на нас, потешных Иванов...

Время от времени поправляя сползающие с плеч лямки своего тяжеленного рюкзака, я поддерживал весёлый разговор:

– Ты знаешь, Дима, я, южный человек, родом с Кавказа, где снега почти не бывает, плохо хожу на лыжах. Зато имею первый разряд по бегу. Так вот, во время лыжного кросса в военном училище, я взял лыжи на плечи и так быстро помчался вперёд на своих двоих, что в числе первых пришёл к финишу. Помогли смекалка и сноровка. Так и нынче на рыбалке покажем всем, на что мы способны...

Тропинка вскоре привела нас к берегу Хафеля. Уже почти рассвело. Дима сразу же просверлил буром лунку во льду, окунул в неё леску с блесной, рьяно заработал рукой. Я достал топор из рюкзака. Расчехлил его. Методично начал вырубать полынью. Через минут двадцать она была готова. Лёд оказался не очень-то и толстый – примерно сантиметров пять. Забросил в воду прикормку (гулики каши). Соединил звенья бамбуковой удочки, насадил на крючок кусочек говяжьего мяса. Приступил к ловле. Клёв мгновенно обозначился. Напарник Дима успел вытащить из-под льда штук пять небольших рыбёшек, когда я снял с крючка десяток довольно крупных краснопёрок.

– Витя, ну ты – кудесник! – воскликнул Дима Повх. – Пожалуй, и я перейду на твой способ ловли. – Он срезал в роще ивовый побег, оборудовал на нём простую, как у нас говорили, «пионерскую» удочку.

Совместная ловля плотвы, густеры и карасей из полыньи пошла бойко и весело. Горка улова быстро подрастала. Рыбки буквально кишели в проруби, гоняясь за кусочками всплывшей наверх каши...

Выдался солнечный, слегка морозный, бодрящий денёк. На блестящем льду находилось полно любителей рыбной ловли. Да и прогуливающих по мёрзлому озеру ротозеев. На нас, а скорее всего, на наш уникальный способ ловли рыбы, обратили внимание. Первыми к нашей проруби пожаловали парень и девушка. Они громко смеялись, ликовали, что-то говорили по-своему, по-немецки. Подойдя ко мне близко, парень показал рукой на мои (какой позор!) порванные ниже живота спортивные штаны, разошедшиеся по шву так, что из-под них выглядывали трусы...

– Витя, ты даёшь! Показал немцам, на что способны русские Иваны. Рубка льда вышла боком, – хохоча, сказал Дима.

Как же мне было стыдно! Тут же бросил удочку, схватил рюкзак, быстро побежал в кусты. Спрятавшись, зашил прореху в штанах (хорошо, что армия приучила меня иметь всегда при себе нитки и иголки). На этом неловкая ситуация разрешилась. И я возвратился к полыньи, закинул поплавков в воду.

– Гудэн таг! Ах, ах, филе фише! – послышалось позади нас, увлечённых рыбным «жором». Мы оглянулись и увидели сухощавого старика. Поздоровавшись и не отрываясь от азартной ловли,

На моторном катере отправляются к месту рыбалки на озере Хафель (справа налево) В. Бровкин, Д. Повх, В. Андрусов, С. Трефилов, А. Ермилов

я и Дима, разговорились с ним, насколько позволяли наши знания немецкого языка. Оказалось, и немец неплохо владел нашим языком. Это потому, что после Великой Отечественной был военнопленным, находился на принудительных работах в Сибири.

– Эта можно, битте, покупить, – старик указал пальцем на лежащие в рюкзаке рыбные консервы (граждане ГДР очень любили консервы советского производства).

– Каин проблем. Мы вам дарим бесплатно, берите, – ответил Дима и в ту же минуту бросил взгляд на поплавок, который задрожал в воде.

Мы оба были так увлечены рыбной ловлей, что не заметили, как удалился от нас колоритный гость. А когда устроили перерыв, чтобы перекусить (еды всякой у нас было предостаточно), то не досчитались двух банок кильки в томатном соусе. А больше всего нас поразили обнаруженные ДЕСЯТЬ МАРОК ГДР...

– Однако, дорого заплатил нам дедушка за дешёвую кильку, – заметил Дима Повх. – Ясное дело, немцы считают наши советские консервы настоящим лакомством.

Вечером, после возвращения домой мы купили в ближайшем гаштэте трёхлитровый бидон пива «Боукбир» – на деньги щедрого немецкого старичка. Организовали семейный пир – обмыли удачную рыбалку.

Карповые ночи

Банальная, бесхитростная рыбная ловля на немецком озере Хафель была для нас вполне доступным развлекательным мероприятием. Такая рыбалка не требовала каких-то особенных снастей. Нужно было иметь лишь простую, как мы говорили, «пионерскую» удочку, приманку и прикормку. Куда более кропотливой, однако же поистине азартной и романтической являлась ночная ловля зеркальных карпов. Каждый из нас конструировал по образцу, взятому у рыбацких «аксакалов», специальный подпуск, так называемую «резинку». На деревянную рогатку наматывали леску длиной метров 50 и толщиной 0,6 миллиметров. К ней почти подряд привязывали 5–8 крупных крючков. К этой «гирлянде» крепили тягучий резиновый жгут длиной около 10 метров с плоским свинцовым грузилом на конце. Всё, снасть готова. Не забыть бы с ней взять на рыбалку ещё керамический электропредохранитель белого цвета – сигнализатор поклёвки, а ещё обязательно – пачку сухарей «Цвибек», фонарик, подсак и садок.

Поясню, почему мы ловили деликатесных карпов не днём, а исключительно ночью. Потому, что рыбнадзор ГДР за это строго наказывал и штрафовал. Обычно подобные тайные вылазки мы совершали в ночь с субботы на воскресенье. Вечером водитель типографии сажал нас в кузов типографского грузовика и отвозил на лесное озеро. Рано утром приезжал за нами и доставлял с «трофеями» домой.

Теперь расскажу о процессе ловли. Оказавшись ночью на берегу озера, мы (Дима Повх, Серёжа Лаврентьев, Саша Ермилов, Серёжа Трефилов и я) без излишнего шума и суеты забрасывали снасти (их свинцовые грузила) как можно дальше в водную гладь. Подтягивали к берегу леску, складывая её аккуратно кольцами, временно привязывали к опоре в виде рогатки, и на каждый крючок нанизывали шарики из ароматного, размоченного в воде сухаря «Цвибек». Затем отпускали леску – она мгновенно скрывалась в воде (срабатывал натянутый жгут резины). Оставалось подвесить на ближний конец лески сигнализатор поклёвки (керамический электропредохранитель), осветить его фонариком – и старт очередной тайной рыбалке был дан...

Каждый из нас всю ночь сидел у своей снасти с протянутой рукой – в прямом и переносном смысле. Это для того, чтобы при поклёвке успеть натянуть леску. И когда удавалось «заарканить» карпа, – всплеску эмоций не было предела. Тянешь, бывало, с усилием леску к берегу

и тебе кажется, что там, в глубине, ты подцепил огромного кита. Настырный, он водит леску то влево, то вправо, пытается уйти.

Наконец-то добыча почти у берега. Кричишь: «Шнеллер, братцы, принимай великана!» Кто-либо из ребят хватал карпа за жабры и опускал его, бьющегося, в подсак. Какое счастье, что не успел он сорваться с крючка, не ускользнул ...

Таким вот образом, за ночь удавалось наловить до десятка, а то и больше зеркальных карпов. Мой личный рекорд – 14 штук, поставленный, правда, не на лесных, заболоченных озерах, а на чистых, ухоженных водоёмах. Об этом отдельный рассказ.

Невиданный «жор»

Незадолго до открытия ежегодной охоты на уток, нам стало известно, что она по договорённости с немецкими друзьями состоится (представляете – ?!)... на прудах одного из рыбоводческих кооперативов, находящихся на юге ГДР. «Охота охотой, а вдруг удастся и порыбачить, – подумали мы, – надо прихватить с собой снасти – на всякий случай»...

И вот настало утро отъезда. Ехали на автобусе полдня. На месте оказались к обеду. Нас встретило многоголосое утиное кряканье. Выйдя из автобуса, мы увидели огромные, искусственно сооружённые озёра с кишасей, плескающейся в них рыбой. Ловить её запрещалось – такое указание было дано нам немецкими егерями на общем построении коллектива военных охотников. Да разве мы, рискованные, заядлые рыбаки, могли отказать себе в удовольствии?

Поздним вечером, когда уже стемнело, постепенно прекратились перелёты уток, и затихла стрельба, мы втроём (Сергей Трефилов, Александр Ермилов и я) тайком направились к поросшему кустарником берегу рыбного водоёма. Стараясь не шуметь, постоянно оглядываясь по сторонам, раскрутили и закинули в воду свои «резинки» с традиционной пахучей приманкой. И только это сделали, как пошла сумасшедшая поклёвка – «жор», как любят рассказывать бывалые рыбаки.

За короткое время, поймав около тридцати карпов, мы быстро свернули снасти, спрятали их вместе с уловом в рюкзаки и возвратились к месту ночлега. Друзья-сослуживцы встретили нас с ликованием. Каждый понимал, что ему перепадёт доля от нашей ночной добычи. А ведь ребята до конца не осознали того драматизма положения, в котором мы оказались, чуть было не угодив, прямо скажем, в международный скандал. Ведь нам чудом удалось спрятаться от проезжающей мимо нас патрульной немецкой машины. Свет её фар промелькнул по кустам, где мы залегли, притаились. Хорошо помню, как в этот момент я весь дрожал, сердце стучало в висках. Как казалось, и в пятках...

Ночью охотники спали, сидя в креслах автобуса. На заре, с первыми лучами солнца к озёрам рыбоводческого кооператива потянулись стаи уток. Мы выскочили из автобуса и открыли по ним ружейную стрельбу. Второй раунд охоты прошёл не менее успешно, чем первый (вечерний): копилка охотничьей добычи заметно пополнилась. В итоге справедливой делёжки (а провёл её старший нашего редакционного охотничьего коллектива подполковник В. Стрельцов) каждый из нас увозил домой, в свои семьи по паре жирных уток и по два-три (в зависимости от размеров) зеркальных карпа. Мы по-настоящему были довольны поездкой. По устоявшейся традиции всю дорогу в автобусе хором пели любимые песни. Ну, например:

Вот это дело: рыбалка-пикничок,
Кидай, братэло, пожитки в рюкзачок –
И на рыбалку, на речку, к костерку,
На рыбалку...

Или вот эту шуточную:

Я увлекаюсь спортивной рыбалкой,
Ловлю я рыбу в дождь, жару и снег,
И не отвадишь от рыбалки даже палкой –
Люблю рыбалку, как спортсмен, как человек!
Эх, хвост, чешуя...
Не поймал я ни... чего
Ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля, ля, ля, ля...

Наш фаворит Вася Бровкин

Мои воспоминания о рыбалках в период воинской службы в ГСВГ будут неполными, если я не расскажу о нашем всеобщем редакционном любимце – майоре, ныне полковнике в отставке Василии Сергеевиче Бровкине – политработнике инженерно-ремонтного подразделения, находящегося недалеко от Потсдама, в гарнизоне Вердер, на берегу того самого озера Хафель. Мало того, что Василий Бровкин был активным нештатным корреспондентом газеты ГСВГ «Советская армия» (часто выручал материалами на злободневные темы), он к тому же был для нас, сотрудников редакции, прекрасным организатором рыбалок. Мы так с ним, добрым, жизнерадостным человеком, сдружились, что до сих пор, спустя уж более 30 лет, поддерживаем контакт. Только что позвонил ему по мобильнику, уточнил адрес электронной почты. Поговорили о том – о сём... Символически, по закону офицерского и рыбацкого братства обнялись.

Рыбная ловля, как известно, всегда увлекательное, полезное во всех смыслах занятие, которое сплавливает, раскрепощает людей, отвлекает их от грустных мыслей, поднимает настроение. Помню, как задорно мы смеялись, шутили и веселились, когда бывали на рыбалках в Вердере, по существу в гостях у Василия Бровкина. Он создавал для нас шикарные условия ловли. Знал ведь хорошо «клёвые» места, заранее прикармливал рыбу. А главное – доставлял к местам рыбалок на лодке или моторном катере. Разве можно забыть такой комфорт? Тогда, в далёкие 80-е годы,

это было не так уж доступно всем любителям рыбной ловли. Не сгладятся из памяти и после рыболовные развлечения, приготовление и поедание под рюмку, другую... знатной ухи. А какие были душевные, с шутками-прибаутками беседы! С Васей Бровкиным все мы, офицеры редакции, по-настоящему отдыхали и кайфовали...

Обедают после удачной рыбалки (слева направо): подполковник Дмитрий Повх, майор Виктор Андрусов, подполковник Валерий Стрельцов. 1984 год. Город Потсдам

Из многих забавных случаев, произошедших в Вердере, мне особенно запомнился вот такой.

Сидя у края деревянной лодки и пристально глядя на поплавок удочки, я в момент поклёвки резко привстал, чтобы махнуть удилищем.

Лодка качнулась... От испуга я попытался шире расставить ноги. Зацепил за свой складной металлический стульчик, который тут же кувыркнулся за борт и утонул. Какая досада!

Увидев это, Вася Бровкин, не успев проронить и слова, прыгнул в воду и скрылся в глубине озера. Мы все были взбудоражены и очень волновались, дожидаясь, когда же он вынырнет. Наконец-то из-под воды появились его голова и правая рука, высоко держащая стульчик, как победный стяг.

– Вот это молодец! Смельчак! Как удалось тебе его найти? – спросил я, радостный.

– Ничего страшного, – улыбаясь, спокойно ответил Бровкин. – С детства люблю нырять в воду. Здесь глубина примерно три метра, это не так уж много...

Хочу заметить, что данный удобный и прочный складной стульчик, возвращённый мне со дна озера Хафель, до сих пор цел. Продолжаю им пользоваться. И каждый раз, беря его в руки, мысленно говорю:

Спасибо тебе, дорогой Василий Сергеевич, храбрый и добродушный человек!

Король танцплощадки

Давно, можно сказать, «с пелёнок» помешан я на танцах. Будучи мальчишкой, с любопытством наблюдал за взрослыми, которые с песнями и плясками отмечали праздники, свадьбы, прочие торжества. Глядя на танцующих, на их лихие движения в танцах, подражал им. Реально моё увлечение проявилось на летней танцевальной площадке техникума, куда пришёл в 15 лет. Там познакомился и впервые стал встречаться с девушкой. Вскоре сложилась дружеская компания. Вместе мы ходили на танцы...

Советские и немецкие военные журналисты с супругами во время праздничного банкета и конкурса танцев в День печати.

Потсдамский гарнизонный Дом офицеров. 5 мая 1984 года

В начале 60-х лет, как известно, в моду вошёл танец «чарльстон». Чтобы блестяще выглядеть на танцплощадке, мы усердно отрабатывали ногами движения, похожие на топтание окурков. Тренировались даже во время переходов из одной аудитории в другую. Вспоминается картина, как гурьба идущих вприпрыжку парней на каждом шагу выделяет ногами невероятные выкрутасы. Зато на танцплощадке нас считали лучшими исполнителями чарльстона.

Разумеется, наряду с чарльстоном на нашей танцплощадке часто звучали вальсы, танго, фокстроты. Их воспроизводили с пластинок через усилитель и огромный ящик-динамик. Но иногда, когда усилитель ломался (например, перегорала радиолампа), мы танцевали под баян. Брал его в руки и я в числе студентов, владеющих баяном. Играл по очереди с Толиком Федотовым, Володей Брагинцом и другими. Таким образом, танцы по выходным дням никогда не прекращались до позднего вечера. Можно с уверенностью сказать, что вместе с дипломом выпускники нашего техникума приобретали хорошие навыки в танцах, а также манеры культурного поведения.

Мне всегда, сколько живу на свете, нравится танцевать. Без преувеличения скажу, что танцы – своего рода оздоровительная процедура, позволяющая излечить многие физические недуги, снять психологическое напряжение и в целом поднять жизненный тонус. Чаще всего такая возможность появлялась у меня лично во время поездок в санатории. Вот где по-настоящему выкладывался я на танцах в своё удовольствие. Становился в центр круга танцующих и задавал ритм, зажигал всех. Были, конечно, другие асы-танцоры, которые моложе и подвижнее. Нас, заметно выделяющихся среди отдыхающих санатория, называли королями танцплощадки.

Могу гордиться тем, что два раза в жизни стал победителем и призёром конкурсов парных танцев. Они состоялись в Потсдамском гарнизонном Доме офицеров (в то время я служил в редакции газеты Группы советских войск в Германии). Непременным условием конкурсов было смешанное формирование пар – русских мужчин с немецкими женщинами. Всем нам предстояло показать своё умение исполнять не только классические, но и национальные танцы.

На первом конкурсе танцев, в котором я участвовал в паре с фрау Элизабет – женой немецкого полковника, победа досталась нелегко. Все танцевальные пары показали относительно равные результаты и высокий класс хореографического мастерства. Для жюри было сложно определиться. Однако предпочтение было отдано мне и Элизабет за необычную импровизацию цыганочки. Нам вручили призы – коробки с шампанским и деликатесами – под неистовые аплодисменты советских и немецких товарищей.

Во втором танцевальном конкурсе, состоявшемся ровно через год, на банкете в День печати, мне довелось участвовать в паре с Лаурой – дочерью офицера-журналиста армии ГДР. Девушка оказалась большой любительницей танцев. К тому же она довольно хорошо говорила по-русски, что оказалось важным для согласования действий. Мы изящно исполнили танго и вальс, лихо сплясали два современных ритмичных танца. И вот оркестр заиграл пятый, финальный танец – им неожиданно для всех оказалась лезгинка. Услышав её, большинство танцевальных пар не осмелилось даже появиться на танцплощадке. Исполнять лезгинку они явно не умели. Не знала этого танца и моя напарница. Мне пришлось срочно ей подсказывать:

– Лаура, вы видели, как медленно и грациозно плавают в озере лебеди? – спросил я.

– Да, видела, – тихо ответила растерявшаяся девушка.

– Вот так сейчас вы и должны двигаться в танце. Только правую руку вытяните, а левую согните в локте, – посоветовал я. Потом показал, как надо плавно кружиться. – Ничего сложного, подбодрил я Лауру, – и мы тут же начали танцевать.

Вытянувшись в струнку, заломив руки, как делают в танце джигиты, я пустился гарцевать во круг моей прекрасной напарницы. Попытался даже изобразить ногами кавказскую стойку на пальцах. Но тут же рухнул, как подкошенный. Раздался громкий смех присутствующих. Быстро вскочив, я снова

заскакал и запрыгал, то удаляясь, то приближаясь к Лауре. Вот оказавшись вдали от неё, в конце ковровой дорожки, я артистично изобразил руками пантомиму – будто я подтягиваю к себе Лауру с помощью верёвки. Зал снова разразился смехом и аплодисментами. Послышалось: «Браво!», «Бис!». Оркестр умолк, люди притихли. Председатель жюри объявил нас победителями конкурса и вручил призы. Лауре – огромного плюшевого олимпийского мишку. А мне живой приз – красивую серую кошечку с белым пятнышком на лбу. Этому призу несказанно была рада моя дочь Ира, назвавшая кошечку Звёздочкой.

Такие вот остались в памяти приятные воспоминания, связанные с моим увлечением танцами.

По пути с Кобзоном

Июнь 1982 года. Закончился мой офицерский отпуск. Возвращаюсь на службу в Группу советских войск в Германии. Приезжаю на Белорусский вокзал столицы. До отправления скорого поезда Москва – Вюнсдорф остаётся около десяти минут. Торопливо иду по перрону, смахивая струйки пота с лица, тащу тяжёлые чемоданы в руках. Вот и мой купейный вагон. У входа, кроме проводницы, меня подчёркнуто вежливо встречает холёный, высокорослый парень. Улыбаясь, здоровается и спрашивает:

– Не могли бы вы поменяться местами в вагоне с... Иосифом Кобзоном?

– С Кобзоном? Да неужели?

Вдруг замечаю выходящего из тамбура вагона его самого – Иосифа Кобзона. Просто шалею, не веря своим глазам. Радостный, обмениваюсь с артистом рукопожатием, обнимаю его и говорю:

– Конечно, я согласен, Иосиф...

Проводница, улыбаясь, одобрительно кивает головой. В этот момент чувствую себя прямо-таки героем.

Радужные мысли, однако, у меня тут же исчезают, когда захожу в предоставленное мне по обмену купе и вижу... симпатичную молодую женщину, качающую на руках плачущего ребёнка. Вот это я влип!

Рассказывать о том, что пришлось испытать мне за полтора суток поездки, думаю, не стоит. Все уж представили себе, что и как... Уверяю вас, я вёл себя прилично, смирившись с возникшей ситуацией. Никаких упрёков по этому поводу никому не высказывал. Тем более моей попутнице – обаятельной, заботливой мамочке – супруге офицера-ракетчика, как выяснилось в разговоре с ней. На протяжении всего длинного пути помогал ей ухаживать за ребёнком. Весёлыми историями, шутками старался поддерживать у неё хорошее настроение. А утром третьего дня на станции Вюнсдорф мы тепло распрощались.

Откровенно говоря, сначала мне показался странным поступок Иосифа Давыдовича Кобзона, которого, безусловно, уважаю и люблю. Однако, как пояснила проводница, артист просил поменять место в вагоне для одного из музыкантов концертной группы, чтобы ехать с ним вместе. Понять его можно. Не для себя лично ведь хлопотал...

Р. С. С громким успехом в тот год прошли гастроли в ГСВГ и в Германской демократической республике концертной группы, возглавляемой народным артистом Советского Союза Иосифом Кобзоном. Выступление, на котором присутствовал и я, состоялось в нашем Доме офицеров Потсдамского гарнизона. Вообще говоря, за пять лет воинской службы в Группе советских войск в Германии, мне и моей семье посчастливилось побывать на концертах многих знаменитых звёзд советской эстрады. Это очень приятные воспоминания.

В связи с этим не могу забыть также и один досадный случай.

На концерт уже довольно известной в те годы певицы Людмилы Сенчиной я пришёл вместе с женой без опоздания. Просторный зал Потсдамского Дома офицеров был переполнен зрителями. За несколько минут до начала концерта, как водится, все дружно захлопали в ладоши. Хлопаем-хлопаем так вот минут двадцать, а концерт не открывается. Послышались возмущённые возгласы. Вдруг раздаётся громкий смех, беспорядочные аплодисменты и свист. В это время по центральному проходу между рядами быстрыми шагами идёт женщина-блондинка, в которой все узнают Сенчину, с большими сумками в руках. Она поднимается на сцену, бросает эти тяжёлые сумки, поправляет распущенные волосы, вытирает платком пот с лица. Концерт, наконец-то, начинается. И проходит далее под перешёптывания зрителей.

Седой, рыжий, лысый

Перед моим отъездом в отпуск из-за границы на родину начальник отдела писем редакции газеты подполковник Николай Павлович Пицак попросил меня привезти красителей для волос – хны и басмы.

– Понимаете, Виктор Алексеевич, – пояснил он, – здесь, у немцев, красителей в продаже полно, однако трудно разобраться, как ими пользоваться. Супруга просит приобрести отечественного производства...

Находясь в Майкопе, я начал рыскать по всем магазинам в поисках заказанных красителей. Не удивительно, что они оказались в дефиците. Однако же мне удалось их найти в далёком от центра загородном ларьке. Обрадованный, я не стал долго церемониться, тут же купил по пять пачек как хны, так и басмы. На душе сразу отлегло – задание начальника выполнил.

Вместе с жёнами на экскурсии в Берлине Николай Павлович Пицак (слева) и я. 1984 год

Отпуск пролетел незаметно. И вот я снова в Потсдаме, в родной редакции. О, как возрадовался Николай Павлович, когда получил из моих рук попку!

Утром следующего дня, проходя по длинному коридору редакционного здания, я услышал доносящийся из кабинета отдела партийной жизни голос майора Виктора Баранца. Он громко распевал: «Был он рыжий, как из рыжиков рагу, рыжий, словно апельсины на снегу...». Я с любопытством заглянул в отдел. Ухмыляющийся Витя Баранец поздоровался со мной и, хитро прищурившись, спросил:

– Ты ещё не был в своем отделе?

– Нет. А почему тебя это интересует?

– Скоро поймёшь. Привет твоему шефу-чудиле...

Торопливо поднявшись по лестнице на 3-й этаж, я вошёл в кабинет своего начальника... и ошалел! За рабочим столом сидел не седой слегка, каким привык я видеть его, а огненно-рыжий Николай Павлович. Нервно размахивая трясущимися руками, он с досадой сказал:

– Беда, Виктор Алексеевич, выгляжу я позорно... Конечно, не по своей вине вы привезли мне старые, просроченные красители для волос. А я, простофиля доверчивый, рискнул применить их. Результат – хоть плачь. Извинившись, я удалился в свой кабинет, погрузился в работу. Хотелось забыть о случившемся. А в голову лезли всякие мысли: «Значит, хна и басма были нужны не супруге Пицака, а самому...»

После обеденного перерыва Николай Павлович появился в редакции с опозданием и ошарашил многих сотрудников ещё в большей степени. Вздрыбленные волосы на его голове стали разноцветными, как у клоуна: белесые и рыжие пряди чередовались с зелёными и даже кое-где... с чёрными. Видать, в обеденный перерыв опять с красителями возился, а лучшего результата не добился.

Однако мой «разноцветный» начальник сумел-таки найти выход: подстригся наголо, под Григория Котовского. Правда, это ещё больше раззадорило тех, кто любил у нас пошутить, разыграть кого-либо. Витя Баранец – в первую очередь.

Прикалывались к Павловичу до тех пор, пока у него не отросли волосы. Как и прежде, слегка седые.

Розовые поросята

Именно такие. Новорожденные, они ведь ещё не успели, как следует обрасти щетинкой, и при электрическом освещении в помещении свинарника их нежные тельца, особенно полупрозрачные ушки, были нежно-розового цвета. Поросята, коих я насчитал восемь штук, с чавканьем и азартом сосали идеально белую, лежащую на соломе свиноматку.

– Рекордное потомство! – восхитился я, обращаясь к командиру инженерно-сапёрного батальона подполковнику Михаилу Самойленко. Он кивнул головой:

– Да, вы правы, многие свиноматки в этом году порадовали нас богатым приплодом. Способствовали, думаю, хорошие условия

содержания. Не зря, значит, потратили деньги, силы и время на всё это, – офицер сделал горизонтальный жест рукой.

Удивить меня, корреспондента газеты, было чем. Вокруг царили чистота и порядок. Животные были обеспечены всем необходимым. Такой вот образцовый свиновод, помнится мне, я видел разве что на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства СССР. Неслучайно этот сапёрный батальон занял первое место в Группе советских войск в Германии по выполнению продовольственной программы партии. Шёл 1982 год...

Читатели вправе спросить: о чем идёт речь, разве командир боевого воинского подразделения в те годы обязан был заниматься ещё и свиноводством? Отвечаю: а вот и был обязан. В советское время, ради экономии средств на оборону, каждая воинская часть имела, так называемое, прикухонное хозяйство. Продукция его, наряду с предусмотренным продпайком, попадала на солдатские столы – особенно по праздникам.

После продолжительной, интересной экскурсии по внутренним помещениям свиноводника, в которых, не смотря на чистоту и гигиену, было всё-таки душно и пахло далеко не экзотическими ароматами, мы вышли на свежий воздух. И тут я заметил странную картину: в глубокой канаве по уши в грязи барахталась пара свиней.

Возмущённый увиденным, я спросил:

– Как же так, товарищ подполковник, почему так бессердечны к этим..?

Комбат Самойленко, артистично переминаясь с ноги на ногу, стремясь явно выставить на показ начищенные до блеска хромовые сапоги, рассмеялся:

– Так ведь в данный момент наши доблестные хряки принимают лечебную грязевую процедуру! Понимаете, для чего? А чтобы быть в мужской силе. Уметь воспроизводить потомство. Выводить в свет тех самых розовых поросят, так полюбившихся вам...

Грушевое искушение

Воскресным утром, наспех позавтракав, сели мы с Володей Петровым на велосипеды и поехали в лес. Прибыв к заветному грибному месту, прикрепили велосипеды тросовыми замками к стволам деревьев и пошли гулять...

К полудню наши корзины наполнились грибами, и мы решили перекусить. Вышли к велосипедам... И ужаснулись: сумки с продуктами и... с чекушкой водки куда-то исчезли. Ну и ну...

Я негодовал, а Володя Петров, весело отшутился, сказав:

– Голод – не тётка. Давай пожрём сыроежек, пожуём маслят с песочком – и всё будет в ажуре», – он так громко рассмеялся, что эхо растревожило лесных обитателей.

Мне, да и Володе, хоть он и старался не подавать вида, на самом деле было грустно. Без водки обойтись-то

*Наша весёлая вечеринка в Потсдаме.
Володя Петров справа. Фото В. Андрусова*

было можно, а вот без закуси... Животы наши урчали. Сырые грибы в горло не лезли. И мы стали осматривать «среду обитания». Мой цепкий взгляд вскоре «сканировал» одинокое дерево дикой груши. Его заметил и Володя. Оба соблазнились и накинулись на ещё зелёные, твёрдые, как камень, плоды.

Утолив таким образом голод, мы поехали на велосипедах домой, к любимым жёнам, к вкуснейшим борщам, котлетам и пирогам. Признаться, наше употребление незрелых груш очень плохо сказалось на пищеварении – закрепило так, что мало помогало слабительное...

Об этой злополучной поездке в лес, грушевом соблазне, мы не раз вспоминали во время застолий нашего спянного и споенного, спетого и спитого коллектива редакции и типографии газеты. Смеху было...

Целитель поневоле

В редакционном коллективе газеты ПрибВО «За Родину», как и подобает, повседневно царила напряжённая творческая атмосфера. Однако сотрудники позволяли себе иногда расслабиться, передохнуть, повеселиться, а то и разыграть кого-либо. Никто не осмеливался подшутить лишь над одним человеком – ответственным редактором полковником В. В. Беляковым. На его опечаленном, а подчас угрюмом лице редко кто замечал улыбку. Рассмешить шефа попытался однажды художник-фоторетушёр Аркадий Юшечкин. Наперёд скажу, что его затея не удалась, более того – провалилась с печальным исходом для самого Юшечкина...

– Майор Андрусов, срочно ко мне, – раздался в телефонной трубке голос полковника В. Белякова. Через мгновение я стоял на пороге кабинета редактора.

– Приказываю вам, как нештатному коменданту, немедленно разобраться, что за подозрительная личность с рожей рецидивиста шастает по коридорам нашего здания, – голос шефа дрожал, видно было, что он очень расстроен.

Обежав в считанные минуты этажи здания, заглядывая в каждое помещение, в итоге не обнаружив никого из посторонних, я прибыл снова к редактору. Войдя, увидел беседующих полковников Белякова и его заместителя Перемота.

– Спасибо. Ваша помощь не требуется, – сказал Беляков, – вы свободны...

Вскоре мне стало известно о том, что Аркадий Юшечкин, взяв у друга резиновую маску и облачившись в неё, напугал своим странным видом редактора, подкараулив его в коридоре. Юшечкина разоблачил смекалистый Перемот, сорвав с него эту злополучную маску. Розыгрыш над шефом завершился тем, что Юшечкину был объявлен строгий выговор и он был лишён премиальной части полочки за текущий месяц. Как говорится, шути-шути, да знай меру...

Весёлая жизнь в нашем коллективе, не смотря ни на что, продолжалась. Подхваченный общей волной розыгрышей и приколов, развлекать товарищей принялся и я. Помог случай.

У окна моего рабочего кабинета стоял огромный ящик с фикусом. Каждый раз, проходя мимо него, я замечал качание листьев. Это происходило потому, что под основанием фикуса вибрировали старые доски пола. Подумав, я решил сделать аттракцион. Репетицию провёл с Аркадием Юшечкиным. Встал рядом с фикусом, поднёс к нему ладони и сказал:

– Наблюдай! Сейчас направлю свою энергию на листья и буду на них воздействовать... – После этих слов медленно, чтобы не было заметно, стал переступать с ноги на ногу. Листья фикуса закачались. Это очень восхитило Аркадия:

На снимке: сотрудники секретариата газеты: выпускающая номера Тамара Мороз, ответственный секретарь Владимир Шаблинский, литсекретарь Виктор Андрусов. Рига. ПриБВО. 1987 год

– Да ты настоящий экстрасенс! – воскликнул он. – Цены тебе нет, – от нахлынувших чувств он даже обнял меня.

Молва об уникальных способностях майора Андрусова облетела коллектив, дошла до руководителей редакции. Они нередко приглашали высокопоставленных гостей, включая приехавших из Москвы, пообщаться со мной, посмотреть, как я «колдую» на фикусе. При этом мне приходилось притворяться, разыгрывать человека, не понимающего истоков столь необычных качеств.

Храня в глубокой тайне секрет своих «экстрасенсорных способностей», я продолжал день за днём всё более удивлять сотрудников редакции и типографии. Вспомнив психологический приём, которым со мной однажды поделился Коля Панюков (сокурсник по учёбе в военном училище), применил его теперь на практике. Суть приёма в том, что необходимо во время разговора с собеседником смотреть ему не в глаза, а немного в сторону, например, на мочку его уха. Воздействие на психику человека поразительное! Вскоре, узнав о целительнице Джуне, использующей бесконтактный массаж, я попробовал таким же образом снимать у людей головную боль. Первой за помощью ко мне обратилась выпускающая газетного номера Тамара Мороз. Усадив её на стул, я попросил женщину посмотреть мне в глаза (можете себе представить, что при этом почувствовала Тамара, заметив мой пронзительно-проницательный взгляд). Потом методично начал размахивать руками вокруг её головы. После пятиминутной моей процедуры Тамара заявила, что головная боль у неё прошла, тепло поблагодарила меня и пошла работать дальше...

В последующие дни мне довелось снять головную боль у машинистки Татьяны Мязиной, художника Игоря Паукшты, корректора Татьяны Веривской и других сотрудниц и сотрудников. Я с удовольствием лечил от головной боли всех, кто ко мне обращался.

Основу столь значительного исцеляющего эффекта хорошо понимал тогда, свыше двадцати лет назад, и понимаю нынче – помогала и работала сила моего внушения и сила самовнушения всех незадачливых пациентов. И если удалось хоть чем-то помочь страдающим людям, то мне, считая, не должно быть стыдно за приёмы, которые использовал во благо...

Лесная отшельница

Около полуночи в моей квартире зазвонил телефон. В трубке раздался голос ответственного редактора газеты полковника Кириллова Анатолия Ивановича:

– Виктор Алексеевич, к вашему дому сейчас подъедет УАЗик. Вас отвезут в район штабных учений. Срочно в номер подготовите материал о женщине, живущей в лесу одиноко, изолированно от населённых пунктов. Факт, понимаете, необычный, похожий на судьбу алтайских отшельников. Ну, всё. Счастливого вам добраться.

Путь оказался неблизким. Из Риги в южный район Латвии, где состоялись учения, водитель УАЗика приехал со мной лишь к утру. Мне помогли встретиться с очевидцами события. Открыв блокнот, начал записывать...

* * *

После марша колонна боевых машин, преодолев заваленную рыхлым мартовским снегом просеку, остановилась на широкой поляне.

– Вот самое подходящее место для командного пункта, – сказал комбат подполковник Н. Горбань.

– Да, место удобное. Раньше, до войны, на этой высотке была деревня Юдовка, – ответил майор А. Сиругис. – Альберт Язович указал на пригорок, где, утопая в березняке, приютилась бревенчатая избушка с курящимся над трубой сизым дымком. – А теперь живёт одинокая вдова погибшего на войне русского солдата.

– Что вы говорите? Старушка... одна в глухом лесу, вдали от городов и посёлков? Поразительно...

*Е. Н. Агафонова с солдатами-помощниками.
Фото В. Андрусова*

– Именно так. Я ничего не выдумал. Можете в этом убедиться. Пойдёмте за мной, – майор А. Сиругис ловко спрыгнул с машины, зашагал в гору. За ним последовали остальные.

Попасть в избу удалось не так просто. Сначала пришлось убрать снежный завал у входа. Пока работали, разгребая лопатами сугробы, все слышали словно из-под земли лай собаки. Но вот, наконец, дверь открылась – и на пороге предстала улыбающаяся, краснощёкая старушка. Рядом стоял её верный страж – рослый, рыжий пёс.

– Добро пожаловать, сыночки мои дорогие, по-матерински тепло молвила Елена Николаевна Агафонова. – В эти минуты она не могла скрыть слёз своей радости. Беспрерывно лепетала ласковые слова и стеснительными жестами поправляла платок.

Тогда, в марте 1987 года, передо мной сразу, как только оказался в районе учений, встали резонные вопросы. Почему одинокая пожилая женщина десятки лет, прошедшие после Великой Отечественной, живёт в лесу, в отрыве от цивилизованного мира? Что мешает ей поселиться в деревне или городе? Думая об этом, я с волнением переступил порог бабушкиного жилища, построенного из сосновых брёвен. Пройдя сени, попал в невысокую, опрятную и уютную комнату с русской печью в углу. Старушка встретила меня очень радушно, пригласила к столу, подала угощения. Присела сама. Мы разговорились...

Судьба Елены Николаевны Агафоновой, 75-летней вдовы, во многом похожа на судьбы тех женщин, которые вынесли на своих плечах суровое бремя войны. Вынесли, перестрадали муки фашистской неволи, горечь потерь родных и близких. А после войны остались одинокими на белом свете.

Немного истории. После того, как советская власть в 1940 году вступила на латышскую землю, счастливо зажила Елена с любимыми – мужем Афанасием и сыном Мишей. Семья незадолго до войны справила новоселье в новом рубленом доме, построить который помогли многочисленные тогда соседи. Ведь здесь была довольно большая деревня Юдовка. Была... Но после войны её не стало. Часть домов уничтожили фашисты. Остальные сожгли недобитые буржуазные националисты, которые в конце 40-х годов хозяйничали в лесах.

– Долго подкрадывались вражины к моему дому, – рассказывает Елена Николаевна. – Бывало, постучат в окошко и ну пужать меня, мол, убирайся отседова, большевичка, не то прикончим. Не с пугливого я десятка. Возьму в руки топор, да как закричу: «Посмей, негодник, войти, зарублю! Не знаю, чи боялись меня, чи просто не хотели связываться со мной, а всё-таки не лезли. Не трогали. А однажды...

Однажды на рассвете проснулась Агафонова, задыхаясь от едкого дыма. Выскочила с сынишкой в руках на улицу и ахнула: крыша избы объята пламенем. Позвала громко, что есть духу, на помощь. Сбежались тут соседи. Смельчаки попытались было войти внутрь избы, чтоб спасти вещи. Однако их настигла свинцовая очередь пулемёта, строчившего с опушки леса...

Так сгорело всё, что имела Елена Николаевна в наследство от мужа, погибшего в победном 45-м. С той поры и поселилась она с десятилетним сыном Мишей в этой заброшенной избе. И жила спокойно некоторое время. Трудилась, сколько хватало сил, в ближайшем колхозе. Рано вставала, чтобы успеть к началу работы в поле.

Беда одна не ходит. Не уgomонились так называемые «лесные братья», не успокоились на том, что оставили без крова вдову погибшего фронтовика. И сотворили новую беду. Возвратившись как-то вечером с поля, Елена Николаевна не застала сына дома. Не появился он и в последующие дни.

*Ответственный редактор газеты
«За Родину» ПрибВО полковник А. И. Кириллов
и литсекретарь майор В. А. Андрусов.
Фото В. Тимофеева*

– Вот и сгинул, пропал без вести родимый мой Мишенька, – тяжело вздохнула старушка, утирая слёзы краем фартука. – Горе-то какое!

Сумела перенести, перестрадать она и эту невосполнимую потерю. Продолжает жить, трудиться... Живёт и поныне в старой избушке, на том же святом для неё клочке земли, на котором родилась... Одиночество, как безысходность судьбы, постепенно стало привычным. Беды закаляли бабушку Елену. Рассуждает: «Крыша какая-никакая над головой имеется, да и здоровье пока, слава Богу, позволяет копаться в земле». Она получает хорошие урожаи картошки, всяких овощей. Выращивает разные целебные травы (подарила мне целый набор), готовит из них отвары и настойки, пьёт вместо чая.

Нельзя сказать, что Агафонову забыли власти. К ней периодически приезжают люди из райцентра, находящегося более чем за 50 километров, привозят пенсию и заказанные ею продукты. В основном хлеб, соль, сахар. Как сама признаётся, ей не хватает только общения. Вот почему так рада была старушка появлению в её домике военнослужащих.

...Когда я собрался покинуть Елену Николаевну и вышел вместе с нею во двор, то увидел огромный штабель дров, напиленных и сложенных солдатами за время, пока мы беседовали. Надо было видеть, как истинно по-матерински благодарила и жарко обнимала она воинов. А я глядел на улыбчивую Елену Николаевну, её лицо, подёрнутое сеткой морщинок, её руки, перевиленные жилками, руки труженицы, и по-человечески трепетно жалел пожилую женщину. До сих пор вспоминаю и восхищаюсь ею.

Одиночеству вопреки

Став вдовцом в 68 лет, мой отец, старичок-бодрячок, наперекор одиночеству вскоре женился вновь. Мы, пятеро детей (четверо братьев и сестра), живущие в то время отдельно от родителей со своими семьями, да и все родственники, не осуждали его скороспелый поступок. Напротив, были даже рады, ведь в жёны к нему напросилась ставшая недавно вдовой родная сестра покойной мамы Анны – тётя Рая, которую мы хорошо знали и уважали. Она частенько приезжала к нам в гости из станицы Убеженской – исконной родины наших предков, кубанских казаков.

Мой отец
Алексей Афанасьевич Андрусов
в 1940-м году

Что особо радовало нас, так это внешняя схожесть тёти Раи с мамой. Да и характерами они почти не отличались, и умением хлопотать в доме и в огороде. Отец не мог нарадоваться, писал мне: «Живу в ладу и согласии с хорошей хозяйкой, покладистой супругой Раисой Александровной». Я в этом убедился воочию, когда навестил родительский дом во время отпуска. В дороге дал телеграмму, мол, приезжаю тогда-то. У калитки меня встретила тётя Рая, похожая точь-в-точь на маму. Мистика! Почувствовал одновременно испуг и радость...

Приходится сожалеть о том, что через два года тётя Рая покинула отца по неизвестной причине, уехала на родину – в станицу Убеженскую. Однако отец-оптимист, стремясь скрасить одиночество, быстро подыскал себе другую – вдовушку с соседней улицы, о чём кратко сообщил мне в письме. А вслед за этим удивил меня вестью: «С Верой Павловной пришлось расстаться.

Двое её сыновей-лоботрясов повадились приходить и кланяться у меня деньги. Живёшь, ворчали они ехидно, с нашей мамкой, значит, плати...». Хорошо, что отец расстался с этой приживалкой легко, не имея перед ней никаких брачных обязательств. Так происходило, к счастью, и в последующие случаи его временного проживания с женщинами. А таковых, наперёд скажу, было около десятка.

В числе эпизодов были и такие, когда женщины, кандидатки в жёны отца, пожив вместе с ним месяц-другой, вдруг исчезали из его дома навсегда и бесследно.

Приезжаю я как-то к отцу в очередной отпуск, а он мне с грустью рассказывает, как мерзко поступила его «благодетельница» по имени Ефросинья:

– Хорошая она была для меня помощница по дому. Готовила, стирала, в магазины ходила, паёк продуктовый для меня, фронтовика, получала, – отец, примолк, задумался. – А однажды ушла за пайком и пропала вместе с моим льготным удостоверением участника войны. Представляешь, какая плутовка! Помогите, пожалуйста. Найди её и отбери удостоверение. Отец пояснил, что живёт Фрося в районе вокзала, в двухэтажном доме из красного кирпича, там такой один.

– Она невысокого роста, икры ног у неё, как бутылочки, и грудь высокая, – отец рассмеялся. – Ну ты, Витя, всё понял?

– Да, отец, понял. Пойду искать...

Поиски Фроси оказались напрасными. Я ведь не Шерлок Холмс. Однако удостоверение фронтовика отцу я всё-таки восстановил, получил новое с помощью комиссара райвоенкомата. Прежнее, украденное удостоверение военкомат заблокировал. Мне, тогда майору, члену Союза журналистов СССР, было не сложно решать кое-какие бытовые проблемы. И отец был этому несказанно рад.

Другой странный случай исчезновения одной из возлюбленных отец рассказал мне по телефону:

– Со мной полгода жила красавица-казачка Надежда из Армавира. Соскучилась по своей собачке, оставленной там у подруги. Попросилась съездить. Я отпустил. Уехала и больше не вернулась. Не понимаю: чем я ей не угодил?

Был и такой случай, когда мой батяня проявил свой чудаковатый казачий характер. Вам может многое сказать следующая фраза из его письма: «Экономку (читайте: жену) Евдокию Антоновну я вынужден был уволить – ленится, не интересуется дачей. А мне одному там не управиться».

Назвать отца, Алексея Афанасьевича, донжуаном, ловеласом или бабником у меня, да и у родственников язык не повернётся. Ему хотелось на старости лет делить свою жизнь с какой-нибудь порядочной, учливой, сговорчивой, доброй и заботливой женщиной. Разумеется, самому быть для неё другом и помощником. Подобный смысл он вкладывал и в письма. Они были главным средством связи между людьми в те годы.

Прочитую строки из очередного отцовского письма, датированного 8 декабря 1987 года:

«В прошлом письме я расспрашивал тебя, Витя, о Елене Николаевне, одиноко живущей в лесу. О ней ты писал в газете, рассказывал мне во время отпуска. Ты, видно, подумал, что я шучу. Нет, я настроен серьёзно и хочу перевезти её к себе в дом, чтобы жить вместе и помогать ей во всём. Подаренную тобой вырезку из газеты с твоим очерком о старушке храню, читаю и перечитываю. Познакомь, сведи меня с ней. Не дадим ей пропасть».

*Мой отец
Алексей Афанасьевич Андрусев
в 1980-м году*

К читателям: отец упоминает мой очерк о Е. Н. Агафоновой, опубликованный 7 марта 1987 года в газете «За Родину» Прибалтийского военного округа. Видите, как загорелся он идеей помочь женщине, живущей в глуши, вдали от населённых пунктов. Он, однако, не понимал, что Елена Николаевна никогда не покинет родного пепелища, в которое превратили её деревню фашисты в 1944 году. Мне пришлось более подробно объяснять отцу, что и как. Его благим намерениям не суждено было осуществиться.

А вот что пишет мне отец в письме за 18 февраля 1988 года:

«Я чувствую себя хорошо, на здоровье не жалуюсь (так вещает о себе, подумайте только, 83-летний старик, конечно, привирает, шутит). Варю в большой кастрюле раз в неделю похлёбку из рёбер говядины, плюс стакан томата, луковица, соль по вкусу. Всё прекрасно. Жизнь хороша и жить хорошо! Вот только мешают мне одиночество и скука. Покинула меня жена-экономка, моя любовь – Любовь Максимовна. Год жили мы душа в душу. Наделили её власти квартирой вместо дома под снос. А пока ждала ордера, временно проживала со мной. Теперь, вот беда, не к кому прислониться».

До этого события успел я увидеться с Любовью Максимовной, когда она ещё жила вместе с отцом. Прелестная 55-летняя женщина. Ухоженная, симпатичная. И хозяйка – что надо! Встретила меня, отпускника, как родная мать. Сбегала на рынок и в магазин, накупила того и сего, напекла блинов, быстро накрыла хлебосольный стол. Сели мы втроём за этот стол, выпили «Рижского бальзама», потом по казачьей традиции спели несколько песен. Отец, помню, сиял, как медный пятак. Таким он мне необычно воодушевлённым, жизнерадостным запомнился больше всего. Теперь-то понимаю, почему он так ликовал – рядом с ним были самые дорогие ему люди. Была в его сердце НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ...

– Как же отец баловал Любу! – рассказывал мне старший брат Валентин. – Не понравился ей чёрно-белый телевизор – батяка тут же купил новый, цветной. Не довольна была Любовь Максимовна старой мебелью – отец, долго не раздумывая, приобрёл новые столы, шкафы и стулья.

Словом, во всём угождал он своей возлюбленной.

На следующий год отец, к нашей огромной скорби, умер. И не от болезней, а от одиночества. Я в этом больше, чем уверен. К такому выводу склонились и врачи, указав на сердечную недостаточность в заключении о смерти. Безжизненным, на полу, у самого порога его нашла Любовь Максимовна, имевшая ключ от входных дверей. Она обещала навестить к нему в этот день. Но задержалась и опоздала к назначенному времени. Сердце отца, к нашему великому горю, не выдержало мук ожидания...

Любить – значит восхищаться

Человечество в настоящее время придерживается двух крайних определений любви: первое из них – романтически-возвышенное, идеально-нереальное чувство; второе же упрощённо сводится к интимной близости (сексу). Ни один из этих взглядов на любовь не отвечает её истинной сущности.

Любовь к Другому – есть, по сути, разновидность любви к себе. В любви к Другому мы, на самом деле, любим своё Я, отражённое в восхищённых глазах Другого. В чём именно выражается это восхищение? Для кого-то важно, чтобы был оценён его талант, для кого-то красота, для кого-то душевные качества, для кого-то социальное положение и так далее. При всём многообразии выбора ценностей неизменным остаётся потребность в восхищении.

Вот почему люди так нуждаются в комплиментах и так падки на них. Непременно, вы это неоднократно наблюдали в жизни, замечали и за собой. Вспомните, какое приятное тепло растекается по телу, когда вам говорят лестные слова. Как покрываются ваши щёки румянцем, начинают гореть глаза!

Почему умирает любовь? Первопричина в том, что при ссоре, измене или разрыве мы словно теряем часть себя. А смириться с такой потерей невероятно трудно... Изменника или изменницу преследуют скандалами, угрозами и тому подобными подчас противозаконными нападениями. Всё для того, чтобы вернуть своё утраченное Я.

Потребность человека в чувстве любви, как признании собственного Я в Другом человеке, чрезвычайно высока. Несмотря на модный в современном обществе цинично-ироничный и пошлый взгляд на любовь, никто в любом возрасте не может обходиться без неё.

Таким образом, ЧТОБЫ ЛЮБОВЬ ПРОДОЛЖАЛАСЬ и не угасала с годами, НАДО НЕ ПЕРЕСТАВАТЬ ВОСХИЩАТЬСЯ ДРУГ ДРУГОМ, делать хотя бы иногда восторженные комплименты, говорить ласковые, сокровенные слова, шутить и веселиться.

(Написано мной на основе жизненного опыта и прочитанных книг).

*Встреча с женой Таней
в гостинице «ЛВВОВ», когда она
приезжала из Майкопа ко мне, курсанту
журфака ЛВВПУ, в Новый 1970 год*

О дачнике-удачнике и неудачнике

Ода оптимиста-садовода

Радуюсь своей удаче:
Я теперь хозяин дачи!
И река, и лес в придачу –
Вид вокруг чудесный бачу!
Я от счастья небывалого шалею,
Намечаю планы и от них балдею:
Дом с крылечком дивным я построю
И террасочку шикарную пристрою,
Крышу ярким андулинчиком покрою,
Печь из супер-кирпича слою,
Трубы для полива проложу,
По весне навоз добротный привезу,
Дюжину деревьев посажу,
Ворота с калиткою поставлю,
А потом банкет шикарный закачу,
Родичей, соседей приглашу!

* * *

Мне для дачи, огорода, сада –
Очень-очень много всего надо.
Что наметил – не забыть бы,
Что задумал – так тому и быть бы!

Ода пессимиста-садовода

На участке в восемь соток, что, друзья ни говори,
Я нашёл себе работу от зари и до зари...
Лес срубил, построил дом и теперь живу я в нём.
По деревне прогуляюсь, за водой схожу с ведром.
Телевизор не включаю, только балуюсь вином.
В отпуск никуда не езжу и на танцы не хожу.
Лишь в дождливую погоду на кровати я лежу.
Пухнет голова под утро от забот и от хлопот –
Обеспечен в огороде я работой круглый год.
Май, июнь, июль и август – я в саду, как на войне.
Целый день под солнцем маюсь – достаётся и жене...
С землеройками воюю, то с червями или тлём.
С тяпкой, с граблями горбатюсь – пыль клубится над землёй.
Надорвался я, ребята, – нет уж сил ведро поднять –
Даже смачные соседки перестали волновать...
От проблем и дел на даче никуда не убежать:

Обустроить дом бы надо... и навоз к весне достать,
 И забор скорей исправить, и канавы прокопать,
 И траву скосить бы надо, воду в бочки накачать.
 В теле от потуг ломота, ноют и хрустят мои мослы –
 Иногда жене вещаю: «Вкалываем, как те упёртые ослы»...
 Под нагрузкою такую к вечеру валюсь, как куль,
 Похоронят, крест поставят и напишут: «Сдох куркуль».
 Редко кто из садоводов на погост ко мне придёт,
 Потому что садоводы – очень занятый народ.

Дал маху...

В популярном кинофильме «Ирония судьбы или с лёгким паром» Женя Лукашин невольно оказался в забавной ситуации: перепутал город, дом и квартиру. Нечто подобное происходило со мной. Расскажу о двух случаях. Первый произошёл в Риге, второй – в Ярославле.

Мы, я и Николай Нетишинский, мой однокурсник по военному училищу, стоим на лоджии его квартиры. Разговариваем о том-о сём и смотрим на соседний, пока ещё не заселенный, но уже почти полностью построенный многоэтажный дом. Вокруг него, как это часто бывает, горы всякого мусора. Коля вдруг, смеясь, говорит:

- Смотри, вон у забора лежат рейки! Вот бы сделать из них стеллаж в кладовке...
- В чём проблема? Давай принесём, – предлагаю я.
- Опасно, охранники могут поймать.
- Не трусь, дружище, они и глазом не успеют моргнуть. Это ведь отходы. Нам потребуется для стеллажа всего-то 5-6 реек...

Дома, похожие, как две капли воды, в районе Югла. В крайнем левом жил я с семьёй. Эти дома-близнецы стоят на берегу озера, в котором многие люди купались, ловили рыбу. У берегов ютились дикие утки. Почти у самого порога нашего дома – пристань для причаливания катеров, так называемых, пассажирских речных трамвайчиков. Словом, райский уголок, который мы потеряли... Остались на память фотоснимки и свои любительские кинофильмы. Фото В. Андрусова

Загоревшись идеей, я тут же спустился на лифте вниз и направился в сторону новостройки. Озираясь вокруг (поджилки мои в эти минуты, признаться, тряслись невероятно), быстренько сгрёб попавшиеся под руки рейки, водрузил их на плечи и ускоренными шагами, насколько это было возможно, устремился к Колиному дому. С рейками, длиной более 3-х метров я, естественно, в лифте не поместился бы. Поэтому пришлось не торопясь, с паузами и передышками, расчётливо вращая свою длинную поклажу на плечах вокруг лестничных перил, карабкаться всё выше и выше.

И вот, наконец-то, я на 8-м этаже. Смахнув пот со лба, нажимаю концом одной из торчащих реек на кнопку звонка знакомой, как мне казалось, квартиры. Дверь открывается... На пороге я вижу (что за чертовщина!) незнакомую женщину с бигудями на голове. Она сердито вопрошает:

– Что вам надо, куда прётесь?!

– Как куда? Домой, к другу...

И тут меня, словно током, прошибает догадка: значит, ошибся я номером квартиры... И даже номером подъезда...

Совершая вновь мучительные телодвижения по лестнице с раскачивающимися на плечах длинными рейками (это очень мешает мне удерживать равновесие), топаю вниз. А там, на улице, на пороге следующего подъезда замечаю озабоченного Колю Нетишинского:

– Видать, ты перепутал наш подъезд с соседним? А жена меня бранит: «Беги выручать Витьку, наверно «менты» повязали...»

– Спасибо, Колюнчик, понимаешь ли, я потерял, так сказать, ориентацию в пространстве и дал маху...

Второй подобный случай произошёл со мной, когда я после увольнения с офицерской службы приехал из Риги на постоянное место жительства в Ярославль. Выйдя из автобуса, направил свои «лапти», как потом оказалось, не к своему, а к соседнему дому. Поднялся на 4-й этаж с тяжеленными чемоданами в руках и позвонил в 43-ю квартиру, считая её своей... Дверь открыла улыбчивая девушка и удивлённо спросила, кто я такой. Как же мне было стыдно, когда понял свою оплошность. Пришлось вежливо извиниться и тут же удалиться.

Миллионером стать не суждено

В 90-е годы прошлого века, на заре возвращения в Россию капитализма, хитро названного «рынком», повсеместно пустило корни мошенничество. Человека могли ввергнуть в различные заманчивые авантюры.

Однажды в районе центрального главпочтамта Ярославля, на выходе к площади, одна назойливая тётенька вручила мне приглашение на презентацию продаж «целебных» препаратов «Гербалайф». Не буду скрывать, поддался этому многообещающему предложению, тем более, что место проведения – гарнизонный Дом офицеров. Как мне, военному пенсионеру, было не довериться организаторам, усомниться в их добропорядочности?

Актный зал Дома офицеров был переполнен людьми, страстно желавшими приобрести «уникальные, универсальные средства для похудения и восстановления здоровья», «действующие на клеточном уровне». Подобные фразы агенты «Гербалайфа» много раз повторяли в своих сладких речах, вдавливали в головы доверчивых граждан, которые зачастую «клевали» на сию приманку. Крюнул и я. Сделал покупку, так называемых «продуктов Гербалайф». Скажу честно, их вкус и мне, и жене понравился, особенно приятен был ароматный соевый коктейль. Таблетки и пилюли, входящие в комплект, волей-неволей тоже употребляли (денежки-то заплачены – значит надо глотать). Пользы для здоровья от препаратов не замечали, но продолжали в них верить.

Прошло немного времени, и к нам домой стали наведываться консультанты «Гербалайфа», которые внушали мне и жене идею стать не только постоянными клиентами компании, но также и работать в ней. Навязывалась мысль, что таким образом «вы сможете разбогатеть и даже стать миллионерами». И снова поддались на провокацию. Жена, правда, не стала активно сотрудничать с вежливыми, культурными с виду ловкачами «Гербалайфа». Мне, словоохотливому, довелось одному в семье заниматься этим, как выяснилось погодя, плутовским делом.

Прозрение и убеждение в ошибочности выбора «непыльного» места подработки наступило через три месяца, когда у меня началось обострение хронической язвы желудка от употребления препарата «Алоэ» со вкусом лимонной кислоты, изготовленного на производственной линии «Гербалайф» в США (так было написано на упаковке). Наконец-то, пришло ко мне понимание, что эти «препараты, работающие на клеточном уровне», на самом деле не имеют ничего общего с лекарственными средствами. Они – явная обманка.

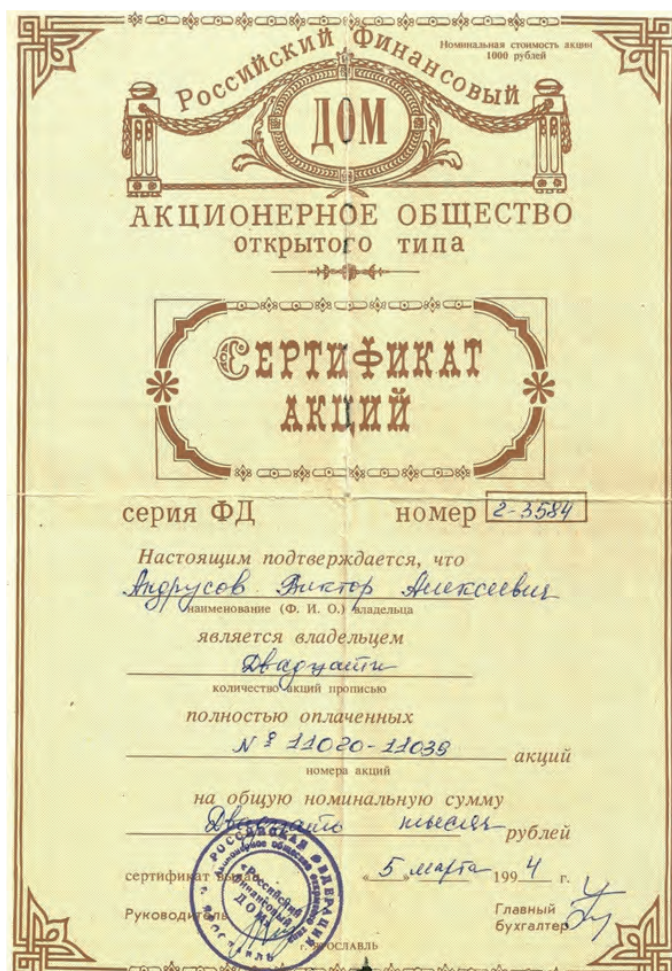
Разумеется, я решительно порвал всяческие отношения с компанией «Гербалайф». Однако, её менеджеры ещё долго называли домой, надеясь на моё возвращение. Не хотели отпускать ценного кадра с журналистским образованием.

Вторая моя попытка – подстроиться к захудалой рыночной экономике в ельцинской России и начать хорошо зарабатывать – состоялась в следующем.

В официальной печати, по радио и телевидению в 90-е годы широко рекламировали компанию «Хопёр-инвест». Меня привлекло объявление о наборе офицеров запаса в начальствующий состав службы безопасности данной компании. Сулили многотысячные заработки, обещали предоставить пакет всех социальных услуг, вплоть до выделения квартир. Я обратился по указанному адресу в Ярославле. Изучив документы и приняв заявление, меня направили в Москву, в центральный офис компании «Хопёр-инвест» (в здании Политехнического музея). Там меня подвергли очень строгим, до седьмого пота, экзаменам на профессиональную пригодность. Успешно выдержать эти экзамены и пройти конкурсный отбор мне способствовали характеристики с мест работы, а также «Свидетельство менеджера», полученное после окончания вечерних курсов при Доме офицеров. Сыграла свою роль, разумеется, и моя добросовестная армейская служба в течение 27 лет.

К невероятной радости меня приняли в компанию, выдали предписание и сказали: «Ждите, мы скоро вас вызовем. . .».

Однако, не прошло и месяца, как в средствах массовой информации объявили о ликвидации «Хопёр-инвеста». Как же мне не повезло! Компания не вернула мне даже деньги, затраченные на поездку в Москву. Хочется забыть об этом постыдном инциденте и никогда больше не вспоминать.

Самое крупное фиаско, в связи с намерением хоть как-то выжить, потерпел, приобретая ценные бумаги в двух, казалось бы, надёжных «конторах»: Ярославском страховом агентстве и акционерном обществе открытого типа «Российский финансовый дом». Одни только эти мудрёные названия заинтригуют и увлекут любого почтительного гражданина.

Прогуливаюсь солнечным январским днём 1994 года по центру города. Вижу, как много людей снуёт туда-сюда около простенькой, дощатой пристройки к высотному зданию. Зашёл в пристройку, а там людская очередь. Улыбчивые лица. Галдёж. Ажиотаж. Поинтересовался. Объясняют, мол, внесёшь 20 тысяч – через четыре года получишь миллион рублей. «Ну, – думаю, – что я лыком шитый? Хуже других? Сделаю-ка миллионершей сначала свою любимую жену». Денег у меня хватало лишь на один полис – получил как раз пенсию. Выстоял длинную очередь, раскошелился, получил цветистый «Полис» с датой выдачи 26 января 1994 года, с печатью – всё солидно.

ЯРОСЛАВСКОЕ СТРАХОВОЕ АГЕНТСТВО

Полис № 05035655

Ярославское страховое агентство в соответствии со ст. 388 ГК Российской Федерации и Условиями страхования финансового обеспечения граждан с участием в прибылях Агентства заключило договор со Страхователем:

Фамилия Андреев
Имя Виктор
Отчество Викторович

- Срок договора 4 года до "28" марта 1998 г.
- Страховой платеж: 20 000 (двадцать тысяч) руб.
- Паспортные данные: серия XXI-NB, № 273380 выдан ОВД Видновского райисполкома г. Видно Дата выдачи 24.09.90
- Агентство обязуется выплатить: Страхователю, по истечении срока страхования, страховую сумму в размере 1 000 000 (один миллион) рублей.
- Страхователь имеет право:
 - на основании заявления прекратить страхование. При досрочном прекращении договора, застрахованному лицу возвращается сумма внесенного страхового платежа с увеличением ее на 10% за каждый полный месяц действия договора.
 - в течение действия договора страхования изменить лицо, в пользу которого заключен договор, а также лицо (лица), назначенное на получение страховой суммы по распоряжению.
 - Дополнительные условия и оговорки (отметки):
 - Договор может быть расторгнут не ранее, чем через 12 месяцев его действия.
 - В случае смерти или наступления инвалидности в результате несчастного случая с застрахованным лицом выплаты производятся в следующем порядке:
 - смерть: 1 000 000 (один миллион) рублей;
 - инвалидность 1 группы: 500 000 (пятьсот тысяч) рублей;
 - инвалидность 2 группы: 300 000 (триста тысяч) рублей.
- В случае новой смерти наследником назначается:

Фамилия Андреева (жен.)
Имя Наталья
Отчество Викторовна
- Условиями страхования ознакомлен: ✓ (подпись Страхователя)

Страховой платеж в сумме 20 000 (двадцать тысяч) рублей получен "28" марта 1998 г.

Ярославское страховое Агентство
150007, Ярославль, пр. Авиаторов,
д. 56, тел.: 11-01-03
Каменского 1
т 32-96-05

Директор Агентства
В.Б. Пушков (П.Б. Пушков)

ЯРОСЛАВСКОЕ СТРАХОВОЕ АГЕНТСТВО

Полис № 05034941

Ярославское страховое агентство в соответствии со ст. 388 ГК Российской Федерации и Условиями страхования финансового обеспечения граждан с участием в прибылях Агентства заключило договор со Страхователем:

Фамилия Андреев
Имя Татьяна
Отчество Викторовна

- Срок договора 4 года до "28" марта 1998 г.
- Страховой платеж: 20 000 (двадцать тысяч) руб.
- Паспортные данные: серия I-BL, № 388443 выдан ОВД Теснобайского райисполкома г. Теснобай Дата выдачи 04.04.76
- Агентство обязуется выплатить: Страхователю, по истечении срока страхования, страховую сумму в размере 1 000 000 (один миллион) рублей.
- Страхователь имеет право:
 - на основании заявления прекратить страхование. При досрочном прекращении договора, застрахованному лицу возвращается сумма внесенного страхового платежа с увеличением ее на 10% за каждый полный месяц действия договора.
 - в течение действия договора страхования изменить лицо, в пользу которого заключен договор, а также лицо (лица), назначенное на получение страховой суммы по распоряжению.
 - Дополнительные условия и оговорки (отметки):
 - Договор может быть расторгнут не ранее, чем через 12 месяцев его действия.
 - В случае смерти или наступления инвалидности в результате несчастного случая с застрахованным лицом выплаты производятся в следующем порядке:
 - смерть: 1 000 000 (один миллион) рублей;
 - инвалидность 1 группы: 500 000 (пятьсот тысяч) рублей;
 - инвалидность 2 группы: 300 000 (триста тысяч) рублей.
- В случае новой смерти наследником назначается:

Фамилия Андреев
Имя Виктор
Отчество Викторович
- Условиями страхования ознакомлен: ✓ (подпись Страхователя)

Страховой платеж в сумме 20 000 (двадцать тысяч) рублей получен "28" марта 1998 г.

Ярославское страховое Агентство
150007, Ярославль, пр. Авиаторов,
д. 56, тел.: 11-01-03
Каменского 1
т 32-96-05

Директор Агентства
В.Б. Пушков (П.Б. Пушков)

Вернулся домой. Жена обрадовалась этому досрочному подарку ей к 8 марта. Спустя два месяца, сэкономив деньги на своём желудке, приобрёл подобный полис и на своё имя. Какое было ликование! В марте того же, 1994 года, поддавшись советам товарищей по работе на 132-м военном заводе, я купил с полочки сертификат акций акционерного общества открытого типа «Российский финансовый дом» общей стоимостью в 20 тысяч рублей. Наперёд скажу, это была моя очередная ошибка. Прогорел. Не получил, хотя и было обещано в ценной бумаге, никаких дивидендов. Не компенсировали, хоть я и пытался добиться, даже стоимость сертификата.

А как сложилась ситуация с полисами Ярославского страхового агентства, сулившего мне и жене выдать по миллиону в 1998 году? В 1996 году (прошла пара лет после покупки полисов) смотрю новости по местному телеканалу, и с горечью узнаю, что страховое агентство «накрылось медным тазом». Ведётся следствие. Арестован генеральный директор агентства Павел Борисович Пушков. «Как же так? – думаю. – Кто же вернёт нам наши кровные денежки?». Никто! Виновных в этом судебном деле не оказалось. Пушкова вскоре выпустили из тюремной камеры за недостаточностью улик. А наши финансы спели романсы. По словам Пушкова: «они уплыли в столицу...» Ясное дело: в карманы таких же, как он сам, аферистов.

Стать миллионерами нам не суждено. Вообще говоря, зачем иметь тот миллион? Одна морока!

Всё, о чём написал я выше, происходило после моего увольнения с офицерской службы (1-го марта 1992 года), в процессе работы на «гражданке» в последующие 20 лет. Сначала трудился на 132-м военном заводе, потом – на предприятии «Холодмаш» и Ярославском объ-

единении «Автодизель» (ЯМЗ). Одной только военной пенсии для жития-бытия в те лихие годы не хватало. К тому же надо было возвращать ссуду за купленную для семьи квартиру в Ярославле. Приходилось изыскивать места и возможности для подработки. Разбогатеть, поверьте, я и не помышлял – не до жиру, быть бы живу.

Домой по шпалам

Жизнь устроена так – человек нередко попадает в непредвиденные обстоятельства. И тогда на память приходит известная поговорка: «Знал бы, где упасть, – соломки постелил».

Однажды, поздней осенью, когда уж залетали «белые мухи», Пётр Игнатов, мой дальневосточный сослуживец-офицер, пригласил меня на дачу своей сестры, чтобы помочь вскопать земельный участок и перевезти электричкой кое-что из собранного урожая.

На станцию Клинцево, где по одну сторону железной дороги находится небольшой дачный посёлок, мы приехали без проблем ещё утром. И сразу с азартом принялись за работу. День прошёл незаметно. Вечером собрались ехать домой. Загрузили овощами и фруктами тележки.

– До электрички остаётся около часа. Успеем перекусить перед дальней дорогой, – сказал, улыбаясь и потирая руки, Петя. Он тут же поставил на стол начатую в обед бутылку водки, рюмки, разложил харчи. После «каторжного» труда мы с аппетитом и наслаждением приступили к трапезе. Произносили всякие душевные тосты, шутили, кайфовали. И вдруг...

Вдруг послышалась знакомая, продолжительная сирена. Посмотрели в окно – и обалдели! К станции с шумом и свистом тормозов подходила электричка. Ошарашенный Игнатов бросил взгляд на часы, потом открыл записную книжку:

– Не может быть! Значит, изменилось расписание? Наверняка, так и есть. К нашему несчастью, сегодня это последняя электричка, – Пётр почесал затылок. – Какой же я растяпа!

– Что будем делать дальше? – забеспокоился я. – Как вижу, здесь, в дырявой избушке без печки, нет условий для ночлега. К утру от холода дуба дашь...

– Как на грех, в поселке нет сейчас никого из дачников. А добраться до Ярославля можно только электричкой, – рассуждал Игнатов, – Придётся нам идти пешком до пересечения с автодорогой из Тутаева и там ловить машину-попутку...

Заперев домик и взяв с собой лишь рюкзаки, мы направились к железной дороге. Вдоль её полотна в этом районе не было и нет никаких дорог, даже тропинок, а только сплошной, густой лес. Наперёд скажу, с большими потугами совершили мы этот поход по шпалам, хотя оба и закалённые в учебных боях и маршах офицеры запаса. Тот, кто когда-нибудь ходил по шпалам знает, как это сложно, особенно ночью. Сложно и опасно.

Мы реально рисковали. Представьте себе картину: то спереди, то сзади нас вдруг появлялись товарные поезда. Сначала слышался нарастающий звон рельс, затем глаза ослеплял яркий свет. Мы быстро сбегали вниз, к основанию железнодорожной насыпи, пережидали прохождение длиннущего товарного состава, задыхаясь пылью и гарью. Потом вскарабкивались на шпалы и продолжали упорно шагать вперёд. В итоге преодолели более чем 20-километровое расстояние.

– Не падайте духом, поручик Голицын, – подбадривал я себя и приятеля, пока мы топали по намеченному маршруту.

А Петя и не думал грустить и падать духом. Он в свою очередь тоже старался развеселить меня байками и воспоминаниями о нашей совместной службе в Дальневосточном военном округе, в Лесозаводском гарнизоне. И это ему удавалось сполна. Слушая его, так и хотелось всё сказанное записать...

– Петя, а ты помнишь такую песню: «Опять по шпалам, опять по шпалам иду домой по привычке...»?

– Ну, как же не помнить! Только петь надо так: «... козлом иду домой без привычки».

Мы рас-хо-хо-та-лись так громко, что смех отразился жутким, пугающим эхом в тёмном лесу.

Часам к четырём утра мы наконец-то добрались до пересечения железной и шоссейной дорог. Встали на обочину и начали «голосовать». Однако ни одна из редко проезжающих по трассе машин не останавливалась. Водители явно боялись нас, двоих мордovorотов, с баулами в руках. Так, бесполезно проторчав на обочине более часа, мы снова пустились в путь по шпалам, надеясь теперь уже достичь следующей станции, находящейся, как оказалось, совсем близко.

Здание станции Чебаково ранним утром было ещё закрыто. Постучали в одно из окон – двери отворила дежурная кассирша, вежливая молодая женщина. Она пустила нас в небольшой, но тёплый зал ожидания. Ужасно уставшие и продрогшие от холода, мы сразу уснули, улёгшись на широкие деревянные скамейки. Проснулись, когда услышали разговоры и гомон пассажиров, заполнивших зал. Какая радость – мы возвратились в цивилизацию!

Первой же электричкой добрались до родного города... Дома нас встретили жёны сначала очень агрессивно, с явным оттенком ревности. Но потом, выслушав объяснения, уgomонились, посочувствовали нам.

Для полной ясности просится дополнение: всё это произошло в то время, когда ещё не существовало мобильной связи, сотовых телефонов. Естественно, поэтому сообщать родственникам о критических ситуациях, в которые попадали люди, не было возможностей. Жизнь заметно стала более технически-оснащённой и удобной.

Смеяться полезно

Простой и доступный способ развеселиться – посмеяться над собой. Вот и смеюсь. Юмор и смех скрашивают нашу подчас безрадостную жизнь.

Койка-промах

Совместный с соседом Валерой Нестеровым дачный ужин затянулся до полуночи. А так как за весь жаркий день мы оба напахались на своих фазендах, то поэтому быстро сморились после «выкушанной» поллитровки. Потянуло обоих в сон. Широко зевнув, Валерка брякнул:

– Ну, что ж, Витёк, хорошо мы с тобой посидели, пора и баиньки-баю.

Освещая фонариком тропинку, Нестеров проводил меня до самого порога моего дачного домика. Мы тепло распрощались, по-приятельски обнялись, будто виделись в последний раз. Похоже было на то...

Войдя через коридор в комнату, я включил свет и разделся. Потом, щёлкнув выключателем, впотьмах направился к кровати, как это по привычке ежедневно делал, ложась спать. Совершил давно отмеренные три шага и вдруг... , промахнувшись телом мимо кровати, рухнул на пол. Попытался встать и... ощутил неожиданный, сильнейший удар по затылку. Мне показалось, что посыпались из глаз искры, осветив на момент тёмное пространство вокруг.

«Ну, всё, – думаю, – конец, я уже в преисподней». А голова-то продолжает работать, что-то кумекать. К тому же, реально чувствую, что она невыносимо болит – значит, по всем признакам, я пока жив! Пощупал затылок рукой, а там образовалась большущая шишка. Погладил её нежненько кончиками пальцев. Только начал вставать на четвереньки и... снова ощутил мощный удар по башке. Полежал в раздумьях несколько минут, распластавшись на полу. И тут до моего замутнённого сознания дошло: нахожусь-то под койкой и, каждый раз, пытаюсь приподняться, бьюсь об угольник кровати сетки. Какая досада!

Утром следующего дня на дачу приехала жена Танечка. Думал, посочувствует, пожалеет меня. Где там! Выслушав мрачный рассказ, она, не про-ро-нив ни одной слёзы, рас-хо-хо-та-лась. Потом заметила: «Пить меньше надо, милоч...».

Злополучный супчик

Поезд Москва – Кисловодск прибыл на станцию Пятигорск в десятом часу утра. По расписанию движения – стоянка 30 минут. Выглянув в окно, я увидел на перроне ярко раскрашенное, прямо-таки манящее пассажиров, кафе «Дорожное». Решил сходить в него, поесть что-нибудь горячего. Вышел из вагона и, преодолев подземный переход, оказался в этом кафе. Изучив меню, с радостью заказал двойную порцию грибного супа (при одном только упоминании о нём у меня обычно текут слюнки), сел за столик у окна с видом на железнодорожные пути,

и приступил к трапезе. Наслаждаясь ароматом супа, ел его не торопясь (времени было ведь предостаточно), периодически поглядывая в окно. И вдруг...

Вдруг заметил, как вагоны моего поезда, слегка дернувшись назад, медленно трогаются... Бросив недоеденный суп, я вскочил с места и стремглав выскочил из кафе. А, чтобы сократить расстояние до уходящего поезда, прыгнул с полутораметрового перрона на железнодорожное полотно, пересёк, прыгая как козёл, многочисленные рельсовые пути (конечно, очень рисковал, не думая в тот момент о своей безопасности) и помчался догонять набирающий скорость состав. Догнать почти удалось. Успел схватиться за поручень предпоследнего вагона, отчего меня так завертело и отбросило, что я чуть было не оказался под колёсами...

Это я сейчас, вспоминая данный случай, смеюсь над собой, своей опрометчивостью, а в то время было страшно представить, что со мной могло быть. Всё дело в том, что стоянка поезда на станции Пятигорск была сокращена на пятнадцать минут – об этом, оказывается, объявляли пассажирам по радио, но я по какой-то причине не услышал. Догадываюсь: Вас интересует, как развивались события? Кратко поведаю. Дежурный по вокзалу решил проблему по телефону. Мои вещи были изъяты из купе вагона сотрудниками милиции на станции Ессентуки, куда я ехал в военный санаторий. Там вскоре мне, бедолаге, их возвратили в целости по предъявленным мною документам (хорошо, что они находились в нагрудных карманах рубашки). Из Пятигорска до Ессентуков добрался быстро – на проходящей электричке.

Вот и вся эта необычная, считаю, потешная, в то же время поучительная история. Никогда больше в своей жизни, находясь в пути следования поезда, не гулял я долго, не шатался по перрону, помня о том злосчастном грибном супчике.

Секреты молоджавости

По выработанному годами правилу каждое утро, встав с постели, подхожу к зеркалу и произношу раз пять одно и то же:

«Я МОЛОДОЙ, КРАСИВЫЙ И СЧАСТЛИВЫЙ». Скажу вам без преувеличения: самовнушение срабатывает. Морщины на лице разглаживаются, исчезают вовсе – поверьте. Доказано ведь, что слова, произносимые с душевным подъёмом и повторяемые подряд много раз, как заклинание, способны материализоваться. Попробуйте сами!

Чтобы действительно выглядеть молоджавым и привлекательным, понимаете, одного самовнушения не достаточно. Нужны внешние воздействия. Какие? Контрастные купания и умывания. Другими словами, принимая водные процедуры, надо чередовать (и чем больше раз, тем лучше) горячую и холодную воду.

Вам, возможно, покажется бравадой, что в свои 70 выгляжу 55-60-летним (во всяком случае, так говорят многие люди, у которых спрашивал: «Сколько лет мне дадите?»). А всё потому, что на моём лице нет морщин. Жена Татьяна, разговаривая с подругами по этому поводу, шутит:

– Витино чело не омрачила ни одна умная мысль» (поясняю: чело – значит лоб). Однако потерей интеллекта не страдаю, крутятся ещё в головушке моей шарики-ролики. Ещё как вертятся...

Чтобы не стареть, не дряхлеть телом и душой, выглядеть симпатичным, не утрачивать разума и памяти, – веду активный образ жизни, двигаюсь (жму педали велотренажёра), совершаю пешие прогулки, занимаюсь увлекательными делами. Читаю и пишу, что-то мастерю, ремонтирую, шью (купил современную швейную машину), готовлю диетические блюда, коллекционирую взятые из интернета фотоснимки, аудиокниги, видеоролики с музыкой, песнями, фильмами, играю с компьютером в шахматы... и так далее. Иногда сочиняю стихи. Вот, например:

Душой остался молодой,
Состарилось лишь только тело,
Всё потому, что в интернете я крутой,
И занимаюсь творческим, полезным делом.

Вороша горы слов...

Намедни, когда жутко устал от поиска необходимых слов для яркого выражения оттенков мыслей, рука моя черкнула: друзья дорогие, хочу признаться, что я за-пахался, за-шился, за-морочился, за-колебался, за-циклился, за-комплексовался, за-бубенился. А если сказать проще, то я за-е... Найдя нужные слова, несказанно радуюсь.

Ты меня любишь?

Довольно часто, в хорошем расположении духа и в настроении, задаю жене Татьяне сакраментальные вопросы:

– Скажи, пожалуйста, только честно, ты меня ещё любишь?

– А то...

Вновь вопрошаю:

– Ну, а всё-таки?

– Есчѐ как...

Продолжаю «домагиваться»:

– А если серьёзно?

– Торчу от тебя. Пристал, как банный лист...

После подобных, назойливых, как считает Танюша, вопросов и услышанных от неё шутильких, но радостных для меня, ответов чувствую, как по телу разливается приятное тепло...

Предновогодние заморочки

В суматохе дней, забот и хлопот под Новый год с людьми происходят причудливые, подчас и казусные случаи. О некоторых из них с моим участием, расскажу вам абсолютно достоверно.

Самоволка из госпиталя

Надо же было оказаться мне в госпитальной палате прямо-таки накануне Нового 1988 года. И хотя профилактический курс лечения заканчивался, я мог успеть выписаться до праздника, однако на душе было неспокойно.

Предчувствия мои, как на грех, подтвердились. На утреннем обходе 30 декабря лечащий врач-подполковник, как бы невзначай, спросил:

– Виктор Алексеевич, Вы не знаете, куда могла деться Ваша история болезни? Без неё, сами понимаете, не могу оформить выписку.

Сей вопрос жутко ошеломил меня. Расстроенный, я с трудом сглотнул слюну (застрял ком в горле) и ответил:

– Умоляю Вас, доктор, найдите эту злосчастную историю, отпустите меня на свободу, завтра ведь Новый год!

– Рад бы это сделать, но прошу понять, без данного документа не имею права, – военврач развёл руками и удалился.

Простонав, я повалился на койку. Лежу, ломаю голову: что мне делать, как мне быть? Соседи по палате наперебой дают советы. Слушал-слушал и заявил:

– Всё, ребята, не галдите, иду в самоволку. Прикройте меня...

Решено – сделано. Вечером 31 декабря, достав из-под матраца спрятанную одежду, переоделся и попрощался с хорошо понимающими меня хлопцами. Тайком проскочил мимо поста дежурной медсестры, когда та отлучилась. Выбежал из лечебного корпуса. Перемахнул через забор – и был таков...

Новый год встретил в шумной компании родных и друзей. Встретил, как и положено, за щедрым столом с песнями, плясками, прогулками на морозце под луной. Затем – очередное пиршество и питье: водочное, чайное, кофейное, а на зорьке – рассольное. Как в деревенских традициях.

Разудалый и лихой, возвратился утром в «родные пенаты», ну, то есть, в отделение госпиталя ещё до прихода своего сурового лечащего врача. Лёг в койку и задремал. Всё было шито-крыто. Никто, кроме медсестры, не узнал о моем побеге. А с ней легко замял дело – конфетным новогодним подарком.

Находиться в неволе, в пропитанном смрадом лекарств госпитале мне довелось ещё сутки. Отыскалась всё-таки моя история болезни. Бестолковый простофиля-медбрат сдал её в архив. Понять того витающего в облаках человечка в белом халате можно: всё случится, всё произойдёт в суеде под Новый год...

Золотые мандарины

Когда мы жили в Риге, в соседнюю по площадке квартиру незадолго до Нового года вселилась семья: муж и жена – артисты Русского драматического театра, сын-школьник. Как-то вечером раздался звонок в нашу квартиру. Открыв дверь, увидел на пороге очень мрачного соседа Романа:

– Виктор, у тебя есть мощный фонарь? Возьми его, пожалуйста, оденься и спустись в подвал. Помоги найти нечаянно выброшенные в мусоропровод украшения супруги. Потом всё объясню. Поторопись...

От услышанных слов я на какой-то момент растерялся, жалостью проникся к соседу, ответил:

– Не волнуйся, помогу...

Вооружившись рыбацким аккумуляторным фонарём, спустился на лифте вниз. Там меня уже поджидали Роман и его сын Серёжа. Вместе мы начали сосредоточенно пересматривать и ворошить кучу мусора. Дело это, прямо скажем, мерзопакостное. О деталях поиска рассказывать не стану. Скажу

о главном. Примерно через час нам удалось-таки наткнуться на золотые серьги и цепочку. Помогли, как ориентир, корки от мандаринов, хотя, конечно, их среди мусора было не мало.

Оказывается, увлечённые просмотром по телевизору предновогоднего юмористического концерта, Роман и Серёжа ели мандарины. А корки складывали на стоящую рядом с диваном тумбочку. Затем смахнули корки (как это опрометчиво!) вместе с золотыми украшениями в помойное ведро и выкинули в мусоропровод. На тот момент до боя кремлёвских курантов оставались считанные часы. Хорошо, что очень скоро жена соседа Светлана спохватилась, стала искать серьги и цепочку. Не найдя – закатила истерику. Представьте же теперь её ликование, когда драгоценности вернулись...

Слышу вас, милые!

Накануне прошлого Нового года со мной стряслась беда: оглох на оба уха. О, какое это неприятнейшее состояние! Срочно обратился к специалистам гарнизонной поликлиники. Они тщательно осмотрели мои уши с помощью уникального прибора и затеяли мудрёную процедуру. Трудились ни много – ни мало аж три симпатичные женщины-медички. Одна вставляла поочерёдно в уши наконечник шланга, другая подавала напор какой-то жидкости, а третья, очень молоденькая, держала ванночку у моей головы. Пустили струю сначала в левое ухо – раздался хлопок – и мне показалось, что будто бы я вынырнул из-под воды. Вставили наконечник в другое ухо – что-то выскочило и оттуда. И тут я, обрадованный, привстал с места, наслаждаясь громким женским смехом. Восторженно сказал:

– Прекрасно слышу вас, милые. Бла-го-да-рю!!!

Выстрел пробки шампанского за новогодним столом вмиг долетел до перепонки моих промытых струями ушей. Чётко слышать, а ещё и видеть, скажу вам, дорогие мои, – непередаваемое «ощущение», верх блаженства.

Барабашка

Произошёл этот мистический случай во время одной из моих редакционных командировок. Утром, после прибытия в воинскую часть, я устроился в гарнизонную гостиницу. После этого с головой окунулся в работу по сбору фактов для будущих, запланированных в газету материалов.

Придя в свой двухместный номер поздним вечером, застал напарника лежащим и дремлющим в постели. Не успев с ним познакомиться, я выключил свет и завалился, усталый, спать. Вдруг послышались странные звуки, похожие на жевание чего-то твердого, хрустящего. Подумалось: мужик тайком перекусывает под одеялом. Бывают ведь иногда такие странные люди...

Прошло примерно минут пятнадцать прежде, чем ситуация начала проясняться.

– В нашем номере, видать, завёлся барабашка, – подал голос незнакомец, – Не даёт, окаанный, спать.

Он встал и включил свет. Вместе мы начали искать в помещении загадочное существо. Оказалось, что это не так-то просто... На минуту-другую затихнув, прислушались, определили направление, откуда доносится еле уловимый хруст. Поняли – от холодильника. А когда приблизились к нему, увидели убегающего мышонка, принятого нами за вымышленного барабашку. Позади холодильника валялся надкусанный хлебный сухарик...

Мишка, где твоя улыбка?

**ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО, опубликованное на сайте Одноклассники.ру,
газетчику Захарчуку – вруну, клеветнику, непорядочному, двуличному человеку**

Эх, Михаил, прочитал отдельные главы твоей книжки «Встречная полоса...», и мне стало жалко тебя – сколько же ты нажил себе врагов своими погаными строчками! Разве не понимаешь, что поступил некрасиво, мерзко по отношению к преподавателям – старшим товарищам, к сокурсникам по учёбе, к офицерам-сослуживцам – сотрудникам редакций? Чего хотел добиться этим? Необычности написания, оригинальности в подаче произведений, в конечном счёте, признания читателей? Как же ты промахнулся!

Основательно, не в бровь, а прямо в глаз раскритиковала твой, так называемый, фолиант поэт Татьяна Моторина:

«В книге «Встречная полоса...» – непозволительно-оскорбительный тон, характеристики своим друзьям-однокашникам едкие и порой убийственные. Она не имеет ни исторической, ни художественной ценности, хотя, казалось бы, в ней рассказывается в основном о знаменитостях. Правильно подмечено В. Андрусовым: рядом с этими светилами курсанты ЛВВПУ, слушатели ВПА, описанные Захарчуком, кажутся букашками, бесполезными, никчемными людьми. Ведь если бы Захарчук предполагал получить жёсткий отпор, он не решился писать такую беспросветную чушь о своих товарищах, однокурсниках...»

То, что книга безграмотна, обсуждать не будем: каков сам автор, такова и книга... Обошлось издание, если верить Захарчуку (он сам мне об этом писал), в 17,5 тысяч долларов! Кто щедро спонсировал его? Или на полковничью пенсию он издал свой труд?

И еще один вопрос меня мучает: читал ли покойный начальник редакторского отделения ПВА А. Утыльев эту «лабуду»? Думаю, нет. Иначе не смолчал бы, ведь он был глубоко порядочным, интеллигентным человеком, который бы ни за что не принял даже сам тон захарчукского словоблудия. Вспомните: Утыльев спас Михаила от позора после истории с артисткой Еленой Гоголевой...

Жизнь не научила Захарчука. Написанные им сказки про дружбу с великими не могут не раздражать: столько в них лжи, панибратства, а фактически осквернения памяти ушедших... О живых-то он не пишет. А мертвые тоже, как сказал Андрусов, безобидны... Примечательно, что многие из героев «Встречной полосы...» и не знают о том, что человек, считавшийся их товарищем, так подло их унизил. Некоторые до сих пор числятся в друзьях у Захарчука.

М. А. З.

Меня и мою жену Татьяну, дружившим немало лет с тобой, как выяснилось, двуличным человеком, ты посмел облить грязью. Говорят, что написанное пером (а в данном случае напечатанное в книге) не вырубишь топором. Тебе никогда в жизни не смыть с себя позора за клевету, изощрённое сочинительство обо мне и жене, как и за бестактные выпады против избранных тобой в жертву товарищей. Твоя книга потеряла бы в толщине, да и была бы не так интересной без этих пасквильных страниц – так считаешь?

Замечено, что в силу своей мании величия ты обожаешь сюсюкания и лесть мнимых поклонников! Периодически публикуешь списки якобы многочисленных почитателей. И, чтобы списки казались впечатляющими, включаешь в них по максимуму фамилии всех-всех коллег, даже тех, кто никогда не читает твои «талантливые» произведения. А ещё, что особенно возмутительно, приплюсовываешь к списку ...умерших товарищей. Выходит, в некотором смысле, ты – последователь Чичикова, героя «Мёртвых душ»?

Моя супруга Татьяна назвала твою книгу «чтивом для эзков, сидящих у параша». И добавила: «Мне стыдно, что я была с ним знакома, и знать его не хочу....» А большинство коллег расценили твои вульгарные произведения графоманией. В «Толковом словаре русского языка» о таких субъектах, как ты, возомнивших себя писателями, сказано: «Графомания – болезненное пристрастие к сочинительству бездарного в литературном отношении человека». Какой из тебя писатель, если ты не написал ни одного рассказа, тем более повести? Невозможно назвать писателем человека, потерявшего честь и совесть.

Ты построил карьеру на подхалимском общении со знаменитостями – бесспорный факт! По большому счёту, нет у тебя сколько-нибудь стоящих заслуг. Не хвастайся занимаемыми когда-то должностями – они были тебе даны не без помощи влиятельных начальников, деятелей культуры и искусства, с которыми ты находился в приятельских отношениях, перед которыми преклонялся, раболепствовал. В этом ты, что очень поражает, не стыдишься признаваться, рассказывая в интернете о встречах и выпивках с заслуженными людьми. Публикуешь даже снимки с застольями в их домах и квартирах.

Михайло, в своей статье о выдающейся балерине Майе Плисецкой ты превзошёл себя по словоблудию. Вот написал:

«Многажды я гостил в московской квартире Щедрина и Плисецкой. И доложу вам, общаться с ними было неопишное удовольствие – настоящая роскошь. Ходили они по квартире в стареньких, потёртых и полинялых спортивных костюмах, такие свойские, доступные. Делами моими интересовались, не ради приличия...

– Ваша работа, Майя, сплошная каторга.

– А любая профессия, Мишенька, необыкновенно трудна...

– За нами, вашими поклонниками, там, в Германии, не скучаете?

–Ах, Мишенька, ещё как скучаю!».

Зачем, для кого и для чего ты это написал? Для увеличения объёма «литературного труда»? Как противно!

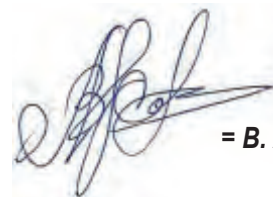
Считаю кощунственными твои слова об Анатолии Григорьевиче Утыльеве, нашем любимом начальнике редакторского отделения Военно-политической академии. Цитирую:

«...проклятый, холодный и голодный 1991 год. Господи, сколько ж раз я сиживал на той кухне! А сколько там перебывало другого прочего люду – не счесть. Никогда жилетку Утыльев сухой не носил. Плакались мы в неё регулярно, как дети малые. А ещё великим и щедрым хлебо-солом слыл Анатолий Григорьевич. На вопрос, что прихватить с собой, всегда отвечал стандартно: «Себя не забудь, всё остальное у меня есть».

Что ты хотел этим сказать? Что задаром мог пообедать у начальника? И не один раз. Верх наглости с твоей стороны. Так бессовестно вёл себя, насколько мне известно, и в отношении семьи однокурсника Володи Верховода. Его супруга рассказывала, что ты нередко без приглашения заходил к ним в гости, любил сытно поесть и попить...

Наглость, говорят, второе счастье. В этом весь ты, Михаил Александрович Захарчук – МАЗ, как сам себя именуешь. Несёшься ты по встречной полосе, извергая чёрные, зловонные клубы дыма. Едешь на красный свет светофора, давишь прохожих без малейшего сожаления. Однако имеются доблестные инспекторы, которые тебя догонят и остановят, сурово накажут, с сарказмом пропойт: «Мишка, Мишка, где твоя сберкнижка?»...

С не уважением, даже с пренебрежением к тебе,

= В. А. АНДРУСОВ =

Ребята-зверята (наброски киносценария)

Желаете посмотреть кино, в котором отражены не придуманные, а реальные, острые факты сегодняшней жизни? Пожалуйста. Вам следует лишь слегка напрячь своё воображение.

Эпизод первый

Представьте мысленно типовой пятиэтажный дом. На выходе из подъезда стоят три девчонки лет пятнадцати, внешний вид которых вызывает отвращение. Губы в чёрной помаде. Не глаза, а глазищи намалёваны пугающе, как в фильме ужасов. Стоят девчонки в сторонке, сигаретки в руках теребят. Стоят под лестницей на площадке, заваленной окурками, пустыми бутылками и пакетами. И вроде бы никому не мешают. Раздражают лишь густые клубы дыма, извергаемого из ротиков девочек. Проходящий мимо старик, покашливая и прикрывая лицо носовым платком, сдерживая эмоции, просит их покинуть подъезд. **ЧТО ТУТ НАЧИНАЕТСЯ !**

Самая ретивая деваха, коротко стриженная, пучеглазая, толстая, выйдя из подъезда, вставляет пальцы в рот – раздаётся оглушительный свист. Мгновенно сбегается гурьба мальчишек разных возрастов. Предводительница щедро угощает всех сигаретами. Возбужденные подростки, постреливая слюной из стороны в сторону, входят в подъезд, поднимаются на площадку первого этажа, становятся в круг, щёлкают зажигалками, закуривают, громко орут, визжат, топают ногами...

Месть старику таким вот диким, показушным способом удаётся сполна. Он, угрюмый, несколько минут стоит у входа в подъезд, сослезав на глазах терпеливо смотрит «спектакль» наглцов. Затем, беспомощно машет рукой и, прихрамывая, удаляется в свою квартиру. Запирает дверь на все замки.

– Как бы архаровцы не нагрянули сюда..., – говорит жене, которая появляется в прихожей...

Многие наверняка догадались, что в роли старика в данном реальном эпизоде, к несчастью, выступаю я сам. Кино на этом не кончается. Старик не сдаётся и не опускает рук перед напором хулиганов. Но и применять физическую силу, драться с ними он не намерен. Действует законным образом.

Старик пишет заявление участковому уполномоченному. В нём сообщает, во-первых, о том, что на днях кто-то разорил на дверях подъезда домофон, снял и украл с него магнит. По этой причине в подъезд проникают посторонние и творят всё, что хотят. Во-вторых, описывает инцидент с курильщиками, излагает возмутительные факты разнузданности подростков. Сообщает, что они делают на панелях всякие надписи, царапины, а иногда даже оставляют следы обуви (грязные отпечатки подошв). Как правило, по выходным дням мальчишки и девчонки устраивают беготню по лестнице. И тогда в подъезде раздаются звон перил и сумасшедший крик. Компания курит и сорит на лестничных площадках.

В заключение заявления грамотный дедушка подчёркивает, что эти хулиганские выходки огорчают жителей ещё и потому, что в подъезде недавно произведён ремонт: побелены потолок и стены, окрашены панели. На замечания взрослых ребята, как волчата, злобно огрызаются.

Через месяц по почте поступил официальный ответ из районного УВД, мол, найти виновных в краже деталей домофона, к сожалению, пока не представляется возможным. Подобных случаев довольно много. Следствие продолжается... По второму вопросу, сообщалось далее в письме, начальником районного УВД приказано старшему инспектору – уполномоченному по работе с несовершеннолетними – капитану Ольге Сергеевне Зориной заняться поднятой проблемой.

Шло время, а хулиганы не унимались. Например, однажды старика возмутила и расстроила надпись у входа в подъезд: «В кв. № 6 живёт лох-стукач...». Стало ясно, что полиция всё-таки начала работать с семьями несовершеннолетних. Поэтому кто-то из подростков в отместку и оформил оскорбительную писульку. Старик хотел было закрасить её, но не успел – она вскоре исчезла.

Прошло ещё около двух месяцев. И что удивительно: в подъезде постепенно прекратились какие-либо случаи хулиганства. Тишина, чистота и порядок стали заметными после установки нового, дорогостоящего, однако более надёжного домофона. Способствовала наведению порядка, разумеется, и работа сотрудников полиции, в первую очередь капитана Ольги Зориной, которой военный пенсионер выразил по телефону сердечную благодарность от имени жителей подъезда.

Эпизод второй

Кино продолжается. На экране – заснеженная остановка городского транспорта. На ней толпа народа. Все спешат уехать к месту работы. Вот подъезжает маршрутка с номером 95. Толпа теснит тех, кто впереди, кого-то уже вытолкнула на проезжую часть дороги. Напор людей усиливается и сбивает с ног старика. Он падает на ледяной тротуар, пытается встать, но ему не дают. Лежачего, зажатого со всех сторон, его обходят вокруг, задевая и ударяя больно ботинками равнодушные ребята, устремлённые к двери маршрутки. Старик взывает о помощи – никто не слышит. Точнее сказать: не хотят слышать и не обращают на него внимания.

Толпа рассеивается вмиг, как только маршрутка укатывает. Мужик лет 40-45 помогает старику встать. Отряхивает с его куртки снежные комья, со вздохом замечает:

– До чего же наглая молодёжь. Затопчет человека и глазом не моргнёт.

– Да, по-хамски ведут себя молодые. Не уважают пожилых людей, – с грустью говорит старик, пожимая руку добродушного незнакомца.

...На экране появляются помехи в виде искрящихся линий. Потом медленно проплывают один за другим кинокадры. Их мелькание ускоряется, приходит в норму. Смотрим фильм дальше.

Эпизод третий

С высоты птичьего полёта видны крыши четырех домов, расположенных прямоугольником. Съёмочная камера наплывает, увеличивает двор, в центре которого детский городок. Между качелями, горкой, домиками, прочими красочными сооружениями много детворы. Камера выхватывает группу мальчишек, бегающих друг за другом, «вооруженных до зубов» игрушечными винтовками, автоматами, пистолетами. Один из пацанов, споткнувшись, падает в лужу. Его окружают и «расстреливают». Изображают даже контрольный выстрел в голову. Знают пацаны и такие приёмы, насмотрелись «боевиков», наигрались в компьютерные игры. Лежащий зашевелился, пытается встать – по нему «открывают массированный огонь со всех видов оружия». А один подросток, видимо «атаман», подходит к поверженному и с размаху бьёт его ногой по спине. Тот корчится от боли, поджимает ноги к животу...

Глупую игру мальчишек прекращает внушительной нотацией с лоджии дедушка-пенсионер. Упрямые ребята неохотно подчиняются просьбе старшего человека, ехидно посмеиваясь над ним. И всё-таки вешают оружие на плечи, расходятся по двору.

Эпизод четвёртый

Кино продолжается. На экране появляется сначала вывеска, потом вырисовывается здание средней школы. Недалеко от её входа, в кустах двое учеников примерно 5–7 классов дымят сигаретами. Проходящий мимо старик спрашивает:

– Что же вы, молодые люди, не идёте на урок? Не слышали звонка?

– Какое твоё собачье дело, дед. Тебе больше всех надо? Топай своей дорогой, пока тебе не накостыляли...

Что оставалось делать старичку? Молча покачал головой и пошёл дальше.

Эпизод пятый

Замелькали кинокадры несущегося по рельсам трамвая. Вскоре – остановка. На ней выходит знакомый уже всем кинозрителям старичок, огибает трамвай сзади, сокращая путь домой. Вдруг замечает мальчугана, который, прижавшись к стенке трамвая, сидит на кронштейне прицепного устройства. Старик делает замечание, потом пытается снять мальчика, однако тот ловко увертывается, брыкается ногами, ворчит:

– Отстань от меня, старый (слышится ругательные слова)...

В этот момент трамвай отправляется. Пацан, ехидно улыбаясь, издевательски машет ладошкой, посылает поцелуй.

– Какой ты злой, как волчонок, – успевает сказать старик вдогонку дерзкому мальчишке.

Трамвай, набирая скорость, постепенно удаляется, становится еле различимой точкой на экране.

Конец фильма

ФОРТОВЫЕ ПОЛЁТЫ

Интересные случаи из своей жизни рассказал Александр Соловьев – мой одноклассник и толковый друг.

В молодости мне нередко приходилось летать пассажирскими самолётами. Это было удобно, недорого и безопасно. Ведь в советское время – смею утверждать как авиаспециалист – гражданский аэрофлот являлся надёжным видом пассажирского транспорта. Мне лично в полётах сопутствовала удача. Иногда, правда, я попадал в нелепые ситуации, которые сегодня мне кажутся забавными.

Первый подобный случай произошёл со мной, студентом авиационного института. Чтобы сэкономить время каникул, не трястись полтора суток в поезде, я решил быстро добраться домой самолётом. Заранее купил билет на рейс Казань – Минеральные воды. В день вылета еду троллейбусом в аэропорт. Где-то на полпути вдруг спохватываюсь: оставил в шкафу плащ с документами и авиабилетом. Какая досада! Возвращаюсь... А время летит...

Сильно я тогда перенервничал. Когда разгорячённый, смахивающий пот со лба, прибыл в аэропорт, оставались считанные минуты до взлёта моего самолёта. По расписанию... Однако к моей радости объявили задержку рейса по причине медицинской помощи одному из пассажиров. Я успел сесть на самолет и улететь...

Удачным можно считать и мой полёт после каникул. С авиабилетом в кармане я поехал автобусом из Нальчика в аэропорт Минеральные воды. Автобус, вот беда, в пути поломался, остановился надолго. Под угрозой, сами понимаете, оказался мой полёт в Казань. Тогда поймав на автотрассе такси, хотя это стоило немалых денег, я помчался дальше...

В аэропорт прибыл тогда, когда пассажиров рейса уже отвезли автобусом к трапу самолёта. Опечаленный, я молящим взглядом смотрел в глаза дежурной по посадке женщине. И она пожалела меня (никогда не забуду её доброты, дай Бог ей здоровья). Спешно проверив все мои документы, она бегом сопровождала меня до самолёта. Так вновь мне улыбнулось счастье.

А вот ещё одна занимательная история.

После командировки в Казахстан, мне необходимо было своевременно возвратиться в Кабардино-Балкарию. Это произошло после окончания мною института, когда я уже работал. Пытаюсь купить билет на самолёт Караганда – Минеральные воды. Кассир меня ставит в тупик:

– На сегодняшний рейс билетов нет. Полетите через три дня?

– Нет, – отвечаю, – оформите тогда мне билет до Волгограда...

И вот авиалайнер, в котором нахожусь и я, поднялся в воздух...

Перед посадкой на аэродром вдруг объявляют: «В связи с неблагоприятными погодными условиями в Волгограде наш самолёт приземляется в аэропорту Минеральные воды...».

Вот так, очередной раз фортуна повернулась ко мне лицом.

Города, где я бывал

За плечами у меня семь десятков лет. За это длительное время побывал во многих городах своей страны и зарубежья. Задался как-то целью перечислить все города, причем назвать именно те из них, в которых находился более суток, а не просто успел увидеть, скажем, из окна поезда. И вот что получилось (попробуйте и вы это сделать – очень увлекательное занятие):

Нарткала (ранее Докшукينو) – родился здесь в 1946 году, учился в школах № 1 и № 3; **Прохладный** – с 1960 по 1965 год учился в техникуме;

Нальчик – столица Кабардино-Балкарской республики, часто туда ездил; **Новочеркасск** – находился на срочной службе воином-ракетчиком с 1965 по 1968 год; **Ростов-на-Дону** – бывал неоднократно, стажировался, будучи курсантом училища, в газете Краснознамённого Северо-кавказского военного округа «Красное знамя»; **Львов**, Западная Украина – с 1968 по 1972 год учился на журфаке ЛВВПУ; **Лесозаводск**, Приморский край – с 1972 по 1977 год служил редактором газеты 135-й МСД; **Москва** – с 1977 по 1980 год учился на редакторском отделении Военно-политической академии; **Потсдам** (ГДР) – с 1980 по 1985 год служил в Группе советских войск в Германии, в редакции групповой газеты «Советская армия»; **Рига** (столица Латвии) – с 1985 по 1992 год жил с семьёй и служил в редакции газеты «За Родину» Краснознамённого Прибалтийского военного округа; **Ярославль** – в 1992 году переехал в этот город после окончания службы в армии и ухода на пенсию, где живу с семьёй и поныне.

1000-летний город на Волге. Ярославль – мой любимый город, в котором живу сегодня

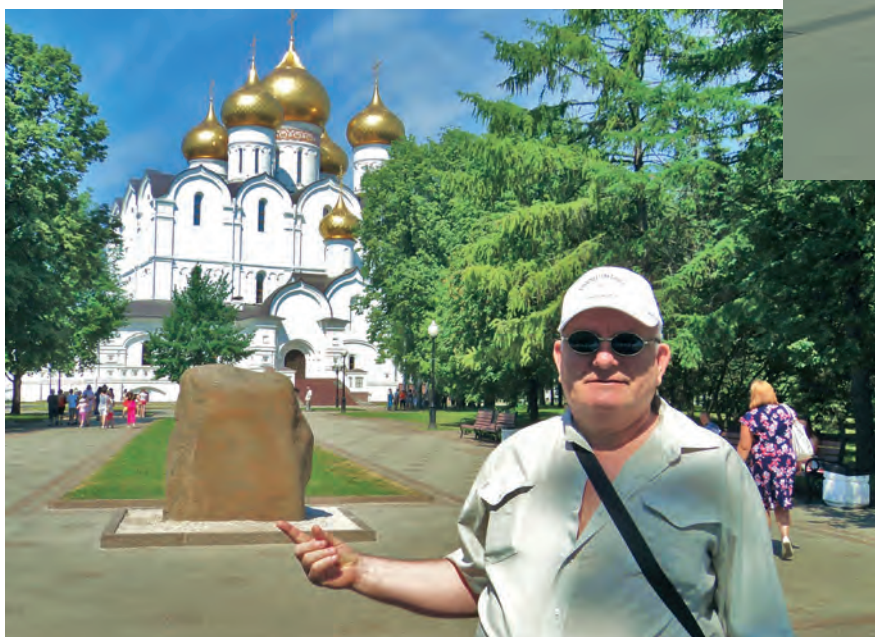
В названных ниже городах СССР и ГДР, бывал неоднократно во время поездок в служебные, редакционные командировки, в отпуск к родственникам или на отдых и лечение в санаториях. В некоторых, уже перечисленных выше, жил довольно долго. Называю города в алфавитном порядке:

Армавир, Бадальстер (ГДР), Белореченск, Берлин (ГДР), Биробиджан, Бранденбург (ГДР), Брест, Брянск, Веймар (ГДР), Вильнюс, Виттшток (ГДР), Владивосток, Волгоград, Воронеж, Галле (ГДР), Гера (ГДР), Горные ключи, Гурзуф, Гусев, Дальнереченск, Дессау (ГДР), Дрезден (ГДР), Евпатория, Елец, Ессентуки, Железноводск, Жуковский, Иваново, Йена (ГДР), Иркутск, Калининград, Калуга, Карл Маркс Штадт (ГДР), Каунас, Кисловодск, Клайпеда, Ковров, Королёв, Краснодар, Кубинка, Лазаревское, Лазо, Лесозаводск, Лейпциг (ГДР), Липецк, Львов, Магдебург (ГДР), Майкоп, Майский, Мейсен (ГДР), Минск, Москва, Мукачево, Нальчик, Нарткала, Новочеркасск, Одесса, Плауэн (ГДР), Потсдам (ГДР), Прохладный, Пятигорск, РИГА, Риза (ГДР), Ростов-на-Дону, Росток (ГДР), Рыбинск, Рязань, Севастополь, Симферополь, Советск, Сухуми, Таллинн, Тамбов, Тарту, Тверь, Трускавец, Туапсе, Тырнауз, Уссурийск, Франкфурт-на-Одере (ГДР), Хабаровск, Харьков, Шверин (ГДР), Шёлково, Ялта, Ярославль.

Помню, в годы молодые мы с удовольствием пели: «Города, где я бывал, по которым тосковал... Сняться людям иногда голубые города, у которых названия нет...». Романтика вперемешку с фантастикой!

Вокзал Ярославль-Главный

На этом месте Ярослав Мудрый заложил город...

На фоне могучей Волги

Такая хо-ро-шень-ка-я!

Ликовала моя жена Татьяна, рассматривая фотокарточки. Именно так и произнесла – по слогам, с растяжкой, подчёркнуто ласково:

– Такая хо-ро-шень-ка-я!

Это о нашей правнучке Мирославе – самой, считаем, красивой и лучшей среди деток всего мира. И это вполне естественно.

28 октября Мирусе-Славусе исполнилось три месяца. Поэтому прабабушка поехала к родным в город Королёв на сей знаменательный «юбилей». Находясь на домашнем хозяйстве, я с нетерпением ожидал каждого сообщения о том, что нового появилось в развитии нашей ненаглядной правнученьки. Так, например, жена рассказала по телефону:

– Славуса заметно выросла. Стала реагировать на всё, что происходит вокруг, – на включенный телевизор, на проезжающие за окном автомобили. Взяла я её на руки, а она прижалась ко мне всем тельцем и лопочет мне на ушко что-то непонятное

на своём младенческом языке. «Это она как бы жалуется», – пояснила мне мама Настя. А как приятно...

Приятно и мне. Чётко представил себе всё это, и захотелось самому понянчить малышку, услышать её первый говорок.

Нередко через окно наблюдаю, как на детской площадке гуляет малышня под наблюдением взрослых. Особенно смешно видеть, как недавно начавший ходить ребёнок изображает из себя, образно говоря, мастера по спортивной ходьбе. Сколько же в нём с рождения заложено энергии! Бывает, какой-нибудь карапуз так стремительно отдаляется от мамы, что она еле успевает догнать его, стараясь не пустить на дорогу. Мечтаю вот также прогуливаться с Мирославой во дворе или в парке. Дождусь, обязательно дождусь этого...

«Мирусе на вырост» – так подписал вместительную коробку, в которую складываю панамки, всякую красивую одежду, а также книжки, игрушки и прочее. Меня, старика, это дело очень забавляет. Подрастёт, приедет в гости к нам правнучка и получит заготовленные подарки. А ещё в «Пользователе» компьютера я создал папку «Мирослава, учись рисовать», где накапливаю подходящие для девочек рисунки.

Внучка Анастасия и её муж Алексей регулярно присылают фото по электронной почте. Никогда раньше, сколько живу на свете, не испытывал таких радостных эмоций от восприятия каждого фотокадра с Мирославочкой. Завёл

для неё компьютерный альбом. Заказывую Алёше тематику фотосъёмок. Попросил его, скажем, сделать постановочный кадр, на котором бы Мирослава помахивала поднятой вверх ручкой, приветствуя...

Время скоротечно. И жизнь наша коротка. Успеть бы дожить до того времени, когда Мирослава окончит школу, поступит в ВУЗ. После ВУЗа выйдет замуж, как когда-то её мама Анастасия. А потом родит ребёночка – такого же расчудесного, хо-ро-шень-ко-го, как сама. Эх, увидеть бы...

Завёл специальную, многостраничную тетрадь – дневник жизни правнучки. И периодически записываю новые факты. Буду это делать до тех пор, пока не иссякнут мои силы. Пока не уйду в мир иной... Успокаивает одна мысль: жил достойно, оставил после себя великолепных потомков.

Поберегите стариков

Уважать старших – вот чего особенно не достаёт ныне молодым людям. Стихотворение заставляет задуматься... Его написала Альбина Груздева – женщина с острым умом, любящая поэзию, музыку, песни, превосходно их исполняющая.

ПОБЕРЕГИТЕ СТАРИКОВ –
 Им жить осталось так немного,
 Пред ними дальняя дорога
 Во тьму веков...
 Не обижайте стариков,
 В глаза им лучше посмотрите
 И сгоряча не говорите
 Обидных слов.
 Поймите наших стариков:
 Они здоровья не жалели
 И столько бед преодолели –
 Не хватит слов.
 Жалейте слабых стариков,
 А ваши дети, это видя,
 И вас, быть может, не обидят –
 В конце концов.

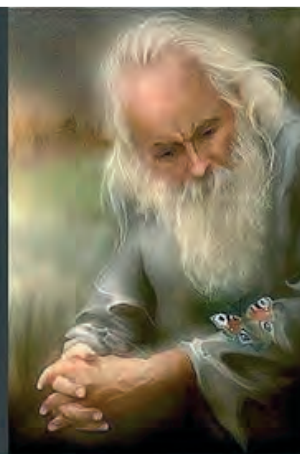

Альбина Груздева (в центре снимка)
 вместе с подругами
 Татьяной и Полиной

*В добро верят
 лишь те немногие,
 кто его творит.*

*Деньги не помогут
 нам в могиле...
 Деньги не заменят
 нам любви...
 Почему же ради
 этой пыли...
 Люди перестали
 быть людьми?...*

Содержание

От автора	9
Знай наших!	11
Весна жизни	21
Три года в солдатах	29
Крылья любви	35
Родился в рубашке	43
Дорогая сестрица Таня	49
Казачья доля окаянная	53
Горжусь своей русскостью	59
Даманский в моей судьбе	67
Высота Андрухаева	75
Курьёзы одного дня	81
Ланцепупы	85
Любимый начальник	87
Встреча с Константином Симоновым	93
Борис Полевой рассказывал... ..	98
Обаятельная Быстрицкая	102
Похождения в Большом театре	103
Ушибленный... форточкой	104
Базарные страсти	105
Понять их, немцев	106
Хорошо, когда о тебе помнят	109
Рыбацкие забавы	113
Король танцплощадки	118
По пути с Кобзоном	120
Седой, рыжий, лысый	121
Розовые поросята	122
Грушевое искушение	123
Целитель поневоле	124
Лесная отшельница	126
Одиночеству вопреки	128
Любить – значит восхищаться	130
О дачнике-удачнике и неудачнике	131
Дал маху... ..	133
Миллионером стать не суждено	135
Домой по шпалам	138
Смеяться полезно	140
Предновогодние заморочки	142
Барабашка	144
Мишка, где твоя улыбка?	145
Ребята-зверята	147
Фортовые полёты	150
Города, где я бывал	151
Такая хо-ро-шень-ка-я!	153
Поберегите стариков	155